

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(ФГБОУ ВО «АмГУ»)

На правах рукописи

刘石

Лю Ши

**ОБРАЗЫ ЭМИГРАЦИИ И ЭМИГРАНТОВ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920–40-Х ГГ.**

Специальность 5.9.1. Русская литература и литературы народов
Российской Федерации (филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Забияко Анна Анатольевна

Благовещенск – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. Исторический, этнокультурный, социокультурный, политический контекст формирования образов эмиграции и эмигрантов в русской литературе XVI – первой половины XX в.....	22
1.1 <i>Представления об «эмиграции» и «эмигрантах» в русском языковом и культурном сознании с XVI по первые десятилетия XX в. (по материалам словарей и литературных текстов).....</i>	22
1.2 <i>Образы самовосприятия в языковом и литературном сознании русской эмиграции 1920–40-х гг. (по материалам публицистических и художественных текстов).....</i>	35
Глава 2. Образы западной эмиграции и эмигрантов в советской литературе 1920–40-х гг.	43
2.1 <i>Междду лирикой и метапоэтикой: «компромиссный» опыт художественной рефлексии эмиграции и эмигрантов: В.Б. Шкловский, 1922–23 гг. .....</i>	43
2.2 <i>От элегического до сатирического: эволюция образов эмиграции и эмигрантов в «эмигрантском цикле» А.Н. Толстого, 1921–32 гг. .....</i>	55
2.3 <i>Междду трагедией и буффонадой: осмысление образов эмиграции и эмигрантов в творчестве М.А. Булгакова, 1926–1928 гг. .....</i>	75
Глава 3. Формирование образов дальневосточной эмиграции и эмигрантов в русской литературе 1920–40-х гг.	86
3.1 <i>Образы восприятия дальневосточной эмиграции и эмигрантов в советской литературе и публицистике конца 1920-х гг. (Я.М. Окунев, Е. Половой).....</i>	86
3.2 <i>Художественные образы самовосприятия эмиграции и эмигрантов в литературе дальневосточного зарубежья 1920–40-х гг. .....</i>	105
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	135
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	142
ПРИЛОЖЕНИЕ. Образ самовосприятия эмиграции и эмигрантов в лирике дальневосточных эмигрантов (1920–1945).....	179

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена исследованию образов эмиграции и эмигрантов в русской литературе 1920–40-х гг. на материале литературных и публицистических произведений писателей Советской России, западноевропейского и дальневосточного зарубежья.

Актуальность темы исследования.

Проблема эмиграции и эмигрантов является одной из наиболее дискутируемых в современном мире с точки зрения разных аспектов. Во многих исторических, географических и социально-политических обстоятельствах восприятие эмигрантов будет разным – многое зависит от того, насколько совместимы или несовместимы встречающиеся этносы и национальности, как эмигранты способны встроиться в культуру и язык принимающей страны, насколько способны разделить ценностные установки [Ощепков, 2010, с. 251–253]; [Камалова, 2018, с. 26–29]; [Забицяко, Сенина, 2021, с. 166–172]. Большую роль в рецепции эмиграции и самих эмигрантов играют универсальные базовые представления о «своем» и «чужом», «отчизне» и «чужбине», «праведном и неправедном».

Отдельную проблему представляет рецепция явления эмиграции и эмигрантов представителями страны исхода и самими эмигрантами. В разных культурах исторически складываются свои аксиологические и этические представления о явлении эмиграции. К примеру, в Китае эмиграция долгое время приравнивалась к миграции по той причине, что истинный сын Поднебесной никогда не отказывался от своей родины и знал, что в свое время обязательно упокоится в родной земле.

В литературоведческой плоскости актуальной для научной рефлексии представляется художественная рецепция феномена эмиграции и эмигрантов в литературных и художественно-публицистических текстах, осуществляемая в конкретных исторических, общественно-политических и социокультурных обстоятельствах.

1917 год становится отправной точкой, когда рецепция эмиграции и эмигрантов начинает постепенное «открытие» в литературной рефлексии России. Последующие за Октябрьской революцией Гражданская война и противостояние «красных» и «белых» вылились в массовый исход граждан бывшей Российской империи за рубеж. Советские и эмигрантские художники слова практически одновременно обращают внимание на данную тему и обусловленные ею проблемы в литературе: писатели эмиграции самых разных взглядов и убеждений – через саморефлексию своего состояния и перспектив дальнейшей адаптации, советские писатели, в первую очередь, сквозь призму идеологических постулатов новообразованного Советского государства и становления однозначно приемлемой литературной парадигмы соцреалистического канона.

В русской литературе образы эмиграции и эмигрантов стали неотъемлемой частью культурного и исторического контекста эпохи 1920–1940-х гг., но они же отчасти являются призмой и сегодняшнего восприятия эмиграции.

Произведения русских авторов 1920–40-х гг., обращенные к проблеме художественной рецепции феномена послеоктябрьской эмиграции и эмигрантов, а также отражающие проблемы самовосприятия эмиграции, на сегодняшний день признаны литературным и общественным сознанием фактами *единой русской литературы*. Несмотря на разность идеологических установок писателей, находящихся «по и эту сторону границы», в своей совокупности эти произведения отражают в разных проекциях, помимо сложных социально-политических, культурно-исторических, социокультурных проблем, результаты работы одновременно литературного и этнического сознания, в образной форме запечатлевая базовые этнические стереотипы и автостереотипы, представления о «своем» и «чужом» («отчизне» и «чужбине», «праведном» и «неправедном» и т.д.).

Сравнительно-историческое и сравнительно-типологическое изучение образов эмиграции и эмигрантов в русской послереволюционной литературе и образов самовосприятия эмигрантов дальневосточного зарубежья позволяет понять, как представления об эмиграции и эмигрантах менялись в языковом, этническом, литературном сознании русских, каковы были типологические черты образа русской

эмиграции и эмигрантов в советском сознании 1920–40-х гг., какие общие основания связывали самовосприятие русской эмиграции в разных центрах рассеяния, а что выделяло, к примеру, дальневосточных беженцев.

Степень научной разработанности проблемы исследования

Лексико-семантический анализ лингвокультурных основ, определяющих языковую и этническую картину мира, исследуется в работах по логическому анализу языка, анализу языковых концептов [Логический анализ языка: язык и время, 1997; Логический анализ языка: языки этики, 2000]. Специфику этнического сознания русских автор исследует с опорой на работы А.П. Забияко [Забияко, 2002; 2003, с. 224–228], В.А. Тишкова [Тишков, 2001, 2013] и др.

Сопоставительный анализ лингвокультурных категорий, сквозь призму которых в синхроническом и диахроническом аспекте изучаются те или иные представления в русском этническом сознании, апробирован в работах А.П. Забияко, А.А. Забияко, Чжан Жуяна [Забияко, Забияко, Чжан, 2020, с. 136–151], Фэн Ишань [Забияко, Фэн, 2023, с. 66–82], Е.В. Сениной [Сенина, 2018].

Образы самовосприятия в этнопсихологическом ключе категориально определены Т.Г. Стефаненко [Стефаненко, 1999, 2004]. Понятие «культурный образ восприятия» определено французским ученым Д.-А. Пажо [Pageaux, 1981, р. 169–185].

Проблемы природы возникновения и функционирования художественных образов разработаны в трудах М.М. Бахтина [Бахтин, 1975, с. 234–407], А.Н. Веселовского [Веселовский, 1989, с. 101–154], Г.Д. Гачева [Гачев, 1972, 1981], А.П. Григорян [Григорян, 1995], А.Ф. Лосева [Лосев, 1995], Ю.М. Лотмана [Лотман, 1998, с. 14–285; 1994], М.Б. Храпченко [Храпченко, 1986], М.Н. Эпштейна [Эпштейн, 1987, с. 252–257], И.Б. Роднянской [Роднянская, 2001, с. 669–674] и др.

История формирования центров русского зарубежья в Европе и на Дальнем Востоке, социокультурной, общественно-политической, этнокультурной адаптации русских эмигрантов детально исследованы В.В. Костиковым, М.И. Раевым, Е.Б. Слободчиковым, Е.П. Таскиной, Г.В. Мелиховым, П.П. Балакшиным, А.А. Хи-

самутдиновым, Ли Синганом [Костиков, 1990; Раев, 1994; Слободчиков, 2005; Русский Берлин...2003; Русский Париж... 1998; Таскина, 1994а, 1994б, 2007; Русский Харбин, 1998; Мелихов, 1997; Балакшин, 2013; Хисамутдинов, 2002; Ли, 1997] и др.

Самосознание русской эмиграции с философской точки зрения фундаментально изучено в работах А.В. Азова [Азов, 1999], в культурно-исторического курсе исследовано А.С. Ахиезером [Ахиезер, 1999] и др.

Особое внимание реконструкции процессов социальной и психологической адаптации россиян за рубежом удалено в работах З.С. Бочарова [Бочарова, 2005], М.Ю. Сорокиной [Сорокина, 2013, с. 33–39], Н.С. Хрусталевой [Хрусталева, 1996] и др.

Проблемы рецепции культурного образа эмиграции и эмигрантов, ее отражение в художественной литературе Китая 1920–1940-х гг. изучены в работах Чжоу Синьюя, Фэн Ишань [Лю, 2019б, с. 171–172; 2020а, с. 230–236; 2020б, с. 671–681; Лю, Забияко, Чжоу [и др.], 2022, с. 64–76; Лю, Забияко, Чжоу [и др.], 2022, с. 288–297; Лю, Забияко, Фэн [и др.], 2023, с. 165–178] и др.

А.В. Зеленин на материале публицистических и художественных текстов исследует отражение образа эмигрантов и эмиграции «первой волны» и самовосприятие русских беженцев с лингвокультурной точки зрения [Зеленин, 2015]. В литературных и фольклорных текстах проблему образного воплощения самовосприятия эмиграции исследовали Е.В. Сенина, А.А. Забияко, Цзюй Куньи [Забияко, 2003, с. 298–312; Забияко, Сенина, 2016, с. 19–32; Цзюй, 2019, с. 120–135].

Системный анализ деятельности литературных центров эмиграции «первой волны» осуществлен Б. Кодзисом [Кодзис, 2002, с. 209–243]. Проблемы литературного быта русского зарубежья изучаются в работах О.Р. Демидовой [Демидова, 2003], Г.П. Струве [Струве, 1996], М. Раева и мн. др.

Понятие «порубежье» как особая темпоральная, пространственная, этнокультурная, этнорелигиозная категория введена в оборот, а затем спроектирована на онтологию русской диаспоры в Китае А.П. Забияко [Забияко, 2015, с. 3–14; 2016, с. 26–36]. Специфика миграции, диаспоризации и связанных с ними социальных,

психологических и иных процессов в инокультурных средах исследуются в работах Н.С. Фрейнкман-Хрусталевой, А.И. Новикова, Э.Л. Мелконяна, Л.Л. Рыбаковского, А.П. Забияко, Р.А. Кобызова, Л.А. Понкратовой, А.К. Осепяна [Фрейнкман-Хрусталева, Новиков, 1995; Мелконян, 2000, с. 12–18; Рыбаковский 2003; Забияко, Кобызов, Понкратова, 2009; Осепян, 2013, с. 68–69] и др.

Жизнь эмигрантской колонии в Маньчжурии сквозь призму истории КВЖД, политические аспекты исследуют Н.Е. Аблова, В.Ф. Ершов, Л.Ф. Говердовская [Аблова, 1998, 2005; Ершов, 2000; Говердовская, 2004]. Е.Е. Аурилене изучает устройство русской общины на территории Маньчжурии [Аурилене, 2008]. Специфика эмиграции в ее гражданском измерении после революции и до окончания Второй мировой войны отражена в исследованиях М.В. Чуприной [Чуприна, 2012]. Различным аспектам фронтирной ментальности дальневосточной эмиграции посвящены публикации А.А. Забияко, А.П. Забияко, С.С. Левошко, А.А. Хисамутдинова [Забияко, Забияко, Левошко, Хисамутдинов, 2015], И.А. Дябкина [Дябкин, 2014], Я.В. Зиненко [Зиненко, Цзюй, 2015, с. 363–371; Зиненко, 2019, с. 296–305], Е.А. Конталевой [Конталева, 2022] и др.

В работах А.А. Забияко исследованы художественные способы рефлексии порубежных (temporальных, пространственных, религиозных, этнокультурных, этнорелигиозных и т.д.) аспектов онтологии дальневосточной эмиграции [Забияко, 2016].

Методология и методика структурно-семантического анализа стихотворного текста опирается на труды М.Л. Гаспарова [Гаспаров, 1995; Гаспаров, 1997, с. 9–20], Ю.М. Лотмана [Лотман, 1998, с. 14–285], О.И. Федотова [Федотов, 2002]. Категорию «лирический субъект» и формы проявления разработали и классифицировали Е. Фарыно [Фарыно, 2004], Б.О. Корман [Корман, 1972] и С.Н. Бройтман [Бройтман, 2008]. Категорию «модус художественности» как «стратегию художественной типизации», «всеобъемлющую характеристику художественного целого» ввел в научный оборот, типологизировал и развил В.И. Тюпа [Тюпа, 2008, с. 127–128].

Проблемы идейно-тематического и жанро-стилистического становления советской прозы рассмотрены в работах Н.А. Грозновой, Г.А. Белой, Е.Б. Скороспеловой, М.М. Голубкова [Грознова, 1975; Белая, 1978; Скороспелова, 2003; Голубков, 2003]. Методологические пути исследования поэтики советской прозы сквозь призму социокультурного подхода разработаны М.О. Чудаковой [Чудакова, 2001], Е.А. Добренко [Соцреалистический канон, 2000] и др. Жанровую природу советского плутовского романа исследует В.Д. Миленко [Миленко, 2010, с. 65–73].

К образу белой эмиграции в советских художественных текстах первой половины XX в. с точки зрения идейно-тематического подхода обращается Ю.В. Матвеева [Матвеева, 2011, с. 203–207]. Проблемы поэтики произведений В.Б. Шкловского, А.Н. Толстого, М.А. Булгакова, посвященных теме эмиграции, исследуют Н.В. Логунова [Логунова, 2009, с. 114–122], Т.Ю. Хмельницкая [Хмельницкая, 2005], Д. Апахончик [Апахончик, 2015, с. 317–326], Е.М. Баранская [Баранская, 2023, с. 3–15], Е.А. Извозчикова [Извозчикова, 2014, с. 94–96; 2016, с. 32–35], Е.Д. Толстая [Толстая, 2006], П.А. Бороздина [Бороздина, 2013, с. 69–97], В.И. Баранов [Баранов, 1982, с. 539–549], А.Л. Александрова [Александрова, 2015, с. 283–290], Б.В. Соколов [Соколов, 2008а, 2008б], А.Н. Варламов [Варламов, 2020] и др.

Художественная оппозиция «свое» / «чужое» в литературе дальневосточной эмиграции определена В.В. Агеносовым [Агеносов, 1998; 2006, с. 273–284; 2008, с. 6–28]. Проблема культурной ассимиляции в контексте дилеммы «свое» / «чужое» исследована А.Л. Ястребовым [Ястребов, 2006, с. 285–298] восприятие образа «другого» – С.А. Смирновым [Смирнов, 2005, с. 67–74]. Важный вклад в исследование путей самопознания в литературе и публицистике дальневосточной эмиграции внесен научной школой Амурского государственного университета (Г.В. Эфендиевой, О.Е. Цмыкал, Е.А. Конталевой, Я.В. Зиненко, К.А. Землянской и др.) [Забияко, Эфендиева, 2008, 2009; Эфендиева, 2011, с. 72–78; Цмыкал, 2021, с. 124–135].

Научный коллектив литературоведов Института филологии СО РАН (Е.Ю. Куликовой [Куликова, 2020, с. 257–267; 2021, с. 345–355], Е.В. Капинос [Капинос, Полторацкий, 2020, с. 138–156; Капинос, 2020, с. 207–233] и др.) исследует

разнообразные аспекты поэтической специфики литературы дальневосточной эмиграции в едином контексте с дальневосточной литературой метрополии.

К концу 1990-х гг. – началу 2000-х гг. научный мир Китая только приступил к исследованию истории, культуры и литературы дальневосточной эмиграции. В коллективной монографии под редакцией Ши Фана подробно анализируется историко-политический, экономический, социокультурный контекст русской эмиграции Харбина [Ши, Лю, Гао, 2003]. В исследованиях Жун Цзе проанализировано всестороннее влияние культуры русской эмиграции на развитие Северо-Востока Китая [Жун, 2011]. В монографии Ван Чжичэна [Ван, 1993] рассматриваются проблемы русской эмиграции Шанхая, приводятся важные факты, позволяющие сделать обобщающие выводы по проблемам адаптации российской интеллигенции в Китае.

Важную роль в развитии китайской эмигрантологии сыграла деятельность ученого и собирателя художественных, публицистических текстов Ли Яньлина [Ли, 2002а, 2002б, 2002в, 2005].

Непреходящее значение для последующих поколений сыграла библиография, созданная харбинским русистом Диао Шаохуа и его публикации, посвященные работе литературного кружка «Чураевка» и литературе русского Харбина [Диао, 1992, с. 4; 1994, с. 6; 1996, с. 56–109; 2001; 2003, с. 119–229]. Значительный вклад в изучение литературы дальневосточной эмиграции внесла американка китайского происхождения Ли Мэн [Ли, 2007].

Китайские ученые признают неоспоримый факт, что с начала XX в. до конца 1940-х годов в Харбине была создана богатая литературная среда, сформировалась большая генерация русских литераторов. Сыграла свою роль инерционная сила «серебряного века», поддерживавшая поэтический настрой русских эмигрантов и их широкую вовлеченность в поэтическое творчество. Ли Иннань в статье «Образ Китая в русской поэзии Харбина» подчеркивает, что для харбинской поэзии характерны своеобразные черты, выделяющие поэтов «харбинской ноты» среди эмигрантской лирики [Ли, 2002а; 2002б, с. 271–272].

Попытка системного анализа вклада китайских исследователей в изучение культуры и литературы дальневосточной эмиграции осуществлена автором диссертации [Лю, 2019а, с. 214–219].

За последние годы китайские ученые опубликовали большое количество научно-популярных работ о творчестве советских писателей 20–40-х гг. Историко-политический и социально-культурный контекст формирования образа белой эмиграции в советских и западных художественных текстах исследуется в работах Чэнь Шисюна, Чжоу Сянлу, Гу Бэйцзе, Яо Юепина [Чэнь, Чжоу, 2004; Гу, 2010, с. 379–385; Чжоу, 2011; Яо, 2015, с. 197–205] и др. Дальневосточная ветвь русской эмиграции и образы ее восприятия в советских публицистических произведениях изучены Лю Ши [Лю, Забияко, 2024, с. 174–192].

Несмотря на вышеперечисленные работы, неисследованными остаются: вопрос формирования представлений об эмиграции в русской культуре и литературе с точки зрения языковой картины мира; проблема генезиса образов эмиграции и эмигрантов «первой волны» в советской литературе и публицистике, их жанрово-стилевое воплощение; проблема генезиса образов самовосприятия в литературе дальневосточного зарубежья с точки зрения социокультурного и этнокультурного контекста, тематико-мотивного уровня, способов художественного выражения.

Теоретико-методологическая база исследования

В основе диссертационного исследования – концепция единства русской литературы 1920–40-х гг., включающей советский и эмигрантский текст (Д.Д. Николаев) и социокультурного ракурса при анализе литературного процесса, предлагаемого М.О. Чудаковой [Чудакова, 2001].

Исследование образов эмиграции и образов самовосприятия эмиграции опирается на теорию художественного образа (М.Н. Эпштейн, И.Б. Роднянская) [Эпштейн, 1987, с. 252–257]; [Роднянская, 2001, с. 669–674], развивающую с опорой на имагологическую концепцию образа художественного восприятия (А.-Д. Пажо, В.А. Луков, Е.В. Сенина, А.А. Забияко) [Pageaux, 1981]; [Луков 2012]; [Забияко, Сенина, 2021]. Антиномии русского этнического сознания, формирующие базовые установки представлений о «своем/чужом», «святом/падшем», «отчизне/чужбине»,

и проецируемые в образах эмиграции, исследуются на основе работ А.П. Забияко [Забияко 2003].

Историко-литературный и историко-культурный контекст литературы дальневосточной эмиграции в ее поколенческой парадигме и фронтальном содержании анализируется с опорой на исследования В.В. Агеносова [Агеносов, 1998; 2006; 2008] и А.А. Забияко.

Понимание жанровой природы произведений в диссертационном исследовании опирается на работы В.М. Жирмунского, Б.М. Эйхенбаума.

Методология исследования лирических текстов основана на понимании лирической субъектности в трактовке Е. Фарыно и опирается на структурно-семантический подход М.Л. Гаспарова, Ю.М. Лотмана, О.И. Федотова.

Объект исследования – образы послереволюционной эмиграции и эмигрантов, запечатленные в литературных и художественно-публицистических произведениях русских писателей 1920–40-х гг. (советских, западноевропейского и дальневосточного зарубежья).

Предмет исследования – художественные способы рецепции эмиграции и эмигрантов, отраженные в текстах советских писателей и авторов дальневосточного зарубежья 1920–40-х гг. в общественно-политическом, социокультурном, этнокультурном контексте формирования и родо-жанровом, тематико-образном, жанрово-стилистическом аспекте выражения.

Эмпирический материал диссертационного исследования представляют русские словари разных типов, публицистические и художественные тексты русских политических и литературных деятелей (XVI – начала XX вв.), советских и эмигрантских политиков, писателей, поэтов 1920–40-х гг.; материалы советской и эмигрантской периодической печати, в том числе, архивного характера (подборка литературно-художественного альманаха «Рубеж», 1928–45 гг., Центр изучения дальневосточной эмиграции), антология «Русская поэзия Китая» (ред. В. Крейд, О. Бакич, 2001 г.), поэтические сборники дальневосточных эмигрантов.

Цель диссертационного исследования – выявить и исследовать художественные образы эмиграции и эмигрантов, запечатленные в литературных и художественно-публицистических текстах советских и дальневосточных эмигрантских писателей 1920–40-х гг., с точки зрения художественно-эстетических, социокультурных, общественно-политических аспектов.

Задачи диссертационного исследования:

1. Реконструировать историю формирования и семантическую основу представлений об «эмигрантах» и «эмиграции» в русском языковом, этническом, художественном сознании с XVI по первую половину XX в.
2. Исследовать в социокультурном, общественно-политическом и художественно-эстетическом аспекте процесс формирования образов западной эмиграции и эмигрантов в советской литературе 1920–40-х гг. (на материале произведений В.Б. Шкловского, А.Н. Толстого, М.А. Булгакова).
3. Исследовать в социокультурном, общественно-политическом и художественно-эстетическом аспекте процесс формирования образов дальневосточной эмиграции и эмигрантов в советской, эмигрантской литературе и публицистике конца 1920–40-х гг.
4. Охарактеризовать родо-жанровые, тематико-образные, жанрово-стилистические особенности воплощения образов западноевропейских и дальневосточных эмигрантов 1920–40-х гг. в диахронической и социокультурной парадигме в советской и эмигрантской литературе и публицистике.

Научная гипотеза диссертационного исследования заключена в тезисе о том, что художественные образы эмиграции и эмигрантов (и самовосприятия эмиграции и эмигрантов) в русской литературе 1920–40-х гг. определены общими базовыми представлениями русской культуры о «своем/чужом» («отчизне/чужбине», «святым/падшем»), а в родо-жанровом и жанрово-стилистическом аспекте обусловлены социально-культурным и художественно-эстетическим контекстом литературного процесса указанного периода.

Научная новизна диссертационного исследования состоит:

1. В экспликации этнокультурных, этнорелигиозных, социально-политических концептуальных основ, определяющих на разных исторических этапах восприятие феномена эмиграции в русском языковом, этническом, общественном, литературном сознании с XVI по 20-е гг. XX в.
2. В исследовании в социокультурном, общественно-политическом и художественно-эстетическом аспекте процесса формирования образов западной эмиграции и эмигрантов и выявлении родо-жанровой, тематико-образной, жанрово-стилистической специфики их воплощения в советской литературе 1920–40-х гг. (на материале произведений В.Б. Шкловского, А.Н. Толстого, М.А. Булгакова).
3. В исследовании процесса формирования образов дальневосточной эмиграции и эмигрантов в советской литературе и публицистике конца 20-х гг. XX в. (на материале произведений Я.М. Окунева и Е. Полевого).
4. В исследовании в социокультурном, общественно-политическом и художественно-эстетическом аспектах процесса формирования художественных образов самовосприятия в произведениях писателей-эмигрантов восточной ветви дальневосточного зарубежья 1920–40-х гг. и выявлении родо-жанровой, тематико-образной, жанрово-стилистической специфики их воплощения.

Личный вклад диссертанта состоит: в выявлении максимально полного контента художественных и художественно-публицистических произведений советской литературы 20–40-х гг., обращенных к теме эмиграции и эмигрантов; во введении в научный оборот новых фактов из истории литературы дальневосточной эмиграции 20–40-х гг. XX в.; во осуществлении контент-анализа лирики дальневосточной эмиграции и введении в научный оборот результатов данного этапа исследования; в детальной проработке архивной подборки литературно-художественного альманаха «Рубеж» (1928–1945 гг.) на предмет отражения в ней образов самовосприятия дальневосточных эмигрантов; в составлении на основе «Рубежа» хронологической и жанрово-тематической описи публикаций, посвященных образу самовосприятия дальневосточной эмиграции (1928–1945 гг.); в экспликации родо-жанровых и жанрово-стилистических особенностей рефлексии и саморефлексии

эмиграции и эмигрантов в произведениях советской литературы и литературы русского зарубежья 1920–40-х гг.

Соответствие диссертационного исследования паспорту специальности.

Отраженные в диссертации положения соответствуют паспорту специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации, в частности, следующим направлениям исследования: п. 1.1. – «Многообразие связей художественной литературы с сочинениями историков и философской мыслью», «История русской литературы XX века (1890–1920-е годы)», «Литература и социология. Институциональные аспекты литературного процесса»; п. 1.2. – «Литература и политика», «История русской литературной критики и публицистики»; п. 2.1. – 2.3 – «История русской советской литературы»; п. 3.1–3.2. – «История литературы русского зарубежья», «Литература и политика», «Литература и социология. Институциональные аспекты литературного процесса».

Теоретическая значимость работы заключается:

- в подтверждении исследовательской парадигмы связи художественной об разности с этнокультурными и лингвокультурными базовыми установками;
- в уточнении эстетических границ категории «художественный образ восприятия» с точки зрения художественного самовосприятия (саморефлексии) фено мена эмиграции и своего эмигрантского статуса художниками слова 1920–40-х гг.;
- в типологическом осмыслении образа эмиграции и эмигрантов в советской литературе и образов самовосприятия в литературе дальневосточного зарубежья сквозь призму социально-политических, этнопсихологических, социокультурных процессов, протекающих в России в 1920–40-е гг.;
- в разработке типологической модели сравнительно-исторического анализа литературы метрополии и эмиграции 1920–40-х гг.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит:

- в дальнейшем использовании материалов в лекционных курсах и на семинарах по истории советской и зарубежной литературы XX в., в спецкурсах и спец

семинарах по проблемам русской эмигрантской литературы, по проблемам российских культурных связей, а также в дальнейшем исследовании литературы дальневосточного зарубежья;

– в перспективе дальнейшего сравнительно-типологического исследования в обозначенной парадигме русской литературы эмиграции и метрополии 20–40-х гг. XX в.;

– в перспективе дальнейшего сравнительно-типологического исследования в обозначенной методологической парадигме образов самовосприятия в литературе западной и восточной ветвей русской эмиграции 1920–40-х гг.;

– в перспективе дальнейшего сравнительно-типологического исследования в обозначенной методологической парадигме образов восприятия эмигрантов и эмиграции в русской и китайской литературах.

Методы исследования. В работе использованы историко-генетический, культурно-исторический, биографический, сравнительно-типологический, структурно-семантический, лексико-семантический методы, интертекстуальный анализ, контент-анализ. Кроме того, автор опирается на междисциплинарный подход к исследованию литературы, представляющий комплексные разыскания с привлечением этнопсихологии, истории, философии и лингвистики.

Обоснованность научных результатов диссертационного исследования опирается на максимально полную источниковую базу, целостностью охвата публикаций российских и зарубежных ученых по теме диссертации, всесторонностью анализа эмпирического и исследовательского материала в культурно-историческом, социокультурном и художественно-эстетическом контексте первой половины XX в.; **достоверность научных результатов** обеспечивается полнотой, системностью использования аутентичных источников по теме исследования (материалы словарей разных типов – этимологических, толковых, geopolитических, исторических, синонимических, публицистических, художественных текстов советских и эмигрантских авторов разной родо-жанровой формы и художественно-эстетической парадигмы), адекватностью примененных методов исследования (указанных выше), опорой на апробированные в российском литературоведении теории и

концепции (сравнительно-исторической А.Н. Веселовского, культурно-исторической В.М. Жирмунского, структурно-семантической Ю.М. Лотмана, М.Л. Гаспарова, О.И. Федотова, социокультурной М.О. Чудаковой, модусов художественности В.И. Тюпы и т.д., фронтальной ментальности А.А. Забияко), соответствующие объекту, предмету, целям и задачам диссертации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Тексты словарей разных типов, произведения древнерусской литературы и публицистики свидетельствуют, что представление об эмиграции возникает в русском этническом сознании намного раньше (середина XVI в.), чем в русский язык приходят понятия «эмиграция» и «эмигрант» (XVIII в.). Исторически пространственный смысл понятия имел второстепенное значение, в нем изначально преобладали политические коннотации, синкетизированные с этническими (этно-психологическими, этнорелигиозными) и этическими установками. В основе этих сложновыстроенных и исторически меняющихся значений слова «эмигрант» лежали представления о «своем/чужом», сфокусированные на образе «отчизны/чужбины». Данные смыслы определили формирование образа эмиграции в сознании послереволюционной России и самовосприятия эмигрантов в рассеянии. Они же обусловили художественную специфику рецепции этих понятий в русской литературе 1920–40-х гг.

2. Материалы литературных и публицистических текстов эмигрантов свидетельствуют о том, что становление образа самовосприятия в художественном сознании русской эмиграции «первой волны» берет начало в 1920 г. и заканчивается к 1932–33 гг. За это время формируется парадигма семантических признаков, присущих эмигрантскому самовосприятию во всех центрах рассеяния: национальный (этнический) (российский/русский), политический (антибольшевистский/белый), религиозный (православный) компоненты. Эти компоненты выражают общеэмигрантскую онтологию самоидентификации и самовосприятия. И только затем в действие вступает пространственный компонент, обозначающий изгнанничество (беженство) как бытийственный факт и страну изгнания.

3. Образ эмиграции и эмигрантов в советской литературе начинает складываться с 1921 и завершается к 1932 гг., отразив основные этапы формирования однозначно негативной политической точки зрения на явление эмиграции и эмигрантов сквозь призму становления литературной парадигмы соцреалистического канона. Он воплотился в единичных литературных образцах, однако в лиро-эпике, эпике и драме, в жанрово-стилистическом разнообразии.

4. Первый, «компромиссный» этап рецепции образа эмиграции и эмигрантов в общественно-политическом, культурном и литературном сознании советских людей начала 1920-х гг. находит отражение в творчестве В.Б. Шкловского («Zoo, или “Третья Элоиза”», 1922–1923 гг.). Эмигрантская тема становится поводом для создания метапоэтического дискурса. Образ эмиграции и эмигрантов воплощен в экспериментальном жанре лиризованных автобиографических «писем не о любви», показан с «двойной точки зрения» (эмигранта, наблюдающего эмиграцию как советский писатель).

5. Динамика трансформации образов эмиграции и эмигрантов в общественном, культурном, литературном сознании Советской России – СССР воплощена в «эмигрантском цикле» А.Н. Толстого (1921–1932). Эти изменения (от сочувственной рефлексии до однозначно негативного восприятия) находят отражение на тематическом уровне (от темы горьких разочарований – к теме духовного разложения), в жанрово-стилистической системе (от рассказа с элегической тональностью к политическому детективу-памфлету), на уровне интертекстуальных аллюзий (от «купринских» мотивов к двойничеству в духе Достоевского).

6. Попытка создать объективный, многомерный образ эмиграции и эмигрантов с социально-политической, этической, этнокультурной и художественной точек зрения нашла отражение в творчестве М.А. Булгакова (пьеса «Бег», 1926–1928). Система персонажей пьесы выражает оппозицию «свое/чужое», «праведное/неправедное», «отчизна/чужбина» внутри эмигрантского сознания, потому наиболее яркими и убедительными становятся самые противоречивые фигуры эмигрантов (Хлудов и Чарнота), сохраняющие в себе базовые установки этнического сознания, не теряющие любви к Родине. Типологическую достоверность художественной

трактовке эмиграции и эмигрантов в пьесе дает окказиональная жанровая форма пьесы «в восьми снах», предназначеннной для постановки и чтения одновременно. Она воплощена в синкретическом единстве амбивалентного конфликта, комического (буффонного) и трагического модусов художественности.

7. Образ дальневосточной эмиграции и эмигрантов в советской литературе (Я.М. Окунев, Е. Полевой) возникает весьма поздно – к концу 1920-х гг., когда принимаются конкретные решения по поводу «невозвращенцев» (1929) и становится очевидна неудача СССР сделать КВЖД советской. Для него характерна концентрация на «белом Харбине» и харбинцах-белоэмигрантах; нивелировка этнических характеристик; на первый план вынесены политическая и социальная оппозиции «СССР/маньчжурский тупик», «советское/несоветское», «белые офицеры, обыватели / (советские и китайские) рабочие»; контаминация реалий благополучной харбинской жизни (социальных и бытовых) и их гротескная интерпретация, создание намеренно «перевернутого с ног на голову» образа мира и населяющих его людей (живых мертвецов).

8. Литература дальневосточной эмиграции в единстве прозаического и лирического начал отражает становление образа самовосприятия, однако в лирике данный процесс в большей степени концептуализирован. В творчестве «старших» поэтов образ самовосприятия является общей темой с типологически близкими чертами: политический компонент в основном уступает место этническому и религиозному; общеэмигрантские установки тесно сопрягаются с региональными мотивами; лирический субъект-эмигрант старшего поколения – человек, лишенный родного дома, крова, Родины; эмиграция в этом художественном целом обретает символические черты рубежа между жизнью/смертью; бытием/инобытием; с годами образ самовосприятия эмигранта в лирике старшего поколения эволюционирует: от лирического «я» к соборному звучанию «мы».

9. В творчестве молодого поколения дальневосточных лириков образ самовосприятия обретает новые коннотации. Для них статус эмигранта не только психологически привычен, но и понятен с точки зрения жизненной практики, их эмигрантская «русскость» определяется причастностью к наследию русской культуры

и литературы. В лирике молодых харбинцев, в отличие от старшего поколения, нет прошлого и будущего – только настоящее. Часть молодых людей, вообще не знающих реалий жизни в России и СССР, создает в своем художественном воображении мифологизированный образ Родины, который сопрягается с бипатриотическим восприятием Китая.

10. Корреляция образов эмиграции и эмигрантов в литературе метрополии и дальневосточного зарубежья 1920–40-х гг. осуществляется на тонкой оси базовых универсалий русского этнического сознания. Согласно этим универсалиям, образ «своего» напрямую соотнесен с представлениями о своем Отечестве, родине, родных местах и родной культуре; политический компонент тесно сопряжен с этническим (исторической памятью, религиозными и культурными традициями, укорененными в прошлом).

Апробация и внедрение результатов исследования

Основные положения диссертационного исследования изложены в докладах на международных, межрегиональных, национальных научно-практических конференциях и семинарах:

- 1) Международный молодежный межкафедральный научно-практический семинар «Дальневосточный фронт: язык, религии, культура, литература» (г. Благовещенск, Амурский государственный университет, 2018, 2020 гг.).
- 2) Международная научно-практическая конференция «Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия двух культур» (г. Благовещенск, Амурский государственный университет, 2018 г.).
- 3) IV Конгресс российских исследователей религии. Религия как фактор взаимодействия цивилизаций (г. Благовещенск, Амурский государственный университет, 2018 г.).
- 4) Международная научно-практическая конференция «Любимый Харбин – город дружбы России и Китая», посвященная 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае» (г. Харбин, 2018 г.).

- 5) XIII Международная научно-практическая конференция «Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Народы и культуры Северо-Восточного Китая» (г. Благовещенск, Амурский государственный университет, 2020 г.).
- 6) Международная научная конференция «Дальневосточный фронтир. Исторический форум. К 150-летию А.Я. Гурова» (г. Благовещенск, Амурский государственный университет, 2022 г.).
- 7) Археология и этнография дальневосточного фронтира. Международная научная конференция, посвященная юбилею академика А.П. Деревянко (г. Благовещенск, Амурский государственный университет, 2023 г.).
- 8) Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера (г. Новосибирск, Институт филологии СО РАН, 2023 г.).

Основные положения диссертационного исследования отражены в 13 публикациях (общий объем 13,04 печ. л., из них авторских – 7,46 печ. л.). Автором диссертационного исследования опубликовано 7 статей в рецензируемых изданиях: 2 статьи из перечня 2 – Scopus, 2 – RSCI, 3 – из перечня ВАК. Автор самостоятельно исследовал культурно-исторические, общественно-политические, этнокультурные условия формирования образа эмигранта в китайском этническом и литературном сознании, определив типологию восприятия русской эмиграции и эмигрантов с точки зрения оппозиций «свое/чужое», «отчизна/чужбина», «праведное/неправедное» [Лю, 2020, с. 671–681] (1,27 п.л.; ВАК).

Им была проведена работа со словарями различных типов для осуществления лексико-семантического, сравнительно-исторического, историко-литературного анализа процесса складывания в русском этническом и литературном сознании восприятия эмиграции и эмигрантов.

В цикле публикаций самим и в соавторстве с коллегами по научной школе, занимающихся исследованием фронтирных феноменов в литературе, Лю Ши лично проанализированы типологические закономерности эмигрантского самовосприятия в русской и китайской литературе первых десятилетий XX в. [Лю, Забияко, Чжоу [и др.], 2022, с. 64–76] (1,5 п.л.; часть Лю Ши – 0,5 п.л.; Scopus); [Лю, Забияко,

Фэн [и др.], 2023, с. 165–178] (1,5 п.л.; часть Лю Ши – 0,3 п.л.; Scopus); [Лю, 2025, с. 1542–1550].

Лю Ши осуществил основе контент-анализ для сравнительно-типологического, структурно-семантического анализа образов самовосприятия в лирике старшего и младшего поколения дальневосточных эмигрантов, выявил типологию данных образов [Лю, Забияко, 2024, с. 71–86] (1 п.л.; часть Лю Ши – 0, 5 п.л.; ВАК).

На основе самостоятельно составленной Лю Ши архивной подборки и описи литературно-художественного альманаха «Рубеж» осуществлен сравнительно-типологический анализ эволюции образа самовосприятия в культурном и литературном сознании дальневосточных эмигрантов [Лю, Забияко, 2024, с. 446–461] (2 п.л., часть Лю Ши – 1 п.л.; RSCI).

Диссертант исследовал структуру публикаций советских авторов, пишущих о дальневосточных эмигрантах, и составил типологию образов эмигрантского Харбина и харбинцев [Лю, Забияко, 2024, с. 174–192] (1 п.л., часть Лю Ши – 0, 5 п.л.; ВАК).

В других публикациях (РИНЦ, общее количество – 6) Лю Ши лично выявлены фронтирные коннотации самовосприятия дальневосточных эмигрантов в лирике [Liu, Zabiyako, Zinenko et al., 2021, p. 1172–1179] (0,5 п.л.; часть Лю Ши – 0,2 п.л.; РИНЦ); исследован образ самовосприятия русских эмигрантов сквозь призму отношения к Родине [Liu, Tsmykal, Feng, 2021, p. 1628–1635] (0,5 п.л.; часть Лю Ши – 0,3 п.л.; РИНЦ); детально исследовал рецепцию литературы дальневосточной эмиграции в китайских исследованиях; типологию художественных образов русских эмигрантов в китайской литературе 1920–40-х гг.; реконструировал историю понятия «эмигрант» в китайском этническом сознании в соотнесении с русскими представлениями об эмиграции и эмигрантах.

Структура и основное содержание работы. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и приложения.

Глава 1. Исторический, этнокультурный, социокультурный, политический контекст формирования образов эмиграции и эмигрантов в русской литературе XVI – первой половины XX в.

Литература, как известно, является составной частью национальной культуры, носительницей черт, характеризующих нацию, выражением общих национальных свойств. Как искусство слова литература целиком ориентирована на работу языкового сознания, а особенности национального языка, на котором она создана, являются непосредственным выражением работы этнического и шире – национального сознания.

В свою очередь, рождение любых понятий, уточнение и корректировка их содержания и объема, последующая культурная и литературная рефлексия образов, определяемых этими понятиями, во многом связаны с развитием языкового и этнического сознания, а также с изменением исторических, этнокультурных, социокультурных и социополитических обстоятельств их рецепции.

История складывания представлений об эмигрантах и эмиграции в русском культурном и литературном сознании находит отражение в текстах древнерусской литературы, в словарях разных типов, в литературных и публицистических текстах, политических и литературных декларациях.

1.1 Представления об «эмиграции» и «эмигрантах» в русском языковом и культурном сознании с XVI по первые десятилетия XX в. (по материалам словарей и литературных текстов)

В современном русском литературном языке понятие «эмиграция» (от лат. *emigrare* – переселяться, выселяться; франц. *émigration*, лат. *emigratio* – «выселение, выезд») определяется как выезд граждан из своей страны в другое государство на постоянное место жительства или на длительный срок по каким-то мотивам [Большой толковый словарь...2000, с. 1522], и это переселение (изгнание, выход),

дословно – «выселение» за пределы. Приставки «экс-», «э-» равны по смыслу «из-», «вы-»: «эмиграция» – «выселение» [Эмиграция, 2014, с. 504]. Соответственно, понятие «эмиграция» как таковое включает в себя 3 концептуальных значения – процессуальности в пространстве (выселение, переселение, изгнание), бытийности (жизнь в эмиграции, бытие эмигрантом), социальности (общность людей – эмигрантов) [Эмиграция, 1940; Зеленин, 2015]. Таким образом, в понятиях *эмиграция* и *эмигрант*, в первую очередь, соединены пространственные, социальные, политические смыслы.

История формирования и закрепления в языке современного толкования понятий «эмиграция» и «эмигрант» неотделима от истории возникновения самого феномена эмиграции из России и в Россию и отношения к нему российского общества. При анализе всех существующих периодизаций феномена российской эмиграции в нашем исследовании уместнее всего представляется опираться на периодизацию, по крайней мере, в некоей логической системе представляющей 4 этапа: 1) конец XV – середина XIX в.; 2) середина XIX – конец XIX в.; 3) конец XIX в. – 1914 гг.; 4) 1917 – и далее [Ахиезер, 1999, с. 70–78].

В русском этническом сознании эмиграция как социально-историческое явление возникает гораздо раньше, чем само понятие появляется в русском языке и закрепляется в лингвокультурном сознании.

Несмотря на то, что миграционные процессы из восточнославянских земель были отмечены еще в Византийской империи [Брайчевский, 1961, с. 120–137], о фактах российской эмиграции и ее рефлексии можно говорить не ранее, чем возникает и оформляется единое централизованное государство – Россия, то есть не ранее XVI века [Сёмочкина, 2007, с. 52].

Фактически история эмиграции из России начинает свой отсчет от бегства князя Андрея Курбского в XVI в. [Переписка Андрея Курбского...1997, с. 2–3]. Именитый вельможа, обласканный государем, но сбежавший под страхом опалы, Андрей Курбский решил объясниться с Иваном Грозным в эпистолярной форме.

Знаменитая переписка двух умнейших и образованнейших людей XVI в. стала не только настоящим памятником древнерусской литературы, «памятником

живой политической пропаганды» [Там же, с. 2], но и источником современной реконструкции этнопсихологических, этносоциальных и социально-политических оснований восприятия образа эмигранта русским этническим сознанием.

Курбский пытается оправдать *перед лицом общественного мнения* свое фактическое *предательство* – «отъезд» к польскому королю Сигизмунду II Августу – лютой жестокостью и ненавистью Ивана IV в отношении его подданных. В ответах Ивана Грозного звучит обвинение Курбскому в «крестопреступлении» – то есть измене клятве, которую тот давал на кресте, присягая Государю, а значит – *измене Отечеству*, самому православию и всему «*русскому роду*» [Развернутое обвинение Курбского... 1997, с. 298–301].

Царь утверждает, что главной целью его существования является благо русских подданных, заключающееся в единстве государства под самодержавной властью помазанника Божиего: «...за них желаем противо всех враг их не токмо до крови, но и до смерти пострадати» [Первое послание Курбского... 1987, с. 46], «Русская земля правится Божиимъ милосердиемъ, и пречистые Богородицы милостию, и всѣхъ святыхъ молитвами, и родителей нашихъ благословениемъ, и последи нами, своими государи..» [Первое послание Ивана Грозного Курбскому]. Соответственно, боярин, предавший царя – враг *Русской земли, враг православия, предавший предков, враг всех русских подданных*. Таким образом, в русском языковом сознании в представлении об эмиграции *пространственная* концептуализация изначально была связана с онтологической; *политический* компонент был неотделим от *религиозного, этнического и этического*. И это задавало определенный фрейм в складывании будущего образа русского эмигранта в русском этническом сознании.

После одиозной и, говоря современным языком, «резонансной» «эмиграции» А. Курбского к полякам, российское общество длительное время не знало подобных эксцессов. Возможно, поэтому само понятие «эмigrant» на протяжении почти двух последующих столетий в русской лингвокультуре не связывалось с процессом оставления России русскими подданными, целиком ассоциируясь с эмигрантами в Россию извне (из Франции, Германии, миграции евреев и т.д.).

Сама история слова, закрепленная в словарях разной направленности, отражает этапы формирования современного содержания термина. Понятие «эмигрант» (немецкого происхождения [Епишкин, 2010]) – «человек, переселившийся в другую страну по причинам политического, экономического или другого характера» [Термины по ОРЦ... 2022], приходит в русский язык, скорее всего, в середине XVII в. Усвоено же оно в широком ключе на рубеже XVIII–XIX вв., после событий Французской революции 1789–1799 гг. [Плавинская, 1996, с. 120–126]. В результате сложных религиозных конфликтов (в Германии, Франции) в Россию хлынул поток всех, «кто оставил свое отчество и поселился в другом. Сим именем особенно называются те, кои оставили Францию во время революционного в оной правления, быв не довольны новою конституциею как первою Королевскою, так и Республиканскою, по уничтожении Королевского достоинства учрежденною» [Епишкин, 2010].

По крайней мере, именно этот исторический период фиксируют отечественные исторические и литературные источники: «А помнишь ли ты этого пригожего эмигранта?», – вопрошают героиня комедии великого баснописца (И.А. Крылов «Урок дочкам», 1807 [Полное собрание сочинений, 1946, с. 357–600]), имея в виду «пригожего» француза-эмигранта, оказавшегося в России после исторических потрясений в своем отечестве.

Со времени появления данного слова для определения самого явления ему, как видно, сопутствовала и религиозная составляющая – ведь речь шла о немецких и французских протестантах, изгнанных из своих отечеств «за исповедание своей веры» [См.: Болотов, 1988]: «В начале 1689 г. София особым манифестом призвала в Россию французских эмигрантов, протестантских исповедников, изгнанных Людовиком XIV» [Добролюбов, 2012]; «У еврея – у этого первозданного изгнанника, у этого допотопного эмигранта – есть кивот, на котором починает его вера» [Герцен, 2012]. Однако, так как в русском языке и литературе понятия «эмиграция» и «эмигрант» обозначали процесс (эмиграцию) и его участников (эмигрантов), оставляющих не свое, а чужое отчество, не свою – а чужую веру, то значения слов долгое

время не имели отрицательных коннотаций, практически синонимизируясь с понятиями «прибывшие в страну», «иностранные» – то есть, говоря современным языком, «мигранты».

С середины, а особенно конца XVIII в. начинается процесс массового движения за пределы Отечества уже подданных Российского государства – это обусловлено динамикой Петровских реформ, стремлением пионеров российского Просвещения развить экономику, науку, военное дело в своем государстве. Русские эмигранты появляются во французском г. Ницце, а сыновья русских дворян начинают получать образование в Галле, Марбурге и Йене, Германия [Ионцев, Лебедева, Назаров, Окороков, 2001].

Политические обстоятельства начинают формировать русскую эмиграцию после провала восстания декабристов в 1825 г., когда большое количество русских аристократов уезжает в Германию, Италию и Францию. Большинство из них покидает родину из-за политических преследований, образуя, таким образом, первую небольшую политическую эмиграцию из России, и Париж быстро становится для них местом сбора. Однако большинство из них сохраняют свое первоначальное подданство и не являются эмигрантами в строгом смысле этого слова [Там же].

В XIX в. вне России предпочитают подолгу жить многие интеллектуалы, среди них много писателей [Тарле, 1994, с. 24]. Долгое время в путешествиях по Европе провел Н.В. Гоголь. Иван Сергеевич Тургенев также проживал за границей практически до конца своей жизни, будучи убежденным «русским европейцем». Подолгу жил за границей и Ф.И. Достоевский, это не мешало ему быть убежденным патриотом. Возможно, заграничные поездки помогали русским писателям сильнее почувствовать тягу к родным местам и точнее выразить в произведениях свои раздумья о судьбах родины.

Со второй половины XIX в. появилась первая русская экономическая эмиграция, поскольку в России быстро развивалась капиталистическая экономика, и группы русских инженеров и высококвалифицированных рабочих начинают переехать из других русских губерний на Балтийское побережье для участия в строительстве [ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 104. Л. 2].

«К середине того же века выросло количество подданных Российской империи, отправлявшихся за границу на длительное время: учеба, курорты (ездили “на воды”), развлечения, путешествия (зажиточные дворяне, купцы), творчество (художники, писатели). Другая часть выезжающих отправлялась в поисках лучшей доли – так, к концу XIX в. ежегодно российские границы пересекало от 30 до 50 тыс. человек. В конце XIX – начале XX в. выросло число уезжающих по религиозным и национальным мотивам (евреи, поляки, народы Кавказа)» [Зеленин, 2015, с. 29].

Очевидно, что и культурная, и экономическая эмиграция из России носила неконфликтный характер и по своему характеру была также близка к общему понятию «миграция».

То, что в русской лингвокультуре к середине XIX в. представление об эмиграции и эмигрантах уже сформировалось, свидетельствуют словари. Они же фиксируют нейтральный смысл слова, не включающий отрицательных значений и его применимость по отношению к эмигрантам в Россию: «Эмигрант – лат. *emigrans*, от *emigrare*, выселяться. Выходец, переселенец. *Но это название преимущественно придается людям, укрывшимся в другия государства от бедствия первой Французской революции*» [Михельсон, 1866, с. 761]. В понятии «эмигрант» актуально второе – пространственное – значение «люди, покидающие какое-либо место»: «Город Пенза с каждым днем становился многолюднее. С половины сентября <1812> стали наезжать уже московские эмигранты, а в следующем месяце в великом множестве начали, – как говорил народ, – пригонять пленных», – пишет в своих «Записках» Ф.Ф. Вигель (1891) [Вигель, 2005].

Политическая коннотация понятия усиливается и выходит на первый план к концу XIX в.

Подъем социал-демократического движения (1895 г.) в России приводит к эмиграции будущих революционеров – В.И. Ульянова-Ленина и его соратников [Жигунов, Черненко, 1975, с. 500–512]. Их эмиграция носила нелегальный характер, при этом все эти политические деятели сохраняли свое российское граждан-

ство. Несмотря на то, что в XIX в. эмиграция из России постепенно принимает политический характер, и эта ее часть находится под запретом, само содержание понятия не отражает пока отрицательных коннотаций. Согласно словарю В.И. Даля, опубликованному в 1882 г., «эмигрант – выходец на чужбину, бол. *по политическим причинам*»; «эмиграция – выселение, высел, переселение, выход на чужбину, в *новое отчество*» [Даль, 1882, с. 685]. Синонимами толкования понятия в эти годы становятся слова «ушелец», «выходец», «репатриант», «переселенец»: «Эмигрант (от лат. *emigrare* – выселяться) лицо, переселившееся в другую страну; выходец» [Словарь иностранных слов... 1894, с. 974].

Рубежом, положившим начало формированию стойкого негативного отношения к эмиграции в самой метрополии, становятся события Октябрьской революции 1917 г. и последующей Гражданской войны. Русская послереволюционная эмиграция XX в. – совершенно уникальное и беспрецедентное по своим масштабам в мировой истории. Она разительно отличалась от эмиграции из Российской империи даже конца XIX в., поскольку была вызвана специфическими политическими обстоятельствами и массовостью. После Октябрьского переворота и Гражданской войны большое количество людей стали эмигрантами вынужденно, противопоставляя эмиграции – физическое уничтожение. В целом, в контексте российской истории, русские после Октябрьской революции и Гражданской войны выбирали эмиграцию в основном по политическим соображениям. Но изначально своей задачей русская эмиграция ставила сохранение этнической и национальной идентичности.

Именно в этот период социально-политический смысл понятия «эмиграция» обретает негативную окраску: «белая эмиграция» – в восприятии сознания метрополии, в первую очередь [Great Soviet Encyclopedia...1978, p. 209]. Политические цели русской эмиграции рассматриваются новой властью как преднамеренные попытки свержения советского режима, поэтому понятие «эмиграция» изначально перестает быть нейтральным термином, в восприятии новой власти связываясь с такими значениями, как «измена», «предательство», «отступничество» с перенесением этих смыслов на субъектов, участвующих в процессе эмиграции.

15 декабря 1921 г. ВЦИК и СНК РСФСР был принят декрет [Декрет...1921], с момента издания которого эмигранты оказывались лицами без гражданства [Пронин, 2002].

Если в самом начале 20-х гг. советское правительство пытается выработать по отношению к эмигрантам некий компромиссный подход по отношению, резко дифференцируя «правое» и «левое» крыло эмиграции [Митрохин, 2008], то уже в 1922 г. Ленин выскажет: «Я думаю, что почти все они больше всего заслуживают депортации. Все они были *голыми контрреволюционерами, пособниками Антанты, группой слуг и шпионов Антанты, группой подстрекателей к отравлению молодых студентов*. Вот как это следует делать: арестовать всех этих военных шпионов и продолжать арестовывать их, систематически, и выслать из страны» [Ленин, 1979, с. 224–225].

В 1923 г. в восприятии эмиграции обозначатся те устойчивые негативные смыслы, что будут только усиливаться по мере избавления правящей верхушкой от «либеральных» ленинских установок. Литература и публицистика новорожденного Советского государства должна была отражать эти тенденции и формировать в однозначном направлении сознание советского читателя. В отношении эмиграции и эмигрантов были высказаны концептуальные тезисы, определившие самые главные характеристики эмиграции – ее оставленность в прошлом Российской империи (а по постулатам советского сознания, всего, что было до 1917 г. – не существует, «прошлого не существует»), ее мертвенное начало, ее «небытие», то есть существование за пределами реальной жизни. Реальная, «живая» жизнь могла быть только в СССР.

В этом же 1923 г. выходит знаковая работа Л. Троцкого «Литература и революция», в концентрированном виде выразившая основной вектор в отношении «бывших людей»: «В трупном разложении эмиграции довершился некий полированный *тип посвистывающего циника*. Все течения и направления вошли к нему в кровь как дурная болезнь, которая иммунизировала его от всякой дальнейшей

идейной заразы» [Троцкий, 1923, с. 28]. Итак, «трупное разложение», «дурная болезнь», «идейная зараза» – основные концепты в оценке «мертвенности» эмиграции и эмигрантов.

Литература эмиграции – это «старая литература»: «Литература после Октября хотела притвориться, что ничего особенного не произошло и что это вообще ее не касается. Но как-то вышло так, что Октябрь принял хождение в литературе, сортировать и тасовать ее, – и вовсе не только в административном, а еще в каком-то более глубоком смысле. *Значительнейшая часть старой литературы оказалась, и не случайно, за рубежом*, – и вот случилось так, что именно в литературном-то отношении эта часть и *вышла в тираж*. Существует ли Бунин? О Мережковском нельзя сказать, что его не стало, потому что его, по существу, *никогда и не было*. Или Куприн? Или Бальмонт? Или сам Чириков? <...> Все это сплошь упражнения в книге жалоб на берлинской станции: очень долго не подают лошадей на Москву, и пассажиры выражаются» [Там же].

То есть литература писателей, сложившихся до революции мастеров слова – «вышла в тираж», а самих писателей «никогда и не было».

«Маленький практический урок социологии на тему о том, что нельзя обмануть историю! Ну, хорошо, насилие: земли отняли, фабрики отняли, банковские вклады отобрали, сейфы вскрыли, – *а таланты, а идеи?* Ведь эти-то невесомые ценности были вывезены заграницу в угрожающем для русской “культуры” и особенно ее достолюбезного псаломщика, М. Горького, размере. Почему же из всего этого ничего не произошло? *Почему это эмиграция не может назвать ни одного имени, ни одной книги, на которых стоило бы остановиться?* Потому что нельзя обмануть историю и подлинную (не псаломщицкую) культуру. Октябрь вошел в судьбы русского народа как решающее событие, и всему придал свой смысл и свою оценку. *Прошлое сразу отошло, поблекло и обвисло, и художественно оживить его можно только ретроспекцией от того же Октября. Кто вне октябрьских перспектив, тот опустошен насеквозд и безнадежно.* Оттого-то такими свидетелями ходят мудрецы и поэты, которые с этим “не согласны” или которых это “не касается”. Им просто-напросто нечего сказать. По этой, а не по иной причине

эмигрантской литературы не существует. А на нет и суда нет» [Троцкий, 1923, с. 2].

Итак – тот, кто не принял Октябрь, того попросту «нет», а если и есть – это «живые мертвецы».

Динамика изменения названий советских публицистических изданий 20-х гг., сразу же откликнувшихся на определившуюся идеологическую тенденцию, весьма показательна [Мещеряков, 1922; Белов, 1923; На идеологическом фронте... 1923; Василевский, 1925; Бобрищев-Пушкин, 1925; Михайлов, 1932; Кольцов, 1932] и др. Поначалу их хотят представить «заблудившимися», находящимися «на распутье», «на переломе» [Забияко, Лю Ши, 2025].

Уже в 1928 г. А.М. Горький скажет более определенно: «Прожив с лишком полвека на сей земле, я много видел *гнусностей* и о многих читал. Но я не помню ничего подобного той *мерзкой травле*, тому *бешеному хрюканью*, тому *потоку лжи и клеветы*, который хлынул из среды «культурных» эмигрантов. <...> *Гнуснейшее лицемерие* – кричать только о жестокости красных, умалчивая о тех фактах садической расправы с красными, о которых так хвастливо рассказывают белые в своих мемуарах. <...> Ваша игра проиграна. Это была жестокая и кровавая игра. Повторяю: вы напрасно говорите о гуманизме. Ваша злость – *собака слепого* – сама обличает *позорное уродство вашей нетерпимости*» [Горький, 1933, с. 58, 62]. Как известно, М. Горький весьма чутко и рьяно (скорее всего, искренно) реагировал на ведущие настроения той власти, что дала ему возможность вернуться на Родину и обеспечила роскошное существование. *Гнусности, мерзкая травля, бешеное хрюканье, поток лжи и клеветы, гнуснейшее лицемерие, садическая расправа с красными, злость – собака слепого, позорное уродство вашей нетерпимости* – вот тот оценочный контекст, который отражает (или задает пафос) восприятия эмиграции и эмигрантов публицистами метрополии.

Немногочисленность советских публикаций 1922–1929 гг., посвященных эмиграции и эмигрантам, и их публицистическая направленность сами по себе

симптоматичны. Очевидно, что советская печать избрала самый верный ход в дезавуировании самого явления эмиграции из России: меньше писать о нем, тем самым стирая из массового сознания как факт.

В год «великого перелома» советское правительство принимает решение бороться с теми специалистами, кто перебежал в другие страны и решил там остаться. 21 ноября 1929 г. Политбюро принимает «Закон о перебежчиках», которых признавали изменниками Родины, их приговаривали к расстрелу в течение 24 часов, и даже те, кто отказался вернуться в СССР до принятия закона, приравнивались к этой группе. В народе этот закон получил просторечное именование «закона о невозвращенцах». Принятие данного закона, продиктованного усложнившейся международной обстановкой, стало точкой невозврата в отношениях с эмиграцией и к эмигрантам.

За 10-летие в лингвокультуре метрополии происходит стремительная негативизация этого образа. Изначально все выехавшие именуются «белоэмигрантами» и «белогвардейцами».

В 1938 г. словарь Ушакова фиксирует понятие «невозвращенец»:

«Невозвращенец, ица, м. (нов.). Лицо, не вернувшееся на родину из-за границы и изменнически перешедшее в лагерь врагов СССР» [Невозвращенец, 1938]. Синонимом «невозвращенца» становится слово «отщепенец» – «человек, отколовшийся от какого-н. общественного коллектива, отвергнутый обществом; отступник» [Отщепенец, 1938].

В итоге советская власть объявит всех эмигрантов (и невозвращенцев) врагами советского народа.

К 1932–1933 гг. они уже – не просто «изменники», «предатели», но уже «звери» и «поджигатели войны».

В 1940 г. Толковый словарь Ушакова отразит динамику данной установки. Словарная статья «эмиграция» будет выстроена следующим образом:

1. Вынужденное или добровольное переселение из своего отечества в другую страну по тем или иным причинам (политическим, экономическим и т.п.).

2. Длительное или постоянное пребывание за пределами отечества в результате такого переселения. Жить в эмиграции. «*С громадной опасностью Ленину удалось в декабре 1907 года снова перебраться за границу, в эмиграцию*».

3. Собир. Эмигранты. – Разбиты и рассеяны национал-уклонистские группировки. «*Их организаторы либо окончательно спаялись с интервенционистской эмиграцией, либо принесли повинную*» [Эмиграция, 1940].

В «Советской исторической энциклопедии», опубликованной в 1976 г., понятие «эмиграция» отделено от статьи «эмиграция революционная», то есть имеет нарицательное значение: «Эмиграция после Октябрьской революции 1917 – образовалась в 1917–21 гг., ее составили капиталисты и помещики, белые генералы и офицеры, реакционное казачество, царские чиновники, деятели бурж^{уазных} политических партий, некоторая часть интеллигенции» [Шкаренков, 1976, с. 492].

Итак, в семантическом ядре концептов «эмиграция» и «эмигрант» в русской лингвокультуре изначально преобладал пространственный компонент, тесно связанный с политическим. Долгое время слова имели нейтральное значение, обозначая, как правило, процесс въезда из других стран в Россию и самих этих иностранцев-мигрантов. При этом этнический и этнопсихологический компоненты, связанные с представлениями о родине, отечестве [Забияко, Фэн, 2023, с. 66–82] (*чужое/свое; чужбина/новое отчество*), присутствовали в концептуальном ядре всегда.

В XX в. с изменением социально-политических реалий и усилением эмиграции из России политическое содержание понятия актуализируется, постепенно обретая все усиливающийся негативный смысл. Еще недавно языковое сознание фиксировало: «термин эмигрант до сих пор в нашем сознании связан с чем-то отрицательным: это слово в нашем политическом словаре давно и прочно равнозначно словам “изменник”, “предатель”, “отступник”» [Яцюк, 1991, с. 53–57]. Данные оценочные характеристики прочно были увязаны вплоть до середины 90-х гг. с изменой не только политической (измена государству), но этнической и этической (отступник от родных корней, предатель Родины).

Подобное восприятие явления эмиграции и эмигрантов – явление, присущее именно русскому этническому сознанию XX в. на определенном историческом

этапе, продлившемся более 70 лет, в отличие, к примеру от китайского, где представление об эмиграции и эмигрантах из Китая исторически имело и имеет нейтральный смысл, при этом представления об эмигрантах в Китай в 1920–40-е гг. до сих пор носят негативный характер. Краеугольным камнем отличия в образах эмигрантов и самовосприятия себя в качестве эмигрантов становится, на наш взгляд, отсутствие политического, синcretизирующегося с этническим, компонента в понимании самого процесса эмиграции из Китая китайцами [Лю, 2020б, с. 671–681]. И, наоборот, наличие этой сложной характеристики в первопричинах русской эмиграции в Китай определяет негативный характер восприятия русских эмигрантов – «предателей Родины».

Таким образом, понятие «эмигрант» в русском языковом сознании возникает намного позднее, чем само явление эмиграции и его рефлексия в этническом сознании. Исторически пространственный смысл понятия имел второстепенное значение, в нем изначально преобладали политические коннотации, синcretизированные с этническими (этнопсихологическими, этнорелигиозными) и этическими установками. В основе этих сложновыстроенных и исторически меняющихся значений слова «эмигрант» лежали представления о «своем/чужом», сфокусированные на образе «отчизны/чужбины». Полярными значениями характеризовались эмиграция и эмигранты «в Россию» (из чужих отечеств) и «из России» (из своего Отечества).

Данный фрейм в толковании понятий «эмиграция» и «эмигрант», где политический смысл неотделим от этнического, ведущий свое начало еще с эпохи Ивана Грозного, всемерно актуализировался в период массовой эмиграции из России после Октябрьской революции. После Октябрьской революции в лингвокультуре метрополии пространственное значение понятия «эмиграция» лишь усиливает негативный политический смысл, а значение политической идентичности актуализирует этнические / национальные и этические коннотации. Они определили формирование образа эмиграции в сознании метрополии и самовосприятия эмигрантов в рассеянии. Они же обусловили художественную специфику рецепции этих понятий в русской литературе 20–40-х гг.

1.2 Образы самовосприятия в языковом и литературном сознании русской эмиграции 1920–40-х гг. (по материалам публицистических и художественных текстов)

Восприятие себя определяет основную форму поведения и отношения людей к жизни, которое включает в себя восприятие функции и состояния своего организма, психическую активность и восприятие внешнего образа себя [Мангейм, 2014, с. 33]. Образ самовосприятия – результат работы этнического сознания, в основе которого, как известно, всегда лежит позиционирование и осмысление само-идентичности данной нации (этноса) среди других народов: какие черты характера, духовные основы и даже врожденная миссия отличают ее от других народов во всей мировой истории и культурном развитии.

Но самовосприятие – это не константное состояние бытия, это динамичный, развивающийся процесс. Процесс личностного или группового самовосприятия – это процесс построения «воображаемого сообщества» на основе социальных и этнических фактов, а образ самовосприятия – это сознательное выражение процесса формирования и изменения этого «воображаемого сообщества» [Фань, 2018, с. 161].

Как правило, наиболее в явленной и законченной форме восприятие «чужого», как и самовосприятие этноса, выражается представителями духовной элиты (мыслителями, писателями, политиками). При этом в процесс формирования образа самовосприятия интеллектуалы всегда включают, сознательно или бессознательно, «свой» опыт, «свое» чувство и стремление к «своему» в корреляции с «чужим». Через познание «себя» особым образом познается «чужое» по принципу: «я» и признаки «моего» (своего): моя Родина, мой народ, моя культура, моя историческая память / «они» и категории «чужого»: чужбина, другой этнос, чужая культура и чужая историческая память. Образы, созданные посредством художественного способа рефлексии данных оппозиций, в конечном итоге начинают влиять на индивидуальные и групповые образы самовосприятия обычных людей.

Художественный образ самовосприятия, если рассматривать его в этнопсихологическом контексте – это, в первую очередь, совокупность представлений о собственной этничности, полученных в процессе социализации и этнической идентификации, претворенная в образной форме [Забияко, Сенина, 2016, с. 20].

Для русских в XX в. послереволюционная эмиграция стала не просто переездом в другую страну, а символизировала вынужденный разрыв связей со своей Родиной и обществом. Эмиграция была связана не только с пространственными, но и социальными и культурными трансформациями, сменой жизненных установок и ценностей. Эмиграция стала олицетворением поиска новой идентичности и судьбы в условиях этнического, социально-политического и культурного переселения.

Русская эмиграция «первой волны», рассеянная по разным уголкам земного шара, представляла собой часть русского народа как совокупность представителей разных народов. В основе ее самоидентификации и самовосприятия лежал синкремтический образ социально-политического и этнического характера: в восприятии самой эмиграции и принимающих этносов социально-политический смысл понятия «белая эмиграция» стал синонимичен языковому содержанию понятия «русская эмиграция» [Зеленин, 1999, с. 76–80]. В лингвокультуре самой эмиграции, отражающей ее сознание, политический компонент обрел высокие этнические и религиозные смыслы. При этом пространственный компонент саморефлексии состояния эмиграции имел второстепенное значение – эмигранты с самого начала утверждали, что «унесли Россию на подошвах своих сапог» (Р. Гуль) [Гуль, 2024], создав свою «Россию за рубежом» (М. Раев) [Raeff, 1990].

Несмотря на декларативные заявления, в разных исторических, географических и социально-политических обстоятельствах эмигранты по-разному воспринимаются принимающей стороной, по-разному сами рефлектируют свой статус и осознают свою идентичность [Хюбнер, 2001, с. 292–293] – это касается европейских эмигрантских центров (Константинополь, Берлин, Прага, Варшава, Париж и т.д.), но особенно явно выражается в корреляции европейской и восточной ветвей рассеяния [Селунская, 2018, с. 196–207]. И страна рассеяния, безусловно, влияла на образы самовосприятия эмиграции, запечатленные в языке и литературе.

Вопросами самовосприятия первыми озадачиваются русские эмигранты в Западной Европе – с начала 20-х гг. Уже в эти годы представители интеллектуальной элиты осознают свою уникальность и принципиальное отличие от своих иноплеменных исторических предшественников, выражая это достаточно определенно: «“Русская «эмиграция” не имеет прецедентов во всемирной истории. Чаще всего ее сравнивают с французской конца восемнадцатого века, – и, конечно, между этими двумя явлениями есть кое-какие черты сходства. Но гораздо многочисленнее и глубже черты различия. Индивидуально же между современным русским “беженцем” и французским *émigré* очень мало общего» [Набоков, 1920], – пишет В.В. Набоков в 1920 г.

Судя по этой статье В.В. Набокова и других писателей и публицистов той поры, в основе раздумий эмигрантов о себе лежит обозначенная оппозиция «свои»/«чужие» («мы»/«они»). В 1922 г. обретает свое официальное признание определение, существующее как обозначение фактического состояния большинства выехавших из России: «беженец» (беженцы (англ. *refugee*) – для любой страны иностранцы, т. е. либо иностранные граждане, либо лица без гражданства). На Женевской конференции представители европейских правительств, говоря именно о «русских беженцах», признают, что это беженец – это человек «русского происхождения, не принявший никакого другого подданства». Затем Женевское межправительственное соглашение от 12 мая 1926 г. уточнит это понятие, им будет считаться «всякое лицо русского происхождения, не пользующееся покровительством правительства СССР и не приобретшее другого подданства» [Бочарова, 2005]. Однако понятие «беженец» не стало универсальным концептом в самосознании эмиграции.

В своей знаменитой речи «Миссия русской эмиграции» (1924) Иван Бунин сформулирует онтологию всей русской эмиграции [Бунин, 1997, с. 126–138]. Начав с патриотического обращения «соотечественники», Бунин заявит, что вынужденные покинуть Россию после Октябрьской революции и в годы Гражданской войны многие сотни тысяч (или даже миллионы) ее граждан вовсе «не изгнанники, а

именно эмигранты, то есть люди, добровольно покинувшие родину» [Миссия русской эмиграции, 1924; Бунин, 1997, с. 126–138]. Подобный риторический ход понадобится писателю для того, чтобы опровергнуть очевидную реальность, с которой он, как и многие другие беженцы, не мог согласиться, – «белая эмиграция» была именно изгнана из страны, ее члены признаны Лигой наций и другими международными организациями «беженцами» и именно на этом основании получили разнообразную поддержку этих организаций. Однако с тех пор, вопреки логике и последовательности исторических событий, история российских беженцев 1920-х годов стала развиваться преимущественно в рамках национального (а не имперского) литературно-публицистического дискурса как история «русской эмиграции», а термин, определяющий самовосприятие русских беженцев, перерос в обобщенное именование феномена изгнанничества [Бакунцев, 2014, с. 268–337; Сорокина, 2013, с. 38]. Сама речь и статья вызвали горячую полемику в эмигрантском сообществе, ее рецепция растянулась практически на десятилетие – несмотря на значительные купюры, текст ее будет опубликован уже в 1933 г. и в Харбине [День русской культуры, 1934].

Важным критерием самоидентификации, отделяющим «своих» от «чужих», для многих изгнанников становится непримиримость к большевикам, обретающая статус религиозного служения идеалам Родины: «...Непримиримость – это само существование эмиграции, как и самого слова “эмиграция”. Произнося слово “эмигрант” – мы обязаны подразумевать “непримиримый”. Когда этого нельзя, надо оставить слово в покое», – писала в 1929 г. З. Гиппиус, одна из активнейших идеологических фигур западной ветви эмиграции, в статье «О непримиримости» [Гиппиус, 2012, с. 94].

Язык эмигрантской публицистики отражает семантические коннотации, присущие самовосприятию эмигрантов и окончательно сформировавшиеся к 1932–1933 гг. (практически так же, как окончательно сформировался образ эмиграции в метрополии).

А.В. Зеленин выделяет набор признаков, определяющих образ самовосприятия русских эмигрантов, рассеянных по разным уголкам земного шара (по выражению В. Марта, «всемирья» изгнания [Март, 1921, с. 2]). Эти признаки, объединяющие эмигрантов на основе негативных и позитивных установок. К негативным он относит неприятие советского строя и его культурных установок. Позитивными и, как следствие, обладающими большим потенциалом творческого развития, считает социально-психологическое единство, опору на религиозно-нравственные ценности, объединение эмигрантов в разнообразные организации и развитие эмигрантского печатного дела [Зеленин, 2015, с. 35].

В качестве семантических конкретизаторов выступают прилагательные, безошибочно дающие «как политические, так и прочие характеристики различных эмигрантских групп»: *национально-мыслящая эмиграция; национальная эмиграция; русская эмиграция; белая эмиграция; белая военная эмиграция; дальневосточная (парижская, пражская и т.д.) эмиграция* [Зеленин, 2000, с. 80].

Таким образом, мы видим, что в образе самовосприятия эмиграции к 30-м гг. стойко укрепляются, в первую очередь, этнический, национальный, и только затем политический и пространственный компоненты. Значение определения «национальная» подразумевало верность идеалам этничности, российской государственности: “Эмиграция же, денационализированная, утерявшая свою российскость, нас не интересует вовсе” [Там же].

Объединяющим всех русских эмигрантов становится принцип *этничности* как принадлежности к *русскости, родной земле* многих народов России, ее *исторической памяти, родине предков и духовному источку, русскому языку*.

Национальный компонент в понимании эмиграции обретает, в первую очередь, смысл *полиэтнический*: “Многоплеменность России предопределила и многоплеменность эмиграции” [Там же].

При этом пространственный компонент обрел иной, нежели до революции смысл, обозначая страну (территорию) рассеяния. Значение «перемещения в пространстве» вне задач адаптации в национальном ключе возвращает бытовавшее в

XIX в. аполитичное толкование понятия “эмигрант” в значении “турист, иностранец”. Но аполитичность, как и вненациональность, обрели в 30-е гг. уже негативный смысл: «...надо быть безнадежно наивным “иностранцем” (таких среди эмиграции сейчас хоть пруд пруди), чтобы поверить назойливо подсовываемой коммунистами схеме, что борьба [в СССР] идет за хлеб» (Голос России. 1933. Янв.-февр.-март) [Цит. по: там же, с. 81].

Синонимически близкими, хотя различающимися коннотативно, выступали процессуальные существительные *изгнание* и *рассеяние*: «Мы же [эмигранты] бедны, без почвы под ногами, без власти. Но борьбу продолжаем вот уже 20 лет в изгнании» [Зеленин, 2000, с. 81].

Отглагольное существительное *рассеяние*, первоначально имеющее значение процессуальности, постепенно обретает библейские, религиозные коннотации: «Не успели прозвучать слова нашего призыва, как со всех концов... потекли к нам посильные доброхотные пожертвования и глубоко трогательные приветствия нашей газете, газете нищих и обездоленных русских людей, в *рассеянии сущих*» (Русский стяг. 1925. 26 июня) [Там же]; «К нашему общему великому стыду и позору, [эмигрантское равнодушие] явление повсеместное, явление, присущее всему мировому русскому *рассеянию* русской эмиграции» (Голос России. 1933. Янв.-февр.-март) [Там же]. Как убедительно показывает А.В. Зеленин, такое толкование изначально было предопределено калькированным происхождением русского варианта слова от греческого существительного *diaspora* («рассеяние»): «Укоренение в лексиконе эмигрантов обозначения *рассеяние*, употреблявшегося исключительно в тексте Библии, не случайно, так как оно помогало соотнести свое пребывание за границей с аналогичным историческим событием, позволяя черпать в этом духовные силы в ожидании вернуться в Отчизну» [Там же, с. 83].

Библейская семантика понятия *рассеяние* синонимизируется с социально-политическим смыслом понятия *эмиграция*. Подобное обогащение семантического значения слова придает ему соборное звучание. В самом понятии синкретизируются этнический, религиозный и обобщенно-пространственный смыслы.

Одним из первых художников слова уловит эти семантические переплетения Венедикт Март, который в 1921 г. напишет лирическое посвящение «Скитальцам России» [Март, 1921].

В 1925 г. харбинский поэт Алексей Ачаир опубликует программное стихотворение-манифест «По странам рассеяния», в котором эти значения будут зафиксированы в разнообразии коннотативных значений. Лирическое сознание дальневосточного поэта, ставшего впоследствии не просто руководителем поэтического кружка «Молодая Чураевка», но и русским председателем Христианского Союза молодых людей в Маньчжурии, охватит все пространственные и религиозные смыслы процесса рассеяния.

Смысл названия постепенно раскрывается в лирическом сюжете. Первые три катрена дают предысторию русских миграций, предшествующих «черным веяниям», то есть революции. Несовершенный вид глаголов движения прошедшего времени «живали», «ходили», «доходили» и т.д. подчеркивает: всякое бывало в жизни русского человека, оставившего свои следы в «суроюй неметчине», на *Алжире и Сиаме*, в «дикой Туретчине», «у границ Калифорнии» и т.д. [Ачаир, 1925, с. 3].

Метафора «кораблей» и перифраз кораблекрушения («черные веяния / разметали в щепы корабли») наполнены глубоким религиозным смыслом [Корабль, 2008–2024]. Россия как оплот православия и само православие, терпят бедствие. Эмигранты – это те щепы, которые откололись от России-корабля.

Общееэмигрантская судьба в «странах рассеяния» выражена в собирательном образе «мы» (эмигранты) и множественном числе существительных *Singularia tantum* («*В Аргентинах, Канадах и Африках*»). Пространственная конкретика, таким образом, столь не важна, как важны социальный («на плантациях, фермах, на фабриках», «в академиях, в школах, на улицах») и этнический («раздается московская речь», «каждый русский // трепещет и хмурится») смыслы.

Прилагательное *общееэмигрантский* объединяет разные поколения и разные этнические сообщества русских изгнанников: «Харбинский Русский Клуб отметил столетнюю годовщину первого исполнения русского национального гимна особым

общеэмигрантским собранием...» (Младороссская искра. 1933. 10 июля) [Цит. по: Зеленин, 2015, с. 369].

При этом определение от слова *эмигрант* (*эмигрантский*) в большинстве случаев, помимо значения социального, принимает антонимичное значение слову *советский*: «Недавно собралась в Москве “конференция”, или, попросту говоря, состоялся съезд советских театральных режиссеров, на котором от имени драматических авторов выступил с речью А. Толстой. Этот, когда-то очень талантливый, писатель еще в 1922 году сменил эмигрантское существование на советское житье-бытье» (Возрождение. 1939. 14 июля) [Там же].

Выводы по главе 1

Таким образом, становление образа самовосприятия в художественном сознании русской эмиграции «первой волны» берет начало в 1920 г. и заканчивается к 1932–33 гг. За это время в его концептуальной основе формируется парадигма семантических интеграторов, присущих эмигрантскому самовосприятию во всех центрах рассеяния: национальный (этнический) (*российский/русский*), политический (*антибольшевистский/белый*), религиозный (*православный*) компоненты. Эти компоненты выражают *общеэмигрантскую* онтологию самоидентификации и самовосприятия. И только затем в действие вступает пространственный компонент, обозначающий изгнанничество (беженство) как бытийственный факт и страну изгнания.

Глава 2. Образы западной эмиграции и эмигрантов в советской литературе 1920–40-х гг.

Этапы формирования образа русской эмиграции и эмигрантов в литературе метрополии отражают, с одной стороны, этапы формирования официальной идеологической установки по отношению к эмиграции, о чем шла речь выше, с другой же стороны – этапы складывания литературы «социалистического канона» (Е. Добренко) [Соцреалистический канон, 2000] в целом.

В литературе метрополии художественная рецепция образов эмиграции и эмигрантов находит воплощение в эпических и драматических жанрах. Сразу подчеркнем, что произведений на эту тему – совсем немного, но они являются знаковыми для понимания истории формирования образа эмиграции и эмигрантов в социокультурном, политическом и художественном сознании метрополии.

2.1 Между лирикой и метапоэтикой: «компромиссный» опыт художественной рефлексии эмиграции и эмигрантов: В.Б. Шкловский, 1922–23 гг.

Промежуточный, «компромиссный» период социокультурной, политической, одновременно художественной рецепции эмиграции начала – середины 20-х гг. весьма ярко характеризует «роман в письмах» В.Б. Шкловского «Zoo, или Письма не о любви, или Третья Элоиза» (1923) – необычное не только в советском литературном потоке 1920–1930-х гг. [Логунова, 2009, с. 114; Булатова, 2015; Стайнер, 2015], но в целом в отечественной литературе XX в. произведение. Книга была написана в 1922 г. в Берлине и посвящена переписке писателя, литературоведа, критика, киноведа и киносценариста Виктора Борисовича Шкловского (1893–1984) с Эльзой Юрьевной Триоле. Невольный эмигрант, Шкловский оказался в Берлине в 1922 г., спасаясь от очередной волны преследования по делу левых эсеров, к которым когда-то принадлежал, поддержав даже антибольшевистский мятеж 1918 г. [Григорьева, 2021]. В эмиграции Шкловский пробыл недолго, меньше года – и

именно текст рассматриваемой книги и созданный им в этот период образ эмиграции сыграл в его возвращении на Родину решающую роль.

И. Гулин называет «Zoo...» книгой, в которой любовь к женщине становится способом выяснить отношения с родиной и революцией [Гулин, 2023]. С этой точки зрения можно было бы счесть книгу – контр-репликой Шкловского В. Набокову. Молодой берлинский эмигрант Сирин своей новаторской «Машенькой» (1921 г., Берлин), действительно, перевернул страницы своего чувства к Родине и прошлому. «Машенька» тоже – роман не о любви, потому что реальной любви в «Машеньке» – нет. Ганин, закончив этап своих берлинских мытарств, изжив в воспоминаниях дореволюционную любовь к женщине и Родине, садится в поезд перед самым приездом Машеньки – и уезжает в неизвестность: от любви, от Родины, от прошлого [Левин, 1985, с. 167–175]. Однако если роман В. Набокова явил нового великого писателя русской эмиграции и европейской литературе, то книга Шкловского не была адресована эмиграции, хоть и написана эмигрантом. Ее рецептивное задание было намного сложнее.

Начнем с названия. Zoo – это название района Берлина, около одноименной станции метро, где жило большинство русских эмигрантов в 1920-е гг. Упрощая, можно было бы решить, что Шкловский представляет русскую эмиграцию, пребывающую в Берлине [Шамшин, 1997], как представителей некой экзотической фауны, совершенно не приспособленных к нормальной европейской жизни. Если следовать этому релятивистскому подходу, то Берлин – это подобие музея животных для эмигрантов, и все они – экспонаты этого музея [Воут, 2010, р. 233]. На самом деле – эти зоологические аналогии представляют собой весьма лукавый ход теоретика приема «остранения» [Якушева, 2001, с. 704].

«Zoo» означает «зоопарк», «зверинец». Эпиграф к произведению Шкловского взят из стихотворения Велимира Хлебникова «Зверинец» (Садок судей, 1909 г.) [Хлебников, 1986, с. 185–186]. В тексте стихотворения в прозе «Зверинец» животные в зоопарке – антропоморфы, но они лучше людей, а тем более – «немцев». В чудесном Саду («О, Сад! Сад!») каждому зверюдается особая индивидуализированная характеристика:

«Где орлы сидят подобны вечности, означенной сегодняшним, еще лишенным вечера, днем. / Где верблюд, чей высокий горб лишен всадника, знает разгадку буддизма и затаил ужимку Китая. / Где олень лишь испуг, цветущий широким камнем...» [Шкловский, 1923, с. 12].

Любопытно, что слово «немцы» явлчается антитезой слову «люди»:

«Где немцы ходят пить пиво. А красотки продавать тело. / <...> Где наряды людей баскующие. / Где люди ходят, насупившись и сумные. / А немцы цветут здорово» [Там же].

Словно предваряя этот странный эпиграф, Шкловский (помимо лежащих на поверхности топографических координат) поясняет в Предисловии к первому, берлинскому изданию, эти зоологические параллели эротическим подтекстом, при котором «отрицается ряд реальный и утверждается ряд метафорический» [Там же]. Внутри самого текста эти аналогии еще более развернуты: не сами эмигранты достойны зоологических аналогий, а их чужеродность, «иностранный» на этой иноzemной почве и их непонятность для ханжеского, внешне добропорядочного, вида европейцев.

«Третья Элоиза» – это и определение жанра «романа в стихах» по аналогии с «Новой Элоизой» Ж.-Ж. Руссо, и аллюзия на имя адресата писем – Эльзы Триоле, как это следует из графически выделенного посвящения: «Посвящаю Эльзе Триоле И Даю Книге Имя Третья Элоиза».

Жанровая номинация романа «письма не о любви» – это минус-прием, выражаясь языком русской семиотики, или, говоря словами самого В. Шкловского – «остранение». На наш взгляд, уже само название отражает многослойную адресацию произведения – оно представляет собой историю любви в письмах («письмах не о любви»); рефлексию лирического субъекта состояния эмиграции, а также метапоэтические, и даже в большей степени теоретические, интенции самого автора. При этом, как было написано в одной из ныне опубликованных, но написанных в 1925 г. рецензий, «вещь построена на очень сложном сплетении тем; принцип их соединения – неожиданность. На фоне этого построения, вернее, как следствие его,

книга насквозь пронизывается иронией» [Хмельницкая, 2005]. Как верно подмечает И. Гулин, любовь становится для Шкловского топливом «своего проекта – эстетического, теоретического, политического и жизненного» [Гулин, 2023].

Роман редактировался Шкловским, как известно, всю жизнь, и его последнее издание 1964 г., по мнению исследователей, наиболее беллетризовано [Апахончик, 2015, с. 317–326]. Характерно, что в финальном варианте автор нанизывает три предисловия, разделенные четырьмя десятилетиями, одно на другое, в последнем издании – обнажая либо, наоборот, маскируя истинные чувства, скрытые в последующем тексте, некими объяснениями. Нас же интересует период художественной саморефлексии автора именно в эмиграции и сразу после нее – то есть предисловия 1923 и 1924 гг. (Берлин и Ленинград).

В Предисловии 1923 г. Шкловский делает взаимоисключающее признание: «Первоначально я задумал дать ряд очерков русского Берлина, потом показалось интересным связать эти очерки какой-нибудь общей темой. Взял “Зверинец” (“Zoo”) – заглавие книги уже родилось, но оно не связало кусков. Пришла мысль сделать из них что-то вроде романа в письмах» [Шкловский, 1923, с. 9].

Таким образом, «ряд очерков русского Берлина» объединен общей темой – «зверинец». Жанровая реализация произведения, как определяет ее сам автор – «что-то вроде романа в письмах» или «письма не о любви». Налицо то, что называется катахрезой – соединение весьма мало соотносимых явлений. Человек, не прочитавший произведение, настраивается на сатирический лад.

Чтобы разобраться с такого рода задекларированным приемом, проанализируем сюжет «романа в письмах».

Объектом изображения в романе, действительно, помимо чувства, становится эмигрантское сообщество Берлина сквозь призму восприятия лирического субъекта – автобиографического персонажа, тоже эмигранта.

Категория «лирический субъект» в понимании Е. Фарино [Faryno, 1991] к данному автобиографическому персонажу-эмигранту подходит более всего: повествование представляет собой текст, организованный по принципу ритмизован-

ной лирической прозы, это определено и графикой текста, и его сквозной метафоричностью. Жанровым ориентиром становится уже вышеприведенный эпиграф из В. Хлебникова. Эскизно проходит через все лиризованное повествование образ возлюбленной – но также сквозь призму восприятия лирического субъекта. Однако, как выясняется по мере развития сюжета, не чувства героев становятся движущей силой, и не «зоология» эмигрантской жизни в Берлине начала 1920-х гг. Изначально читатель понимает, что основной герой повествования – русская литература в эмиграции и метрополии. И восприятие лирического субъекта себя как писателя-эмигранта. Его чувства к возлюбленной, ее характеристики, его отношение к соратникам по перу – все пропускается сквозь призму *чужое/свое*: Берлин (как собирательный образ Европы) / Россия.

Уже в «Письмо вступительном» (адресованном «всем, всем») он дает самохарактеристику: «*Я сейчас растерян, потому что этот асфальт, натертый шинами автомобилей, эти световые рекламы и женщины, хорошо одетые, – все это изменяет меня. Я здесь не такой, какой был, и кажется, я здесь нехороший*» [Шкловский, 1924, с. 20].

В «Письме втором» усиливается это состояние растерянности: «*Это от России, дорогая. У нас тяжелая походка. Но в России я был крепок, а здесь начал плакать*» [Шкловский, 1923, с. 20].

Образ героини дается через самохарактеристики и саморефлексию. Она ведет праздный образ жизни, окружена бесчисленными поклонниками, ее график – это время между танцами и отдыхом:

«*Пишу в кровати, оттого что вчера танцевала. Сейчас пойду в ванну*» [Там же, с. 21].

«*Больше всего мне сейчас хочется, чтобы было лето, чтобы всего, что было, – не было*» [Шкловский, 1923, с. 37].

Лирический субъект в «Письме восьмом» проводит параллель между своей возлюбленной и куклой: «*дети смотрят сквозь стекло магазина на большую красивую куклу. Я так смотрю на Алю*» [Там же, с. 39].

Библейские аналогии в тексте постоянны, автор перелагает известные сюжеты на собственную систему мировосприятия – ни много ни мало соотнося эмигрантское отречение от Родины и своих обязательств перед друзьями и близкими с отречением от Христа:

«Хорошо, что Христос не был распят в России: климат у нас континентальный, морозы с бураном; толпами пришли бы ученики Иисуса на перекрестке к кострам и стали бы в очередь, чтобы отрекаться.

Прости меня, Велемир Хлебников, за то, что я греюсь у огня чужих редакций. За то, что я издаю свою, а не твою книжку. Климат, учитель, у нас континентальный» [Там же, с. 23].

С самого начала образы друзей-писателей, оставшихся в России, и писателей, художников-эмигрантов, с которыми лирический субъект вынужден делить свою эмигрантскую судьбу, создают то литературное и металитературное пространство, в котором существует повествующий субъект: В. Хлебников, Ю. Айхенвальд, Р. Якобсон, А. Ремизов, М. Горький, И. Эренбург и др.

Для лирического субъекта Шкловского образ каждого из этих писателей – это не просто метапоэтическое размышление о предназначении писательского труда. Это еще и шанс высказаться о роли писателя и его судьбе в эмиграции.

Так, он вроде бы ведет диалог с Велемиром Хлебниковым о его литературной «утопии»

«В утопии, которую ты написал для журнала “Взял”, есть среди прочих фантазий одна – каждый человек имеет право на комнату в любом городе» [Там же, с. 23].

«Прости нас за себя и за других. За то, что мы греемся у чужих костров» [Там же, с. 24]. Не комментируя, лирический субъект дает понять, что космополитические мечты «иметь комнату в любом городе» и «греться у чужих костров» – совсем невеликое, как оказывается, счастье.

И тут же сам себе дает установку: *«Переведи все в космический масштаб, возьми сердце в зубы, пиши книгу»* [Шкловский, 1923, с. 26].

Понятие «свободы» неотделимо в его понимании от возможности жить «в жизни методами искусства» [Там же, с. 30]. Пример ему – Алексей Ремизов с его «Обезьяней великой и вольной палатой» [Там же, с. 28]:

«Как корова съедает траву, так съедаются литературные темы, вынашиваются и истираются приемы.

Писатель не может быть землепашцем: он кочевник и со своим стадом и женой переходит на новую траву. Наше обезьянье великое войско живет, как киплинговская кошка на крышиах – “сама по себе”.

Вы ходите в платьях, и день идет у вас за днем; в убийстве и в любви вы традиционны. Обезьянье войско не ночует там, где обедало, и не пьет утреннего чая там, где спало. Оно всегда без квартиры» [Там же].

Образ кочевника, возникший еще в упоминании хлебниковской идеи о «квартире в любом городе», развивается в размышлениях о Ремизове в сторону тех самых зоологических аналогий – и в нем нет ничего гротескного.

Писатель по В. Шкловскому – всегда «эмигрант», «кочевник», «кошка, гуляющая сама по себе». Но при этом лирический субъект не хочет быть эмигрантом:

«Я не отдам своего ремесла писателя, своей вольной дороги по крышам за европейский костюм, чищеные сапоги, высокую валюту, даже за Алю» [Там же, с. 30].

Метапоэтическими сентенциями пронизана вся книга, которая пишется не ради любви, не ради «не-любви», не ради обличения эмиграции, не ради саморазоблачения – исключительно ради книги *о себе в эмиграции*, ради провозглашения новой жанровой формы, ради оттачивания поэтического приема. И если говорить об иронии как общем пафосе «Zoo...», то это – метапоэтическая ирония.

При этом, как противоречивым и разнонаправленным является само название книги и объяснение ее повествовательной стратегии, так же противоречив и сам ее герой. В «Письме девятому» он критикует и провозглашаемую самоценность метода, приема:

«Сейчас нет ничего. В мире царит метод.

Человек придумал метод.

Метод.

Метод ушел из дома и начал жить сам. “Пища богов” найдена, но мы ее не едим» [Шкловский, 1923, с. 40].

Между этими образами проходит и сюжетная линия о «стоящем на посту» самом лирическом субъекте: он служит своей любви – любви к искусству и методу. И нет срока у этой службы.

«Зверинец» – не гротескный образ эмиграции, не эротический перифраз якобы животных любовных томлений лирического субъекта – их как раз-таки и нет в тексте. Это грустная метафора писательского бытия и всей писательской братии, диковинных зверей и чудных иностранцев среди людей:

«Быт превращаем в анекдоты.

Строим между миром и собою маленькие собственные мирки – зверинцы» [Там же, с. 30].

Зоологические аналогии рассеяны по всему тексту. Однако их роль совсем иная, нежели обычно в русской литературе выполняют зооморфные образы. Это отнюдь не сатира, не гротеск.

Так, все «Письмо шестое» построено на описании зверей в берлинском Зоо, но «*Zoo пригодилось бы мне для параллелизмов*». Лирический субъект соотносит свой образ с «обезьяном». И, несмотря на физиологические подробности его жизни, в этой параллели концептуально важным является не эта эротическая тоска лирического субъекта и «обезьяна», а их экзистенциальное одиночество, их тоска. Не случайно в конце этого письма дается сухая по форме, но трагическая, по сути, ремарка: «*P.S. Обезьян умер*» [Шкловский, 1924, с. 31].

В «Письме одиннадцатом» Шкловский обращается к теме вечной бедности писателей-тружеников (*«Магазинная психология нам чужда, мы привыкли к немногим вещам, лишнее отдаем или продаем. Наши жены носили мешки, и размер ноги у них увеличивался на один номер»* [Шкловский, 1923, с. 40]), которые в эмиграции стали просто нищими. Не бедность – причина их эмиграции. Раньше в России они не ощущали себя несчастными: «*В голодной Москве Богатырев не знал, что он живет плохо. Жил, писал, халтурил, как и все, но незлобно*» [Там же].

О том, что русскому писателю чужд мещанский европейский быт и не он был целеполаганием эмиграции, размышляет лирический субъект в «Письме двенадцатом»:

«Клянусь тебе – брюки не должны иметь складки!

Брюки носят, чтобы не было холодно.

Спроси у Серапионов.

Наклоняться над пищей, может быть, и в самом деле нехорошо.

Ты говоришь о нас, что мы не умеем есть.

Мы слишком низко наклоняемся к тарелкам, а не несем пищу к себе.

Что же, будем удивляться друг на друга.

Многое для меня удивительно в этой стране, где брюки должны иметь спереди складку; те, кто бедней, кладут на ночь брюки свои под матрац.

В русской литературе этот способ известен, он применяется – у Куприна – профессиональными нищими из благородных.

Сердит меня здешний быт!» [Там же, с. 50].

В «Письме четырнадцатом» эти переживания приобретают форму послания друзьям в Россию. Его предваряет краткая, но емкая аннотация:

«Оно написано в Россию; из него ясно, что автор страдает навязчивой идеей. В письме говорится о том, как трудно даже после открытия Эйнштейна жить, не занимая ни времени, ни пространства. Кончается письмо выражением негодования на неправильность употребления местоимения “мы” в Берлине» [Шкловский, 1923, с. 58].

<...>

А сами держитесь за землю, друзья» [Там же].

Призыв «держаться за землю», конечно, в первую очередь, обращает к пониманию родины – как «родной земли» [Забияко, Фэн, 2023, с. 71], во вторую – за клинает собратьев по перу в Советской России не строить себе «воздушных замков», быть реалистами: в эмиграции нет ничего хорошего.

В 1923 г. невольный эмигрант Шкловский осознает, что в России для его творчества – больше свободы. Действительно, эти годы – вплоть до конца 20-х гг.

в России – время не только «поголовной талантливости» (М.О. Чудакова), но и расцвета разнообразных направлений и объединений в литературе. Лирический субъект Шкловского апеллирует к «самому святому», как следует из его высказывания, – к своей научной школе, объединившей столь разных ученых (О. Брика, Б. Эйхенбаума, Р. Якобсона и др.) и талантливых поэтов (В. Маяковский) – к ОПОЯЗу: «*Я связан с Берлином, но если бы мне сказали: “Можешь вернуться”, – я, клянусь Опоязом, пошел бы домой, не обернувшись, не взявши рукописей. Не позвонив по телефону*» [Шкловский, 1923, с. 58].

Его друзья-эмигранты – вечно одиноки, и еще более одиноки они в эмиграции. Здесь Шкловский вступает в полемику со стремлением придать понятию эмиграции «соборное» звучание:

«*Только здесь “мы” – смешное слово*», – констатирует лирический субъект. И это – игра слов, смысл которой раскрывается ниже в рассказе о женщине-эмигрантке, которая говорит о себе «мы» – во множественном числе. «Мы» в эмиграции – это соборное одиночество («*Мы – это я и еще кто-нибудь*»), которое противопоставлено «мы» в России. «*В России мы крепче*», – по этой фразе отчетливо видно, что Шкловский не соотносит себя с эмигрантским сообществом Берлина целиком, но и не отделяет себя от него.

В «Письме семнадцатом» появляется образ Пастернака, и образ эмиграции (Берлина) как поезда (вагона) получает еще большее развитие: этот поезд без тяги, он никуда не идет. В фокусе его раздумий уже не он сам, а Борис Пастернак: «*В Берлине Пастернак тревожен. Человек он западной культуры, по крайней мере ее понимает, жил и раньше в Германии, с ним сейчас молодая, хорошая жена, – он же очень тревожен. Не из попытки закруглить письмо скажу, мне кажется, что он чувствует среди нас отсутствие тяги. Мы беженцы, – нет, мы не беженцы, мы выбеженцы, а сейчас сидельцы.*

Пока что.

Никуда не едет русский Берлин. У него нет судьбы.

Никакой тяги» [Шкловский, 1923, с. 67–68].

Горькая ирония по отношению к эмиграции выражается в парадигматической цепочке образов: «беженцы—выбеженцы—сидельцы». Убежав из своего Отечества, эмигранты становятся невольными «сидельцами» в собственной духовной тюрьме.

Духовная тюрьма русских эмигрантов – их чуждость европейскому (немецкому) миру: «*Русские живут, как известно, в Берлине вокруг Zoo.*

Известность этого факта нерадостна.

Во время войны говорили: “Как известно, немцы весной обыкновенно наступают”. Как будто немцы наступают, как весна.

Русские ходят в Берлине вокруг Старой кирхи, как мухи летают вокруг люстры. И как на люстре висит бумажный шарик для мух, так на этой кирхе прикреплен над крестом странный колючий орех.

Улицы, видные с высоты этого ореха, широкие. Дома одинаковые, как чемоданы. По улицам ходят дамы в котиковых пальто и в тяжелых кожаных ботах, а среди них ты в мышином пальто, отделанном котиком.

По улицам ходят спекулянты в шершавых пальто и русские профессора попарно, заложив руки с зонтиком за спину. Трамваев много, но ездить на них по городу незачем, так как везде город одинаков. Дворцы из магазина готовых дворцов. Памятники – как сервизы. Мы никуда не ездим, живем кучей среди немцев, как озеро среди берегов.

Зимы нет. Снег то выпадает, то тает.

В сырости и в поражении ржавеет железная Германия, и ржавчиной срастаемся, ржавея вместе с ней, нежелезные мы» [Шкловский, 1923, с. 71].

Последнее письмо – душевный крик лирического субъекта: «*Я поднимаю руку и сдаюсь. Впустите в Россию, меня и весь мой нехитрый багаж.*» Очевидно, финал «романа в письмах» представляет собой именно то послание, ради которого была написана вся книга.

«*Zoo...*» Виктора Шкловского – это, действительно, книга не о любви в ее обычном понимании – как чувства между мужчиной и женщиной. Это книга об искусстве и эмиграции, о любви к литературе и о том, как эмиграция эту любовь испытывает. Причем не только любовь лирического субъекта к «тексту об Але и о

себе в любви к Але», но и любовь к искусству (музыке, живописи, скульптуре, литературе) других, таких же как он, эмигрантов.

При этом Шкловский, формируя образ эмиграции и эмигрантов и одновременно самовосприятия себя как эмигранта, не отделяет своего лирического субъекта от них. Зоологические аналогии демонстрируют еще возможную в те годы (1920–1925 гг.) игру со словом, демонстрируют живую практику «остранения» своих персонажей. Весьма важно, что Шкловский берет за основу системы персонажей реальных людей – своих близких и далеких знакомых, за основу сюжета – не воплотившийся в жизни роман с Эльзой Триоле, а за основу поэтики жанра – «минус-прием». Неизвестно, были ли эти письма реальной перепиской или выдуманной, но самое главное – не чувство к женщине движет сюжет, а чувство к своему творчеству и чувство к Родине.

Герои Шкловского – русские в широком смысле эмигранты (евреи, русские, украинцы) в Берлине, занимающиеся искусством. Сквозь призму образов своих невольных собратьев (А. Ремизов, М. Шагал, Иван Пуни, А. Белый, И. Эренбург и др.) писатель обнажает и проблему этничности (каково это – быть «русским» в европейской, как оказывается, чуждой среде), и проблему утраты Родины (без России им не пишется, не творится), и проблему обретения новых тем и мотивов для творчества: «Жизнь бурно вторгается в условность и прорывает бумагу» (из разговора Виктора Шкловского с Тамарой Хмельницкой) [Ким, 2017, с. 30–31].

Итак, в «Zoo, или “Третьей Элоизе”» В.Б. Шкловского находит отражение первый «компромиссный» этап рецепции образа эмиграции и эмигрантов в общественно-политическом и культурном сознании советских людей начала 20-х гг., когда еще можно было не просто «оттачивать приемы» в литературе и делать их самоценной темой и двигателем сюжета, но брать эмигрантскую тему за основу метапоэтического дискурса. Данный образ воплощен в экспериментальном жанре лиризованных автобиографических «писем не о любви», с «двойной точки зрения» (эмигранта, наблюдающего эмиграцию как советский писатель). Берлинский этап эмиграции, зафиксированный В. Шкловским в параллелизме с берлинским Zoo, –

не карикатура на эмиграцию и эмигрантов, а грустная картина жизни этих «иностраницев», «диковинных зверей» в сознании немцев [Лю, 2025, с. 1544–1545].

2.2 От элегического до сатирического: эволюция образов эмиграции и эмигрантов в «эмигрантском цикле» А.Н. Толстого, 1921–32 гг.

«Эмигрантский цикл» Алексея Николаевича Толстого – логическое продолжение развития художественного образа эмиграции и эмигрантов с учетом эволюции этого образа в советском общественном сознании и формирования соцреалистического канона в литературе.

Толстой, также, как и Шкловский, сам побывал в эмиграции, хотя также пробыл там недолго – с апреля 1919 г. по июль 1923 г. Тем не менее, его опыт вместили не только парижский, но и берлинский периоды – как раз с такой обратной хронологией.

В эмиграции А.Н. Толстой вел активную издательскую деятельность, состоял членом разных обществ (Союз русских литераторов и журналистов, председатель П.Н. Милюков; Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции) [Баранская, 2023]. В 1922 г. А. Толстой устанавливает сотрудничество с редакцией сменовеховской газеты «Накануне» [Толстая, 2006].

За это время Толстой написал 5 произведений на тему эмиграции: рассказы «В Париже» [Толстой, 1922а], «Четыре картины волшебного фонаря» [Толстой, 1922в], «На острове Халки» [Толстой, 1922б], «Рукопись, найденная под кроватью» [Толстой, 1923], «Черная пятница» [Толстой, 1924]. И, очевидно, там же была написана повесть «Похождения Невзорова, или Ибикус» (1923), но опубликована она была уже в Советской России [Толстой, 1925]. Хронология написания данных произведений позволяет проследить весьма стремительные изменения в выстраивании Толстым образа эмиграции и эмигрантов.

Рассказ «В Париже» является читателю двух персонажей – Людмилу Ивановну и Николая Николаевича Бурова, работающих в одной из парижских контор. Судьба их типична: Буров – бывший офицер, прошедший фронты Первой Мировой, затем

Гражданской; она – простая обывательница, унесенная волной революционных потрясений от родных мест. Оба потеряли в Гражданской войне своих близких. Толстой запечатлевает тот период самовосприятия русских изгнанников, когда они еще питают надежды вернуться на Родину: «...*Полгода тому назад он так же шел по этому бульвару вместе с Людмилой Ивановной, только что тогда поступившей в контору. Январский вечер был тих и тепел. В лужах дрожал миллион огней. Буров говорил: “Вернемся в Россию новыми людьми, – настрадались, научились многому... Видите, бегут домой: веселые, усталые, – бегут каждый в свой дом... Бог даст, и мы с вами скоро увидим свой дом, свое окошечко, свое солнце над крышей... Нужно научиться ждать... Как жаль, что мы не унесли с собой горсточку земли в платочек... Я бы клал ее на ночь под подушку... Как я завидую, как я завидую этим прохожим...”*» [Толстой, 1977, с. 115].

Следующий этап развития самосознания эмиграции – это утрата надежды на возвращение. Попытка Бурова «прорваться через Финляндию» заканчивается крахом. Похудевший, пожелтевший, «будто каменный» Буров теряет смысл существования [Толстой, 1977, с. 116]. Ощущение бессмыслицы жизни заставляет Бурова оттолкнуть от себя несчастную и ничего не понимающую Людмилу Ивановну, чтобы не делать ее еще более несчастной. Его образ создается за счет коннотативных образов смерти и инобытия: «*Николай Николаевич, словно очерченный магическим кругом, за который не проникала жизнь, брезгливо тащил свое ненужное тело, в шляпе, надвинутой на брови, в черном люстрировом пиджаке, в коричневых штанах из парусины...*» [Там же, с. 115]. «*Буров давно уже чувствовал, что какая-то ниточка привязывает его опустевшее, полумертвое сознание... Что это? Трусость? Мысленно он двадцать раз уже умер... Оторвался от племени, от земли, от страны, от прошлого и будущего... Обезьяны – и те чахнут в зоологических садах в тоске по родным джунглям...*» (Обратим внимание на образ зоологического сада и обезьяны, тоскующей в неволе, развитые В. Шкловским в его «*Zoo...».* – Лю Ши) *Логически – смерть... Так вот – нет же... Стучат зубы, мороз дерет по спине... Туманные сияния фонарей в черной пропасти за окном, кажется,*

только и караулят это щупленькое тельце, распластавшееся по стене, по букетикам дешевых обоев...» [Там же, с. 120]. Он вынашивает планы покончить с жизнью, но раз за разом не понимает – что удерживает его от последнего шага. Лишь забота о Людмиле Ивановне, еще более несчастной, чем он, становится его якорем в жизни.

Потому финал этого рассказа с элегической тональностью – более-менее оптимистичен:

«Оба они до краев были полны – каждый своей горечью. Потом Буров зажег газ, – и точно он был Людмиле Ивановне муж или брат и жил с ней давным-давно, – хозяйственно вскипятил чай, отыскал кусочек сыру, приготовил два бутерброда. Пили чай молча, усталые, но на этот вечер успокоенные. Потом Буров, сгребая пальцем крошки, сказал:

– *Рассставаться нам с вами, видимо, нельзя. Правда?*

Людмила Ивановна сейчас же отвернулась, села в кресло, оттуда ответила:

– *Я согласна. – И заплакала...»* [Толстой, 1977, с. 121–122].

1922 г. вносит новые интонации в образ эмиграции и эмигрантов. Толстой пишет рассказ «На острове Халки» (первоначальные названия «Последний день поэта Санди», «Санди»), опубликованный в газете «Накануне», а уж затем в 1923 г. в Советской России [Толстой, 1924].

Рассказ начинается замечательной бытовой зарисовкой. В греческом городке ведет праздный образ жизни и мучается от безделья подполковник Изюмова:

«Подполковник Изюмов сидел у окна, посасывая янтарь кальяна, и сквозь засохенные мухами стекла глядел на улицу. Дым вливался в грудь легким дурманом. По доскам стола, в чашке с кофейной гущей ползали мухи. В глубине кофейни, на kleenчатой лавке, похрапывал жирный грек. Улица за пыльным окном была залита полдневным солнцем. На старых плитах мостовой валялись отбросы овощей, рыбьи кишки. Спали собаки. На перекрестке, откинувшись к стенке, дремал с разинутым ртом чистильщик сапог у медного ящичка, блестевшего нестерпимо» [Толстой, 1958, с. 296].

Кажется, что это сонное состояние русского подполковника-эмигранта никогда не закончится и исключительно от безделья подполковник следует на пляж за молодым поэтом Санди (Александром Казанковым). Однако именно появление этого красивого молчаливого человека становится завязкой сюжета, интрига таится уже в той реакции, которую он вызывает в восприятии подполковника:

«На лице подполковника появилось хитрое и недобroе оживление, – он бросил на стол пиаstry и, выйдя на улицу, горячую, как печь, пошел следом за Санди, или по эвакуационным спискам, – Александром Казанковым, 26 лет, занятие – литератор, призывался в 1914 году, в 1916-м был контужен, в 1917-м освобожден, в 1918 году проживал в Киеве без определенных занятий, эвакуировался из Одессы пароходом “Кавказ”» [Там же, с. 297].

Сюжет строится на двух противопоставленных друг другу тенденциях – утомительном монологе Изюмова в духе инвективив дореволюционного солдафона-офицера (о драных кошках и мясе обезьян из Австралии, которых эмигрантам отправила Антанта в качестве вспомоществования, о несчастной кокаинистке-эмигрантке, покончившей жизнь самоубийством, о вроде бы ничего не значащих просьбах советских листовках, найденных его однополчанами) на фоне многозначительно молчащего Санди и – стремительной развязке, когда подозреваемый в предательстве Санди погибает от рук убийцы, направленного к нему тем же Изюмовым. Когда же его труп прибывает к берегу волной, в кармане находят отрывок (возможно, из дневника):

«...Как бы я хотел не жить... страшно... исчезнуть без боли... Боюсь... непонятно... меня здесь принимают за большевистского шпиона... Бежать...» [Толстой, 1958, с. 304].

Сочувствие автора – на стороне Санди, хоть тот все время и молчит. Санди – красивый, одновременно – мужественный, поэтически воспринимает мир, он – невинная жертва подозрений бывших контрразведчиков-белогвардейцев. До конца непонятно – действительно ли он распространял большевистские брошюры, но очевидно, что он печатался в советском издании.

Однако образы офицеров-эмигрантов, его убивающих – тоже неоднозначны, несмотря на иронию в описании быта и речевом портрете Изюмова. Читатель обнаруживает, что за многословной болтовней подполковника скрывается весьма цепкий и хорошо организованный контрразведчик, знающий свое дело и абсолютно ему преданный. Изюмов вызывает уважение вкупе со страхом. А его лаконичный экскурс в прошлое Москаleva дает типологическую характеристику тех причин, которые формируют и питают «белую идею»: *«Москалев. Контузен, два ранения в грудь, нога разворочена осколком, жена расстреляна в Екатеринославе, сам – после расстрела из общей могилы вылез... Во сне вскрикивает, вскакивает. Кровь душит...»* [Толстой, 1958, с. 299].

Благодаря «офицерской» тематике и художественным приемам рассказ весьма напоминает купринского «Штабс-капитана Рыбникова», даже гастрономическая фамилия Изюмова тому подтверждение – очевидно, что Толстой решил себя испытать в жанре политического детектива. Только героями авантюрной сюжетики с элементами травестии становятся офицеры-эмигранты.

В 1923 г. Толстой переезжает в Берлин и начинает сотрудничать со сменовеховской газетой «Накануне». И чем дальше, тем сильнее изменяется его образ эмиграции и эмигрантов, с которыми Толстой себя никак не идентифицирует (в отличие от лирического субъекта В. Шкловского) [Баранская, 2023, с. 3–15].

От купринской парадигмы в изображении эмигрантов писатель переходит к прямой реплике к Достоевскому («Двойник», «Записки из подполья»). В «Рукописи, найденной под кроватью» (1923) его герой Епанчин живет в двух мирах, воображаемом – пределе мечтаний мещанина-космополита, и реальном – нищенском, эмигрантском. Способом выражения образа восприятия эмигранта становится неотправленные письма Епанчина приятелю:

«Вранье и сплетни. Я счастлив... Вот настал тихий час: сижу дома, под чудеснейшей лампой, – ты знаешь эти шелковые, как юбочка балерины, уютные абажуры? Угля – много, целый ящик. За спиной горит камин. Есть и табак, – превосходнейшие египетские папиросы. Плевать, что ветер рвет железные жалюзи

на двери. На мне – легче пуха, теплее шубы – халат из пиренейской шерсти. Соскучусь, подойду к стеклянной двери, – Париж, Париж!» [Толстой, 1958, с. 305].

Если в рассказе «На острове Халки» эмигрант Изюмов ерничает – но переживает драму расставания с Россией болезненно, то в «Рукописи...» герой откровенно признается в своем отступничестве от Родины и глубинной духовной смердяковщине:

«Нет, я давно уже содрал с себя позорную кожу. Паспорт – русский, к сожалению. Но я – просто обитатель земли, житель без отечества и временно, надеюсь, в стесненных обстоятельствах» [Толстой, 1958, с. 306].

Итак, именно в этом рассказе появляется одиозный толстовский тип «русского эмигранта» – до мозга костей обывателя и потребителя. Его эмиграция – результат утраты материального благополучия. Его отношение к Родине – потребительское: *«Удивительно, живешь и все больше убеждаешься, – какая сволочь люди, – унылое дурачье. Я уж не говорю про – извините за выражение – Рассею. На какой-то узловой станции был обычай расстреливать жидов и большевиков в нужнике. Этот самый нужник – вся Рассея. Вымрет, разбежится, будет пустое место. Сто лет на ней, проклятой, никто не станет селиться»* [Толстой, 1958, с. 306].

При этом Епанчин, как все негодяи, не лишен изобретательности. Чтобы вжиться в парижскую жизнь, он ловко играет на знании психологии французского обывателя и на глубинной русофобии европейцев: *«Я не стал лгать Ренэ, – я лишь сочинил ей ту историю, какая могла быть понятна ее простенькому сердцу. Но суть оставалась одна и та же. Я рассказал, что революция убила мою незабвенную старушку мать: толпа большевиков, от самых глаз заросших бородами, кинулась, держа в зубах ножи, ища дом моей матушки, вытащила ее на мостовую и с хохотом разорвала в клочья, сожгла дом и прибила доску с надписью: “Так расправляются с друзьями империалистической Франции”»* [Там же, с. 320–321].

Финал повести – закономерная смерть Епанчина и его двойника [Извозчикова, 2016, с. 32–35]. Так Толстой простраивает в художественной форме финал эмигрантского бытия. Однако подобный исход – не единственный в его понимании.

В том же 1923 г. в берлинском журнале «Сполохи» Толстой публикует повесть «Похождения Невзорова, или Ибикус», по мнению исследователей – центральное произведение в толстовском «эмигрантском цикле» [Там же]. В этой повести («первом советском плутовском романе» [Миленко, 2010, с. 65–73]) Толстой выбирает новый, до сего времени не апробированный им ракурс изображения героя – гоголевский. Он соединяет мотив «маленького человека» с плутовским, «чичиковским» и мистическим («сделка с дьяволом»), напоминающим о «Страшной мести» [Миленко, 2010, с. 68].

В центре повествования – фигура конторщика Семёна Ивановича Невзорова, человека поначалу ничтожного, ничем не примечательного – этакого Башмачкина: «Семён Иванович, – нужно предварить читателя, – служил в транспортной конторе. Рост средний, лицо миловидное, грудь узкая, лобик наморщенный. Носит длинные волосы и часто встряхивает ими. Ни блондин, ни шатен, а так – со второго двора, с Мещанской улицы» [Толстой, 1958, с. 403]. Такая внешняя аморфность и не случайна: «Это скорее не портрет, а сознательный уход от портретной характеристики. Портретировать-то нечего! Перед нами сама безликость! И не случайно прохожие постоянно путали его на улице с кем-то другим, на что Семён Иванович не без некоторого даже достоинства замечал: “Виноват, вы обмишурелись, я – Невзоров”» [Баранов, 1982, с. 539–549].

«Приключения Невзорова» – это уже не зарисовки настоящего, а история складывания «типичного» русского эмигранта, каким хочет нам его показать А.Н. Толстой, к 1923 г. Определяющие характеристики этого типа – отсутствие человеческих привязанностей и благородных помыслов, нутряное потребительство и меркантилизм, возведенное в абсолют поклонение «золотому тельцу» – Ибикусу, пренебрежение своей русскойностью и своей Родиной: *«Паршивая, нищая страна, – думал Семен Иванович, с отвращением поглядывая сквозь разбитое окошко вагона на плывущие мимо будничные пейзажи, – туда же – бунтовать. Вшей бить не умеете. Что такое русский человек? – свинья и свинья. Тьфу, раз и навсегда. Отрекусь, наплюю, самое происхождение забуду. Например: Симон де Незор –*

вполне подходит. Семен Иванович тайно ощупывал на груди мешочек с валютой и погружался в изучение самоучителя французского языка» [Толстой, 1958, с. 426].

Несмотря на то, что вышеперечисленные произведения писались за границей, они весьма органично были восприняты в Советской России – общественное сознание социалистического государства и литературная критика были готовы именно к такому – не просто ироническому, а пасквильному образу эмиграции и эмигрантов.

Но Толстой не остановился в своих «эмигрантских» художественных опытах. Трудно понять, что им двигало – некоторые исследователи считают, что как раз таки тоска по своему эмигрантскому быту и литературной свободе [Александрова, 2015, с. 283–290]. Однако его новое произведение об эмигрантах появляется не скоро. На протяжении 8 лет, начиная еще с эмигрантского своего существования, автор ищет тот модус художественности, который бы, по его представлению, наиболее адекватно бы выразил и его отношение к эмиграции, и помог бы сформировать однозначное отношение у советского читателя.

Начало 30-х гг. в советской литературе характеризуется резким усилением идеологической линии – в проекции «внешнеполитическое/внутриполитическое». На фоне громких внутриполитических процессов («Дело Промпартии», 1925–1930 г., «шахтинское дело», 1928 г.) [См.: Шахтинский процесс... 2010; Судебный процесс...2016; Красильников, 2018, с. 153–174; 2019, с. 173–192], убийства советского посла в Лондоне и разрыва дипотношений с Великобританией (1927 г.) [См.: Все случаи убийства...2009–2024; Антонюк, 2018], конфликта на КВЖД (1929 г.) [См.: Чуйков, 1976, с. 49–57; Пескова, 1998, с. 106–119] полюса в изображении жизни в «красном» и «белом» лагере резко расходятся.

Одновременно активизируется деятельность военизированных эмигрантских организаций, в частности, созданного под руководством Врангеля Русского обще-воинского союза (РОВС) [Голотик, Зимина, Карпенко, 2002, с. 203–217].

К этому времени закрываются границы между эмиграцией и метрополией, контакты между писателями «по ту сторону границы» и «по эту сторону границы» фактически прекращаются.

Эмиграция и эмигранты, соответственно, становятся воплощением всего самого отрицательного и ненавистного по отношению к Советскому государству и его гражданам.

Меняется время – меняется художественный пафос и литературный стиль. К примеру, М. Кольцов, «непревзойденный гений пропаганды», оказавшийся в качестве члена советской делегации в Париже и встретившийся там с одним из руководителей РОВСа, генералом П.Н. Шатиловым, создает очерк-фельетон «В норе у зверя». Этот очерк насквозь пронизан едкими характеристиками представителей «белого движения» с зоологическими коннотациями: *«Военная диктатура помещиков и капиталистов из петербургских дворцов через всю страну, через моря откатилась в скромные комнатушки на улице Колизе. Смертельно раненный зверь убежал далеко. Он забился в узкую нору и медленно здесь изыхает. Изыхает, но не издох. Он лежит здесь слабый, но еще в тысячу раз более хищный и разъяренный, призывая других зверей вместе ринуться на старые поля его добычи. Если интервенции не будет, зверь так и оклеет здесь, в изгнании. Но при большой стае хищников он найдет в себе силы быть самым кровожадным и самым свирепым»* [Кольцов, 1934].

Именно в такой атмосфере вернувшийся в Советскую Россию А.Н. Толстой создает свое финальное в «эмигрантском цикле» произведение «Черное золото» (1931), впоследствии получившее название «Эмигранты» (1940).

Очевидно, будучи сугубым прагматиком, А. Толстой рассчитывал этим произведением обозначить и свои политические, и свои новые литературные ориентиры. По утверждению самого автора, роман (затем – «Зарисовки девятнадцатого года», а в последней редакции – повесть) был основан исключительно на документальных событиях. «Факты этой повести исторически подлинны, вплоть до имен участников стокгольмских убийств» [Толстой, 1982, с. 2], – писал А. Толстой.

В 1919 г. выйдет из печати брошюра В. Воровского (советского дипломата) «В мире мерзости запустения. Русская белогвардейская лига убийц в Стокгольме» [Воровский, 1919]. Толстой берет за основу ее и личные воспоминания о жизни в эмиграции и общении с ее представителями.

Если говорить об образе эмиграции и эмигрантов в концепции «советского» Толстого, то «Черное золото» («Эмигранты») составляет кульминацию его цикла произведений о белой эмиграции.

Несмотря на первые страницы, написанные в привычном толстовском эпическом ключе, произведение развивается в духе политического детектива, переходящего в памфlet.

Толстой берет за основу самые неприглядные стороны жизни русской эмиграции – ее террористические акции, проституцию, пьянство. А конкретную основу представляют политические преступления организации под руководством авантюриста и циника Хаджет Лаше [Толстой, 1982].

Главными героями выступают Налымов – бывший семеновский офицер, который спивается и теряет человеческий облик, и Вера Чувашева, бывшая княгиня, а ныне циничная проститутка. Вера вместе со своими подругами по несчастью работает на полковника Магомет Бека Хаджета Лаше, руководителя «Организации возрождения империи». Цель деятельности организации – интервенция в Россию и захват нефтяных концессий на Кавказе. У Хаджет Лаше повсюду агенты, которые убивают советских дипломатов и тех, кто сочувствует Советской России. Вера и ее подруги служат приманкой, соблазняют и заманивают потенциальных предателей либо жертв.

Разоблачает преступные планы Хаджет Лаше журналист, швед Бистром.

Весьма любопытно, что роман под первоначальным названием «Черное золото» встретил негативные оценки как со стороны советской, так и эмигрантской критики. В 1931 г. Л. Авербах на пленуме ВОАППа вменил в вину А. Толстому «бульварную авантюрищину», «мимикрию писателя» [Авербах, 1931, с. 104]. «Безвкусие Толстого и его неуважение к исторической правде особенно сказалось в некоторых вещах, написанных им позднее в Советской России» [Струве, 1996, с. 82] – утверждал Струве.

Жанровый эксперимент в области авантюристического романа в принципе соответствовал поиску экспериментальных форм, к которым тяготел и сам писатель после ре-эмиграции, и которые были присущи нарождающейся советской

литературе [Чудакова, 2001; Мандельштам, 1993, с. 271–275]. Ю.Н. Тынянов писал в те годы о том, что «исчезло ощущение жанра», когда традиционные рассказ или повесть более не удовлетворяют запросов времени [Тынянов, 1977, с. 150], с ним в тех или иных формах солидаризовались О. Мандельштам, Е. Замятин и др. [Замятин, 1991, с. 420–433; Мандельштам, 1991, с. 195–201; Литература русского зарубежья, с. 3–36].

К сожалению, лозунг эпохи «нужны красные Толстые» [Зверев, 2011, с. 86–88] в случае с потомком великого писателя не по прямой линии оказались реализованной метафорой. А.Н. Толстой действовал напрямую в соответствии с соцзаказом: выяснял интересы нового читателя, «массовика», который «с энтузиазмом и с жадностью читает все, что до него доходит [Карпи, 2019, с. 5–19]. Именно об этом стремлении свидетельствуют статьи писателя начала 30-х гг. («Луна, которую подменили трактором» (1931), «Советское искусство должно быть великим») [Баранская, 2023, с. 7]. В целом, как подчеркивает Е. М. Баранская, «следует констатировать, что Толстой видел в литературе "орудие борьбы пролетариата за мировую культуру"» [Там же, с. 8].

Но ему весьма сложно было уйти от своего реалистического способа письма, в котором он был столь силен как стилист. Потому попытки стать абсолютно новым автором, при этом будучи носителем «отжившей», «ушедшей в описание» литературной традиции, на наш взгляд, в случае с «Черным золотом», оказались неуспешными. К. Мочульский писал (правда, по поводу другого произведения А.Н. Толстого) весьма точно: «марксистам невдомек, что писатель может перелететь на Марс и сочинить роман из жизни марсиан, как это недавно сделал А. Толстой, и не сдвинуться с мертвой точки; и, наоборот, в сотый раз пересказывая избитый сюжет, создать новый литературный жанр. *“Новое” и “старое” в литературе – не от материала, сюжета или мотива. Об оригинальном быте обычно пишутся банальные рассказы*» (курсив мой. – Лю Ши) [Мочульский, 1999, с. 271–276].

Создавая образ эмиграции и эмигрантов, рассчитанный на советского читателя, Толстой обратится к полному арсеналу средств, наработанных дореволюционной «знаньевской» литературой. Во-первых, это псевдо-индивидуализирован-

ные портретные характеристики, в которых не остается места для «диалектики души». К примеру, Налымов – главный герой повествования, аттестуется таким образом: «*Вошедший не одну уже ночь, видимо, провел на бульварных скамейках – до того был помят и грязен. Розовое от пьянства лицо его не то шелушилось, не то давно было не мыто. К Фукецу неудобно заходить в шляпе, снятой с огородного пугала. Но вошедший как будто не испытывал неудобства. Не подавая руки человеку с бриллиантом, он мутноватыми глазами обвел зеркальные полки с бутылками*» [Толстой, 1982, с. 4]. Перед нами – однозначно опустившийся персонаж-эмигрант, отвратительный и не вызывающий сочувствия.

Данный портрет готовит читателя к обобщенному образу русских эмигрантов: «*Не меньшее изумление вызывали и сами русские, пачками прибывающие в Париж через известные промежутки времени. Более чем странно одетые, с одичавшими и рассеянными глазами, они толкались по парижским улицам, как будто это была большая узловая станция, и все без исключения смахивали на сумасшедших. Сахар, хлеб, папиросы и спички они закупали в огромном количестве и прятали в камины и под кровати, уверяя французов, что эти продукты должны исчезнуть. Встречаясь на улице, в кафе, в вагоне подземной дороги, они как бешеные размахивали газетами. Русских узнавали издали по нездоровому цвету лица и особой походке человека, идущего без ясно поставленной цели. У них водились драгоценности и доллары. На их женщинах (в первые дни по приезде) были длинные юбки, сшитые из портьер, и самодельные шляпы, каких нельзя встретить даже в Центральной Африке. К французам они относились почему-то с высокомерной снисходительностью*» [Там же, с. 14].

Толстой делит русских эмигрантов на так называемых славянофилов и западников. Однако и те, и другие ему одинаково неприятны. Если славянофилы вызывают брезгливое чувство своей «поскonnостью», то западники – своим низкопоклонством перед европейской цивилизацией. Снижающим их образы признаком становится материальный достаток или намек на него: «*Но были и другие русские: эти смахивали на европейцев и селились в дорогих отелях. Правда, их чемоданы*

были ободраны и даже с клопами, но фамилии звучали внушительно в промышленных, банковских и бирже» [Там же].

Ярким представителем такого типа западничества и нарицательным персонажем в произведении выступает В.Д. Набоков – фигура историческая, как и все политические деятели в книге. Для усиления непривлекательных черт в образе Набокова Толстой использует как портретные характеристики, так и несобственно-прямую речь: «*Он поставил чашечку на камин. По его понятиям, приличные в высшей степени люди (комильфо) существовали только в Лондоне. Немецкая аристократия, кичащаяся готским альманахом (этой адресной книгой для брачных контрактов с коронованными особами), французские блестящие фамилии, смешавшие свою кровь крестоносцев с кровью еврейских банкиров, русское дикое, безграмотное, пропахшее водкой и собаками дворянство, не умеющее хранить ни земель, ни чести, ни блеска имен, – все это были варвары.* <...> Разумеется, эти мысли не были написаны на бледном, с черными волосиками на губе, по-английски спокойном лице Набокова, оно выражало лишь величайшее внимание к собеседникам» [Толстой, 1982, с. 20].

Если образ В.Д. Набокова создается с опорой на иронический модус художественности [Тюпа, 2008], то образы других (лишь упоминаемых) персонажей рисуются сатирически и даже карикатурно: «*– На днях забегал к Морозовым. Сидят три московские купчихи, где-то раздобыли арбуз, едят, ругательски ругают французов и евреев, собираются ехать в Россию, и Россию тоже ругают на чем свет...* Все вещи – в чемоданах; собираются быть в Москве к началу сезона – смотреть премьеру в Художественном театре... Я им говорю: “Что же вы так собрались-то?..” – “А нам, говорят, из Лондона написали, что на днях будет война четырнадцати держав”» [Толстой, 1982, с. 30].

Для создания образов дам – соучастниц преступных замыслов Хаджет Лаше писатель использует разные приемы. Начинает он со смены перспективы – дорогие русские проститутки показаны глазами француженки-домоправительницы: «*Мадам Мари, мадам Вера и мадам Лили жили праздно. Спали до десяти утра; не-причесанные, в шелковых пижамах, подолгу сидели за утренним кофе, курили*

папироски. Иногда гуляли, но большие валялись под двумя старыми липами напротив каменного крыльца.

Сад был запущен, розы одичали, на клумбах – сорная трава. Нинет Барбоши, перетирая у окна тарелки, часто спрашивала себя: почему эти три кобылищи так боятся испачкать руки? На чудесной лужайке, где в июньском зное слышалось пчелиное гудение, валялись пустые коробки от папирос, бумажки, бутылки. А эти, положив голые руки под затылок, знай себе глядят в облака... Чулки не штопают, порвутся – бросят где попало; платья раскиданы по всему дому.

Мари была полная блондинка с длинными сонными глазами. Вера – высокая, худая, сложенная, как модель из большого дома; лицо азиатское, волосы лиловые. Лили – во французском вкусе: круглое, как у подростка, лицо, вздернутый нос, стрижена трепаная голова, но слишком большой и чуждый по выражению рот выдавал славянское происхождение» [Толстой, 1982, с. 42].

Другой способ создания образа восприятия эмигрантов – «мнимый диалог», на самом деле подчеркивающий отсутствие коммуникации. Подавающие реплику барышни получают от Налымова ответы невпопад, говорящие не слышат – вернее, не желают слышать друг друга. Если раньше А. Толстой опирался на Куприна, Достоевского, Гоголя – то в 1931 году он словно пародирует Д. Хармса и его «Елизавету Бам» (премьера которой состоялась 24 января 1928 года в Ленинграде) [Толстая, 2006, с. 449].

Такая диглоссия, а затем – подхваты фраз в форме градации создают впечатление абсурдности бытия русской эмиграции, доходящей до театральности ощущений, ее, по мнению А.Н. Толстого, полнейшее лицемерие и цинизм. Субъекты речи – на дне этой жизни.

Главный герой Налымов, поначалу ёрничающий над собой и дамами, постепенно начинает им вторить эхом:

«– Слушайте, давайте по-хорошему... Вам известно, что здесь – притон?
– Княгиня, здесь – очаровательно...

– *Меня зовут Верой... Подсаживайтесь ближе... Вы что же – в самом отчаянном положении, что ли? В мусорном ящике?*

Налымов все так же – со смеешком:

– *Я писал моему орловскому управляющему, – он чертовски затягивает с деньгами... Не то мужики не хотят платить, – вообще что-то курьезное... Накопились долги, пришлось несколько стесниться...*

– *...Ночевать на бульваре, – низким голосом сказала княгиня.*

– *Как вы угадали? Ночевать на бульварах...*

– *...Воровать хлеб в ресторанах...*

– *Воровал... Но не столько стесняло ограничение в еде, как в напитках, представьте... Вы когда-нибудь работали, княгиня, по очистке канализации?*

– *Работала кое-где похуже...»* [Толстой, 1982, с. 44–46].

«Мнимые диалоги» (а на самом деле – монологи) – действенный прием создания образа эмигрантов. В подобном общении Налымова и Веры обнаруживается логическое завершение судьбы и развития образов, намеченных в рассказе 1921 г. («В Париже»)» [Толстой, 1977, с. 113–122].

Наиболее прозрачный и рассчитанный на однозначность восприятия прием – характеристики персонажами друг друга в ответ на их квази-косвенную речь: «*Лили вдруг заговорила о каком-то своем родственнике, белом офицере: постараться хорошенъко, можно бы его разыскать... Он когда-то был влюблен в Лили, такой милый, чистый юноша. Конечно, прискакет в Париж, вырвет ее из этого ужаса... Она бы поехала с ним на гражданскую войну сестрой милосердия, потом бы купили домик на берегу моря в тихом Таганроге, жили бы грустно, невинно, завели бы козу, кур» – «*Вера Юрьевна сказала с отвращением: – Мало того – дура, ты пошлячка, милая моя <...> Кто тебя любить-то будет? Офицеришка, прожженный спиртом и сифилисом?.. Э, милая моя, рук-то от крови не отмоешь... <...> у тебя законченная психология проститутки, должна заметить с большим огорчением»* [Толстой, 1982, с. 102].*

Следующий прием – самохарактеристики персонажей: «*Вера Юрьевна, только не выдумывайте меня, боже упаси. Во мне – никакого проблеска, никакой*

надежды... Чучело на огороде машет руками – это я... Меня забыли похоронить... Я – тот самый неизвестный солдат...» [Толстой, 1982, с. 48].

Авторский анализ эмигрантского падения дается в форме саркастического обобщения, но собирательный образ женщин не лишен авторского сочувствия: «Женщины бежали от апокалиптического ужаса через фронты к своим милым, хорошим “рыцарям духа”, подставлявшим грудь под большевистские пули во имя восстановления красивой жизни. <...> И так – все ниже, на дно человеческого водоворота... Когда они вырвались из этого царства крови, сыпняка, сифилиса и разбоя на лазурные берега Константинополя, выбора не оказалось: тротуар, ночной фонарь и вдали пуговицы полицейского мундира...» [Там же, с. 56].

Итак, вся белая идея, по мысли автора состоит в том, что мнимые «“рыцари духа”» подставляли «грудь под большевистские пули во имя восстановления красивой жизни» [Там же].

В результате такого приема обобщения создается впечатление, что Толстой пишет обо всех русских женщинах-эмигрантках, судя по нему – все они занимаются в эмиграции проституцией.

Писатель жестко оценивает склонность русской интеллигенции к рефлексии как предпосылку эмиграции, стремление «бродить по психологическим дебрям: «Русских беженцев распирала сложность собственной личности. Для ее ничем не стесняемого расцвета Россия когда-то была удобнейшим местом. Неожиданно поставленная вне закона, она с угрозами и жалобами помчалась через фронты гражданской войны. Она докатилась до Парижа, где попала в разрезенную атмосферу, так как здесь никому не была нужна. Иной из беженцев погибрал бы даже с имущественными потерями, но никак не с тем, что из жизни может быть вышвырнуто его “я”» [Там же, с. 56].

Эмигранты Толстого – все потребители, им нет дела до высоких идеалов: «Революция, революция! Взбрело же в жизнь такое страшное и неуютное... Опустевший город. На окнах заколоченных магазинов – декреты о классовой борьбе... Холод... Ночной звонок. И все мое, весь я отскакиваю от кожаной куртки

человека с безжалостно сжатым ртом и мрачными глазами, глядящими сквозь мое “я”» [Толстой, 1982, с. 56].

«Кисло усмехаясь, Вера Юрьевна ответила:

– Всякий бесится по-своему, милая моя шансонетка. **Для тебя высшее счастье – пожарские котлеты**» [Там же, с. 108].

Потребительство и мещанство эмиграции, по мысли автора «Черного золота», приводит ее представителей к духовной смердяковщине, к небрежению всем, что связано с Россией и русскостью. Те, кто выдает себя за идейных борцов, на самом деле – глубоко циничны, их идол – деньги и американский прагматизм. Образ таких «идейных борцов» – эмигрантов-журналистов создается благодаря приему *квази-косвенной речи*: «*И тут же мелькнуло: “Написать книгу с большевистским душком – скандал и успех...” В конце концов ему было наплевать на белых и на красных, на политику, журналистику, на Россию и всю Европу. Все это он равнодушно презирал как обнищавшие задворки единственного хозяина мира – Америки, куда ушло все золото, все счастье*» [Там же, с. 66].

Наиболее прозрачны саморазоблачения эмигрантов, их трезвая оценка своего положения и бесперспективности всех антисоветских акций:

«– **Летим на дно водоворота... Тени какие-то ночные. Разве мы живем? Только волль человеческий, а самого человека давно нет... Эмигранты, шелуха!** Лаше мне сказал – мы здесь, чтобы бороться с большевиками террором. <...> Мы должны шпионить, провоцировать, заманивать, отравлять, душить – кого укажут... Говорил о великой белой идее!.. **Железный авангард: три проститутки и спившийся кот...**» [Там же, с. 134].

Практически весь арсенал перечисленных приемов Толстой использует, создавая образ главного отрицательного героя – авантюриста и циника Хаджет Лаше. Это портретные характеристики от автора, характеристики, данные его сообщниками, его речевые самохарактеристики, диалогические формы речи.

Портрет: «**Жирноватое лицо Хаджет Лаше с твердой нижней челюстью, с мясистым носом, ноздреватой, трудно пробивающей кожей было чрезмерно красное. Короткие жесткие волосы – с бобровой сединой. Прямой рот –**

без улыбки, с жесткими морщинками. Глаза он добродушно жмурил. Лицо незаметное, но приглядеться – чем-то притягивало. К тому же он оказался занимательным собеседником и компанейским парнем» [Толстой, 1982, с. 79–80].

Речевые самохарактеристики резко контрастируют с мимическими реакциями: «*Они сидели под липами и слушали Хаджет Лаше. Приятно тянуло предутренней прохладой. Он рассказывал:*

– **Я русский патриот, господа, и мне тяжело видеть, как святое белое дело тормозится безумной политикой англичан <...>**» – **«Хаджет Лаше, смеясь одними глазами, – рот оставался жестким, жестоким, – потащил из заднего кармана штанов бумажник, отыскал газетную вырезку»** [Толстой, 1982, с. 79–80].

Отношение к нему слушающих выражается через несобственно-прямую речь: «*Левант, усмехнувшись, налил себе коньяку. Каждый раз этот человек-дьявол дурачил его, как маленького... Интересно, какой ход он делает сейчас этим разговором. Левант не верил, разумеется, ни одному его слову, но замыслов его до конца понять никогда не мог. Одно можно было предположить, что он боится, как бы Левант не почувствовал в чем-то над ним превосходство»* [Там же, с. 82].

Хаджет Лаше и не скрывает своего цинизма по принципу «цель оправдывает средства», его главная задача – добиться поставленной задачи, спровоцировать убийством российского посла наступление Антанты на Советскую Россию [Там же, с. 96, 244].

Несмотря на заявленную авантюрность сюжета, в повести он развивается весьма медленно – та «пешеходность фантазии», о которой писал Е. Замятин в своих раздумьях о «Новой русской прозе» (1923) [Замятин, 1991], налицо. Создается впечатление, что вся повесть писалась ради ее финала: «*Налымов остался в Стокгольме. Раз в неделю он посещал в тюрьме Веру Юрьевну. Из гостиницы переехал в недорогой пансион. Стал весьма сдержан в денежных тратах, даже скуповат. Через день ходил в кинематограф. Умеренно пил. Пристрастился обкуривать пенковые мундштуки, словом, жил тихо, – черт его знает, – иногда сам себя спрашивал, – зачем он живет на свете?..*

Бистрем... Если житейские события некоторых из персонажей хотя бы отчасти пришли к какому-то завершению, – жизнь Бистрема только-только начала организовываться... Он написал несколько статей и уехал в Германию, сжимаемую смертельными объятиями Версальского мира. Там след его на некоторое время затерялся.

В Советской России революция продолжала победоносно разворачиваться, опрокидывая все планы версальских мудрецов и надежды эмигрантских комитетов <...> [Толстой, 1982, с. 296].

Таким образом, в своей заключительной повести об эмиграции «Черное золото» («Эмигранты») Толстой нарисовал обобщенный образ всей европейской, и шире – русской эмиграции, для этого собрав все негативные факты и характеры, представив это как проявление типических, родовых качеств русской эмиграции. В повести находят логическое и весьма однолинейное завершение намеченные в его рассказах эмигрантской поры образы. Эмигранты в повести – это сортище потребителей, ноющих тунеядцев, проституток, пьяниц, убийц и прожженных циников. Все они живут воспоминаниями и сожалением о прошлом достатке и ничегонеделании, таков их образ России.

Утверждая подлинность описанных событий и его участников в предисловии к роману, Толстой, по сути дела, намеренно придаетциальному случаю значение обобщения, возводит в ранг типического, закрепляя тем самым сугубо негативную оценку всей русской белой эмиграции, «эмигрантщины» – на языке того времени [Матвеева, 2011, с. 205].

Памфлетный характер повести вызвал негодование русского зарубежья. А.М. Зверев, очевидно, с позиции всей эмиграции, писал об «Эмигрантах» как о «пасквиле», состряпанном «красным графом», выполнившим социальный заказ власти и демонстрировавшим «полную преданность советскому режиму, обливая помоями его стойких противников» [Зверев, 2011, с. 36].

Толстой станет автором первого политического детектива с эмигрантским колоритом: «написанный по свежим следам уголовного дела о русской белогвар-

дайской лиге убийц в Стокгольме, роман содержит все компоненты детектива: преступление, поиск, улики, наказание...»; «автор прекрасно демонстрирует политическую обстановку в Европе, анализирует борьбу в 1919 году вокруг “черного золота” – нефти и интриги белогвардейцев в связи с этой борьбой» [Разин, 2010–2023]. Однако из-за конъюнктурного стремления однозначно развенчать русских эмигрантов и всю эмиграцию автор пожертвовал динамикой детективной сюжетики во благо монологам, портретным и речевым характеристикам, псевдо-диалогам, замедляющим сюжет и делающим его неинтересным.

Несмотря на одномерность образа эмиграции и эмигрантов, явно обусловленную социальным заказом, именно такой образ будет усвоен и востребован советской публицистикой и литературой в 1930-е гг. – можно вспомнить «Рейд Черного жука» Ивана Макарова [Макаров, 1932], «Судьбу барабанщика» А. Гайдара [Гайдар, 1938]. Но самым действенным способом дезавуировать высокие помыслы русской эмиграции станет все же прием умолчания – то есть вообще не упоминать о ней.

Итак, в «эмигрантском цикле» А.Н. Толстого (1921–1932) находит художественное воплощение динамика трансформации образов эмиграции и эмигрантов в общественном и культурном сознании Советской России – СССР: от сочувственной рефлексии до однозначно негативного восприятия. Эти изменения находят отражение на тематическом уровне (от темы горьких разочарований – к теме духовного разложения), в жанрово-стилистической системе (от рассказа с элегической тональностью к политическому детективу-памфлету), на уровне интертекстуальных аллюзий (от «купринских» мотивов к двойничеству в духе Достоевского) [Лю, 2025, с. 1545–1547].

Те пути, которыми Толстой шел к подобному художественному итогу (тенденция наметилась еще в 1921–1923 гг.), получили неодномерную реализацию в художественном сознании автора, которого трудно упрекнуть в ангажированности. По крайней мере, в абсолютном следовании соцзаказу.

2.3 Между трагедией и буффонадой: осмысление образов эмиграции и эмигрантов в творчестве М.А. Булгакова, 1926–1928 гг.

Наиболее непредвзятые и многоплановые образы эмиграции и эмигрантов в советской литературе нашли выражение в пьесе Михаила Афанасьевича Булгакова «Бег» (1926–1928). Очевидно, что Булгаков читал рассказы Толстого 1921–1923 гг. По крайней мере, в тексте «Бега» мы находим драматургически типизированные образы, присутствующие в рассказах Толстого – это растерянные и потерянные беженцы; константинопольские, а затем и парижские проститутки, игроки на «тара-каных бегах» в Стамбуле; бывшие офицеры, опускающиеся на дно жизни, безжалостные к своим врагам во время войны, но способные на высокие порывы; циничные нувориши, наживающиеся на междоусобице. Однако Булгаков, сам не побывавший в эмиграции и искренне воспринявший революцию, избирает для изображения эмиграции и эмигрантов совсем иной модус художественности [Тюпа, 2008, с. 127–128], нежели А.Н. Толстой.

В пьесе также, как и впоследствии у А.Н. Толстого, за основу берутся реальные события. К написанию М.А. Булгаков подошел, как всегда, фундированно – в тексте нашли отражение личные воспоминания супруги писателя Л.Е. Белозерской об эмигрантской жизни в Константинополе, мемуары бывшего белого генерала Я.А. Слащова «Крым в 1920 году», и вполне вероятно, личные раздумья Михаила Афанасьевича о возможной эмиграции и самоопределении там.

Замысел пьесы постоянно менялся, о чем свидетельствуют разнообразные варианты заглавия пьесы – от «Рыцаря Серафимы», «Изгоев» до финального варианта «Бег» [Там же].

Нас интересует первая редакция пьесы. На наш взгляд, именно она отражает в наиболее чистом виде восприятие эмиграции искренним, не ангажированным и вдобавок – настроенным изначально демократически писателем. Образ эмиграции и эмигрантов в этой редакции пьесы выражается на разных уровнях текста.

Во-первых, на уровне рамочных компонентов – в окказиональном жанровом определении, названии, эпиграфах к пьесе и действиям, сценических комментариях (список действующих лиц, ремарки и т.д.).

Начнем с жанрового определения. Это не только пьеса, это «Восемь снов. Пьеса в пяти действиях». Автор подчеркивает, что определяющее значение несут в себе именно «сны», именно они определяют единство времени и действия. При этом ремарки в начале пьесы по поводу «снов» содержат в себе логическую несуразицу. Сны не «протекают», не «сняются», как им положено, а «происходят» в конкретные месяцы и конкретных местах действия:

«Сон первый происходит в Северной Таурии в октябре 1920 года.

Сон второй, третий и четвертый – в начале ноября 1920 года в Крыму.

Пятый и шестой – в Константинополе летом 1921 года.

Седьмой – в Париже осенью 1921 года.

Восьмой – осенью 1921 года в Константинополе» [Булгаков, 1997, с. 382].

Пьеса Булгакова, таким образом, изначально предполагает синтез сценичности и глубокого прочтения, фактографичности и условности. Сон – это то состояние страшной реальности, в которой оказались герои пьесы.

Далее специфику жанровой природы подчеркивают авторские ремарки, начиная с характеристик герояев в списке действующих лиц и пояснений по ходу пьесы:

«Серафима Владимировна Корзухина, молодая петербургская дама.

Сергей Павлович Голубков, сын профессора-идеалиста из Петербурга» [Булгаков, 1997, с. 391] и т.д.

Несмотря на то, что пьеса Булгакова много шире рассматриваемой нами темы, основные персонажи пьесы проходят испытание эмиграцией.

В отличие от В. Шкловского, у которого герои-эмигранты – это представители богемы, система персонажей пьесы Булгакова – срез всех социально-политических и социокультурных типов эмиграции: Серафима – богатая женщина, «петербургская дама», которая просто бежала от послереволюционного хаоса; Голубков – представитель интеллектуальной элиты, наследник «идеалистических идей»

своего отца, приват-доцент, ранее преподававший в Петербургском университете; Хлудов – боевой офицер, истово исповедующий «белую идею», чьи руки по локоть в крови; генерал Чарнота – храбрый вояка, потерявший веру в свои идеалы и в эмиграции продающий игрушки с лотка, живущий за счет своей жены; Корзухин – «очень европейский» чиновник, нувориши, наживающийся на революции, способный продать за доллар и жену, и Отечество; Люська – женщина низкого сословия, походная жена Чарноты, бежавшая вслед своему искреннему чувству и в эмиграции выживающая за счет проституции.

Хотя они все из разных слоев российского общества, но отправляются в свой «тяжелый путь»: «*Голубков. Бежим мы с вами, Серафима Владимира, по весям и городам...*» [Булгаков, 2004, с. 473]; «*Серафима. Из Петербурга бежим. Все бежим да бежим!*» [Там же, с. 497]; «*Чарнота. Слух такой, ваше преосвященство, что вся армия в Крым идет! К Хлудову под крыло!*» [Там же, с. 483]; «*Главнокомандующий. Поезжайте на корабль. Вам нужно полечиться за границей*» [Там же, с. 511].

Для советского читателя достаточно жалкий приват-доцент Голубков и аморфная Серафима представляются знаковыми эмигрантскими типами. Не случайно «голубиная» и «ангельская» семантика этих образов обозначена уже именами. Все «рыцарские» потуги Голубкова развенчиваются одним фактом его предательства Серафимы при одном только виде иглы – возможного орудия пытки – в контрразведке. Серафима также мало вызывает симпатий хотя бы потому, что она супруга негодяя Корзухина – и вышла за него из-за богатства. Их помыслы и действия лишены идейной мотивировки – бегут они из России только потому, что им становится некомфортно жить, возвращаются не на Родину – а потому, что страстно стремятся вновь оказаться «на Караванной».

Карикатурен и однозначен образ Корзухина – «очень европейского» чиновника, стяжателя и негодяя, бывшего министра при Врангеле, успевающего даже во время трагического разгрома белых войск в Крыму сколачивать себе капитaleц. Он жаден, эгоистичен и бесстыден. После того, как Серафиму приняли за большевичку в Крыму, Корзухин понимает, что ему может угрожать опасность, и отрекается от

нее: «*Никакой Серафимы Владимировны не знаю, эту женщины вижу впервые в жизни, никого из Петербурга не жду, это обман. Это шантаж!*» [Булгаков, 1977, с. 410–411]. Ему абсолютно чужды страдания покидающих Родину русских беженцев: «*Впереди Европа, чистая, умная, спокойная жизнь. Итак! Прощай, единая, неделимая РСФСР, и будь ты проклята ныне, и присно, и во веки веков...*» [Там же, с. 267].

В четвертом действии («Сон седьмой») Корзухин – уже обосновавшийся в Париже, разбогатевший, вне какой-либо опасности, но он не проявляет сочувствия, когда узнает, что Серафима находится в изгнании в Константинополе: «*На краю чего? Простите, во-первых, у меня нет никакой жены. <...> Действительно, я некоторое время проживал в Крыму, как раз тогда, когда там бушевали эти полуумные генералы. Но, видите ли, я тогда же уехал, никаких связей с Россией не имею и не намерен иметь. Я принял французское подданство, женат не был <...> Так что всякие разговоры о какой-то якобы имеющейся у меня жене мне неприятны*» [Там же, с. 440].

Корзухин не только не предлагает ей никакой помощи, но патетически произносит Голубкову «Балладу доллару»: «*Ах, молодой человек! Прежде чем говорить о тысяче долларов, я вам скажу, что такое один доллар. (Начинает балладу о долларе и вдохновляется.) Доллар! Великий всемогущий дух! Он всюду!*» [Булгаков, 2004, с. 475].

Корзухин – продолжение Смердякова, изначально презирает русский язык, Россию, соотечественников: «*Антуан, вы русский лентяй. Запомните: человек, живущий в Париже, должен знать, что русский язык пригоден лишь для того, чтобы ругаться непечатными словами или, что еще хуже, провозглашать какие-нибудь разрушительные лозунги. Ни то, ни другое в Париже не принято*» [Булгаков, 2004, с. 475]. Но это, очевидно, единственный отталкивающий персонаж-эмигрант в пьесе: «*...господин Корзухин, что вы самый бездушный, самый страшный человек, которого я когда-либо видел. И вы получите возмездие, оно придет! Иначе быть не может!*» [Там же, с. 478].

При этом характерно, что прототип этого героя – купец Крымов – не был во-все мерзавцем, открывал в Париже фонды в поддержку эмигрантов, оказывал личное вспомоществование.

Как ни странно, наиболее живыми, вызывающими симпатию, «самыми русскими» у Булгакова выступают неоднозначные персонажи: полковник Хлудов и генерал Чарнота. Эти герои вбирают «и бездну, и свет», им присущи самые страшные и самые высокие помыслы.

Хлудов – талантливый стратег, самоотверженный воин, бессребреник. Он до состояния сумасшествия переживает гибель белой армии и собственные злодеяния на войне: *«Он болен чем-то, этот человек, весь болен, с ног до головы. Он морщится, дергается, любит менять интонации. Задает самому себе вопросы и любит сам же на них отвечать. Когда хочет изобразить улыбку, скалится. Он возбуждает страх. Он болен – Роман Валерьевич»* [Там же, с. 300].

В этих своих чувствах во время Крымского падения Хлудов доходит до полной бесчеловечности и казнит ни в чем не повинных людей. Ему ничего не стоило бы убить начальника станции за кажущуюся провинность, несмотря на то что тот молит его, вспоминая о маленьких детях. В первом действии «Сон второй» вестовой Крапилин пытается защитить Серафиму и называет Хлудова шакалом: *«Только одними удавками войны не выиграешь! За что ты, мировой зверь, порезал солдат на Перекопе? Попался тебе, впрочем, один человек, женщина. Пожалела удавленных, только и всего. Но мимо тебя не проскочишь, не проскочишь! Сейчас ты человека – цап и в мешок! Стервятиной питаешься <...> А ты пропадешь, шакал, пропадешь, оголтелый зверь, в канаве!»* [Булгаков, 1997, с. 411].

Хлудов отдает приказ казнить Крапилина: *«... на железном столбе висит длинный черный мешок, под ним фанера с надписью углем: “Вестовой Крапилин – большевик”»* [Булгаков, 2004, с. 420].

После убийства Крапилина совесть настолько одолевает Хлудова, что у него начинаются галлюцинации: *«Что со мною? Душа моя раздоилась, и слова я слышу мутно, как сквозь воду, в которую погружаюсь, как свинец»* [Там же, с. 450].

«Ты достаточно измучил меня. Но наступило просветление. Да, просветление. Но ведь нельзя же забыть, что ты не один возле меня. Есть и живые, повисли на моих ногах и тоже требуют» [Булгаков, 1977, с. 447].

Несмотря на все свои военные преступления, Хлудов – страдающий герой, в его образе скрестились судьбы многих русских людей той эпохи. Это – трагический и типический образ русского эмигранта-офицера, волею судьбы оказавшегося в мясорубке братоубийственной войны.

Генерал Чарнота (в ремарках: «*по происхождению запорожец*») – образ амбивалентный, вмещающий в себя travestийное и трагическое начала. Чарнота изначально – страстный игрок, его речь пересыпана жаргоном завсегдатая картежных баталий. Но он – блефующий игрок и в жизненных ситуациях. Уже в «Первом сне» Чарнота удивляет своими способностями, притворяясь ловко мадам Барабанчиковой «на сносях» и обводя вокруг пальца буденновцев: «*Лежу, рожаю, слышу, шпорами – илеп, илеп!...*» [Булгаков, 2004, с. 424].

Чарнота – кадровый офицер, бесстрашный и безоглядный: «*Но не идейный. Я равнодушен. Я на большевиков не сержусь. Победили и пусть радуются. Зачем я буду портить настроение своим появлением?*» [Там же, с. 492].

Но он глубинно честен и готов защищать слабых, потому самоотверженно спасает Серафиму из лап контрразведки, тем самым подписывая себе приговор как офицеру – за это лишен содержания в Константинополе, как остальные офицеры [126 кораблей... 2019; Тюркан, 2020]. Потому вынужден ходить с лотком и продаивать странных кукол: «*У выхода с переулка вниз к сооружению Чарнота в черкеске без погон, выпивший, несмотря на жару, и мрачный, торгуя резиновыми чертами, тещиными языками и какими-то прыгающими фигурками с лотка, который у него на животе*» [Булгаков, 2004, с. 458].

Бездумно проигрывая заработок за день, Чарнота не задумывается о том, что и он, и Серафима живут за счет проституции преданной Чарноте Люськи. Однако тот же Чарнота отправляется в Париж, чтобы добыть деньги для Серафимы и Голубкова и Корзухина, закладывая последние брюки и являясь в Париж в одних

кальсонах. Сцена его обыгрывания Корзухина – кульминационная в пьесе. Читательское и зрительское ожидание справедливого возмездия – удовлетворено.

Несмотря на всю эксцентричность и эгоцентризм, Чарноте как никому из эмигрантов в пьесе, присущ здравый смысл. Именно он предупреждает Хлудова, решившего вернуться в Россию: *«Ну, так знай, Роман, что проживешь ты ровно столько, сколько потребуется тебя с парохода снять и довести до ближайшей стенки! Да и то под строжайшим караулом, чтобы тебя не разорвали по дороге! <...> От смерти я не бегал, но за смертью специально к большевикам не поеду. Дружески говорю, Роман, брось! Все кончено. Империю Российскую ты проиграл, а в тылу у тебя фонари!»* [Там же, с. 465].

Его самоопределение в finale пьесы выражает трезвую оценку краха эмигрантских надежд: *«Ну, ладно. Итак, пути наши разошлись, судьба нас развязала. Кто в петлю, кто в Питер, а я куда? Кто я теперь? Я – Вечный Жид отныне! Я – Агасфер. Летучий я голландец! Я – черт собачий!»* [Там же, с. 452].

Образ Хлудова придает сюжету психологический рефлексивный импульс, образ Чарноты – движет действие, провоцируя перипетии, усиливает драматизм. Две эти противоположно направленные линии воплощают двуединую природу жанрового своеобразия пьесы.

Название пьесы «Бег» также имеет многообразное смысловое наполнение. Начинается его реализация эпиграфом из знаменитой поэмы В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов» (1812 г.):

Бессмертье – тихий, светлый брег;

Наш путь – к нему стремленье.

Покойся, кто свой кончил бег!.. [Жуковский, 1959].

Жуковский сопроводил свое сочинение пояснением: «Писано после отдачи Москвы перед сражением при Тарутине». Как известно, сражение не принесло победы русскому войску. Знающий текст читатель мог процитировать следующую строку: «Вы, странники, терпенье!». Соответственно, автор не только намекал на определенную несостоятельность мнимой победы, но и обращался к неким «странникам», желая терпенья на их сложном пути к «бессмертью».

А далее мотив бега будет обретать абсолютно противоположные значения. Поначалу образ необозначенных «странников» будет представлен именно беженцами, Серафимой и Голубковым, убегающими вслед за белыми войсками по дороге в Крым: «*Беженцы они из поселка. Беженцы... Прибежали!*» (Паисий); «*Я сын знаменитого профессора-идеалиста Голубкова и сам приват-доцент, бегу из Петербурга к вам, к белым, потому что в Петербурге работать невозможно*» [Булгаков, 1997, с. 398].

Уже в Четвертом сне мотив бега обретает с одной стороны, библейские, с другой – полуфантастические-полу-гротескные черты в приговорках Африкана и бредовых воспоминания Хлудова перед бегством белых на корабле в Константинополь: «*И отправились сыны Израилевы из Раамсеса в Сокхоф, до шестисот тысяч пеших мужчин, кроме детей... Ах, ах... И множество разноплеменных людей вышли с ними...*» (Африкан) [Там же, с. 256].

«*В кухню раз зашел в сумерки, тараканы на плите. Я зажег спичку, чирк, а они и побежали. Спичка возьми и погасни. Слышу, они лапками шуршат – шуршур, мур-мур... И у нас тоже – мгла и шуршание. Смотрю и думаю, куда бегут? Как тараканы, в ведро. С кухонного стола – бух!*» (Хлудов – Главнокомандующему) [Там же, с. 407].

И, наконец, в «Восьмом сне» метафорический мотив бега реализуется в самом что ни на есть сниженном ключе – в образе тараканьих бегов. Как пишут свидетели, тараканий тотализатор был реальностью эмигрантской жизни Константинополя [Булгаков, 1997, с. 425]. На нем теряет свое человеческое лицо генерал Чарнота, проигрывающийся в пух и прах; в результате его «походная жена» Люська вынуждена заняться проституцией, а затем и Серафима. А тотализатор в пьесе становится воплощением образа жизни эмигрантской общины Константинополя – «тараканьего царства»:

«*Душный город! И это позорище – тараканы бега! <...> Я совершенно здоров. Не таракан, в ведрах плавать не стану. Я помню армии, бои, снега, столбы и на столбах фонарики... Хлудов пройдет под фонариками*» [Там же, с. 449–450].

8 снов как структурное целое пьесы в данном ключе – это то пространство между сном и явью, в котором осуществилось бегство из страны и которое сопровождает героев в эмиграции. Сон – состояние, которое ближе всего к небытию.

Отличительной жанровой характеристикой пьесы становится соединение буффонной эксцентрики и трагического начала. Буффонада начинается с «Первого сна», когда Чарнота демонстрирует чудеса travestации; затем продолжается в константинопольских сценах с его участием в качестве продавца кукольных комиссаров; появлением «тараканьего царя» Артура: *«Артур выскоил из карусели вверху, как выскаивает Петрушка из-за шири»* <...> *«Во фрачном жилете, мучается, пристегивая воротничок»* [Там же, с. 277] – вплоть до путешествия Чарноты по Парижу без штанов и его феерического триумфа у Корзухина. При этом сатирические мотивы не грешат неправдоподобием: метаморфозы жизни русских эмигрантов являли собой и не такие шокирующие факты. Однако комедийное начало мало соотносимо с сном.

В выстраивании образа эмиграции и эмигрантов М.А. Булгаковым побеждает трагизм. И сколь бы не казались неинтересными Голубков и Серафима – их в finale пьесы искренне жаль, так как выбор вернуться в Россию воспринимается как добровольное и неизбежное жертвоприношение. Финал варианта пьесы 1928 г. также многозначно трактует и судьбу Хлудова с Чарнотой: пропадающий в окне Чарнота, скорее всего, заканчивает жизнь самоубийством. Судьба же Хлудова абсолютно прозрачна – о чем ему и говорит в finale Чарнота. Читателю и зрителю жаль абсолютно всех персонажей – кроме негодяя Корзухина. Но его образ не просто типичен: он необходим как провокация обнаружения лучших качеств эмигрантов.

Пьеса не была принята к постановке – и это, как следует из анализа, не случайно [Соколов, 2008б]. Сталин вынес вердикт: «“Бег” есть проявление попытки вызвать жалость, если не симпатию, к некоторым слоям антисоветской эмигрантизации, – стало быть, попытка оправдать или полуоправдать белогвардейское дело. “Бег”, в том виде, в каком он есть, представляет антисоветское явление» [Сталин, 1929].

Не помогло даже заступничество М. Горького: «Чарнота – это комическая роль, что касается Хлудова, то это больной человек. Повешенный вестовой был только последней каплей, переполнившей чашу и довершившей нравственную болезнь. Со стороны автора не вижу никакого раскрашивания белых генералов. Это – превосходнейшая комедия, я ее читал три раза, читал А.И. Рыкову (председателю Совнаркома. – Б.С.) и другим товарищам. Это – пьеса с глубоким, умело скрытым сатирическим содержанием...

Когда автор здесь читал, слушатели (и слушатели искушенные) смеялись. Это доказывает, что пьеса очень ловко сделана.

“Бег” – великолепная вещь, которая будет иметь анафемский успех, уверяю вас» [Цит. по: Варламов, 2020].

Если Горький не лукавил, то его жанровое определение пьесы было довольно неглубоким, а характеристики главных героев (которых он тоже выделяет в системе персонажей) – однобокими. Один из критиков совершенно справедливо определил «Бег» как «инсценированную панихиду по Белому движению» [Соколов, 2008б], так как основным чувством после его прочтения остается чувство грусти и разочарования. Сам же Булгаков считал пьесу своей «лучшей вещью» [Булгаков, 1962, с. 5–78].

В печати началась кампания против «Бега» и ее автора, при этом авторы статей часто даже не были знакомы с текстом пьесы [Соколов, 2008б].

Таким образом, в «Беге» Михаила Булгакова мы обнаруживаем развитие вектора трактовки образов эмиграции, намеченного А.Н. Толстым в 20-е гг., но в 30-е гг. им самим же измененного. Не переживший изгнания, М.А. Булгаков создал наиболее емкий и объективный образ эмиграции и эмигрантов с социальной, политической, этической и этнокультурной точек зрения. Типологическую достоверность образам эмиграции и эмигрантов дает окказиональная жанровая форма пьесы «в восьми снах», воплощенная в синкретическом единстве амбивалентного художественного конфликта пьесы, комического (буффонного) и трагического модусов художественности [Лю, 2025, с. 1547–1548].

Выводы по главе 2

Таким образом, образы эмиграции в советской литературе 1921–1932 гг. отразили основные этапы формирования общественно-политической – негативной – точки зрения на явление эмиграции и эмигрантов сквозь призму становления однозначно приемлемой литературной парадигмы соцреалистического канона. В творчестве В. Шкловского нашел воплощение первый – компромиссный – этап отношения к эмиграции в начале 20-х гг., с металитературной рефлексией и тягой к жанровому эксперименту. В эволюции образов эмиграции и эмигрантов А.Н. Толстого выразилось поступательное утверждение негативной оценки эмиграции и эмигрантов, а средства выражения этого прошли испытание разными жанрами – рассказом с элегической тональностью, политической новеллой, фантасмагорией, закрепившись в политическом детективе с памфлетным уклоном. Наиболее многомерным и психологически достоверным представляется образ эмиграции и эмигрантов в пьесе М. Булгакова «Бег». В ней приемы социокультурной и этнокультурной типизации контаминированы с комической эксцентрикой и трагическими интонациями, образы эмигрантов – типически и характерологически убедительны.

Глава 3. Формирование образов дальневосточной эмиграции и эмигрантов в русской литературе 1920–40-х гг.

Художественная рецепция феномена дальневосточной эмиграции долгое время оставалась на периферии отечественного литературоведения – в связи с тем, что многие литературные и публицистические материалы долгое время оставались в архивах, не были известны широкому кругу читателей.

В данной главе речь идет о результатах исследования образов дальневосточной эмиграции и эмигрантов, представленных в советской литературе и публицистике, с одной стороны, и образов самовосприятия в эмигрантской лирике «восточной ветви» – с другой.

3.1 Образы восприятия дальневосточной эмиграции и эмигрантов в советской литературе и публицистике конца 1920-х гг. (Я.М. Окунев, Е. Полевой)

Как следует из предыдущих глав, образ русской эмиграции и эмигрантов, оказавшихся в Европе, складывался благодаря перу писателей, которые сами побывали в эмиграции, либо имели тесный опыт общения с бывшими эмигрантами. И, несмотря на единичность произведений, обращенных к образам эмиграции и эмигрантов, их создавали настоящие мэтры русской и советской литературы.

Тому есть эмпирическое объяснение – эмиграцию в европейские страны составили наиболее знатные слои российского общества, по-настоящему – духовная элита. Потому и сообщение с Европой и оказавшимися там собратьями по перу у советских писателей было более активным, и руководство Советского государства изначально обращало на эту часть анклава бывших соотечественников за рубежом более пристальное внимание. От них исходила наибольшая угроза, так как именно их мощные военную и идеологическую карты разыгрывали правительства стран Антанты, планирующие воспользоваться слабостью новорожденного Советского государства и захватить ресурсы бывшей Российской империи.

С дальневосточной эмиграцией поначалу дело обстояло несколько иначе.

Во-первых, она была представлена в основном средними слоями многонационального населения бывшей Российской империи; формировалась на территории Харбина и полосы отчуждения КВЖД [Аблова, 2005, с. 192] – с 1918–1920-х гг. русские беженцы собирались вокруг русской общины и русского быта, сложившихся на маньчжурской земле еще с 1898 г. Город был спланирован и отстроен русскими инженерами и архитекторами, в нем царил русский язык и русский быт [Там же, с. 55–56]. Харбин при Хорвате, вплоть до 1920 г., – типично провинциальный дальневосточный русский город, населенный разными этносами, с преобладанием русского и большим удельным весом китайского населения.

Однако даже сами старожилы-харбинцы не считали эти пространства Китаем [Кравченко, 1991, с. 3]. Многие из них приехали в Маньчжурию еще до революции на строительство КВЖД или жили на территории дальневосточного фронтира (в Приамурье, Приморье, Уссурийском крае), тесно общаясь с китайским населением и другими народами Дальнего Востока и Северной Манчжурии. Большая часть их пережила события «боксерского» восстания, русско-японскую войну, годы Первой Мировой войны в Харбине.

Во-вторых, революционные потрясения до Харбина докатились медленно, советской власти не удалось взять управление КВЖД в свои руки – потому в Харбине установилась на долгий срок ситуация политического и темпорального «безвременья» [Линник, 1995, с. 150]. Не случайно о своих анахронистических впечатлениях о послереволюционном, но как будто дореволюционном Харбине писали и советские, и эмигрантские респонденты. Он действительно находился «меж двух миров» – и в темпоральном, и в пространственном, и социально-политическом планах [Забияко, Эфендиева, 2009]. Как известно, город не был столь отделен от метрополии – границы между Китаем и Россией были проницаемы не только для контрабандистов. Харбин, выражаясь словами Я. Ловича, «приютил и белых, и красных» [Лович, 2007]. До определенного времени (военного конфликта 1929 г.) в сто-

лицу КВЖД свободно приезжали советские чиновники, зачастую – с семьями (поесть в дорогих ресторанах, развлечься в кафешантах, приодеться у модных портних) [Русские и китайцы... 2020].

В-третьих, изначально Советское правительство не имело определенной позиции по поводу принадлежности КВЖД в новых политических координатах. Правда, уже не позднее конца ноября 1917 г. Народный Комиссариат Иностранных дел заявил посланнику Китая об увольнении «бывшего посланника России бывшего князя Николая Александровича Кудашева» и управляющего КВЖД Д. Л. Хорваты [Аброва, 2005, с. 107–108]. С 1918 г. представители Советской власти начинают попытки прояснить свои позиции относительно полосы отчуждения и русского населения на этих территориях. Китайскому правительству была выражена озабоченность по поводу соблюдения прав российских граждан [Там же, с. 110]. «Помимо назначения новых консулов в Маньчжурию, НКИД поручает заниматься защитой прав русских в Гиринской и Мукденской провинциях – Владивостокскому Совдепу, а Хэйлунцзянской – Хабаровскому [Документы внешней политики СССР, 1957, с. 110].

1918 – начало 1923 гг. – время формирования белой эмиграции в Китае и на Дальнем Востоке в целом. После разгрома Великого Сибирского Ледяного похода в Харбин устремляются остатки военных подразделений белогвардейцев – калпелевцев и семеновцев. Прибывают члены колчаковского правительства, а также не принявшие Советы деятели дальневосточной науки и культуры. На рубеже 1922–1923 гг. постепенно формируется ядро антисоветски настроенных деятелей из числа военных, бывших чиновников и деятелей культуры, образования.

Но из-за неясности статуса КВЖД, постоянного затягивания переговоров китайской стороной советское правительство до определенного времени не квалифицирует всех русских жителей однозначно понятием «враги».

31 мая 1924 г. советской и китайской стороной был подписан ряд документов, важнейшим из которых было «Соглашение об общих принципах урегулирования вопросов между Союзом Советских Социалистических республик и Китайской республикой» [Аброва, 2005, с. 145]. Демонстрируя стремление сохранить КВЖД,

советское правительство передало управление дорогой в ведение местной администрации. При этом статья VI Соглашения гласила, что «правительства обеих Договаривающихся сторон взаимно ручаются не допускать в пределах своих территорий <...> существования или деятельности каких-либо организаций или групп, задачей которых является борьба при посредничестве насильственных действий против правительств какой-либо из Договаривающихся сторон» [Документы внешней политики СССР, 1963, с. 331–337]. Речь шла о белоэмигрантах.

Русское население по большей части спокойно приняло это соглашение – предприниматели надеялись на оживление торговли после прибытия в Харбин большого числа новых совслужащих. Признание КВЖД Советским Союзом многие расценивали как возможность сохранить хоть какую-то связь с Родиной [Аблова, 2005, с. 153]. Однако русские люди, работающие на КВЖД, были поставлены перед выбором: либо принимать советское гражданство, либо китайское.

Необходимо подчеркнуть, что Харбин в восприятии советской пропаганды сразу же после революции обрел однозначный эпитет «белый». Очевидно, это было вызвано тем, что большевики здесь не смогли воспользоваться всеобщей послереволюционной растерянностью и взять власть в свои руки. А генерал Хорват инициативу перехватил и при поддержке китайских властей, несмотря на собственное «изложение» со стороны Советов, хотя бы на 2 года удержал прежнее управление [Аблова, 1998]. Однако ситуация с его статусом постоянно менялась, правительство Гоминьдана вело на протяжении 12 лет весьма двусмысленную политику с Советским руководством по поводу КВЖД и населения вдоль «линии». Поэтому границы СССР с Северной Маньчжурией были проницаемы вплоть до 1929 г., город был наводнен советскими шпионами и осведомителями, отношение к Харбину и харбинцам было сдержаным – СССР необходимо было поддерживать этот форпост в предстоящей и неизбежной борьбе с иностранным влиянием со стороны западных держав и особенно – с японской экспансией.

С 1925 по 1928 гг. отношение советской власти к Харбину и русским харбинцам постепенно меняется. Существование многотысячной колонии белой эмиграции в Китае становится большой проблемой в советско-китайских отношениях.

Это происходит, в первую очередь, по вине китайских властей, систематически нарушающих условия Соглашения 1924 года. Эмигранты становятся заложниками этой политической борьбы, ведущейся двумя державами и их представителями [Аброва, 2005, с. 163–177]. В 1926 г. в Харбине возникает три враждующих лагеря – советский, китайский и эмигрантский [Там же, с. 164]. Вспыхивают постоянные конфликты между эмигрантами и советскими служащими.

В конце концов, Советской власти необходимо было сформировать определенное представление о Харбине и его обитателях-«белогвардейцах» в глазах жителей центральной части Советского Союза. Тем более, что международная обстановка конца 20-х гг. того требовала, как было показано в предыдущих главах, и «Закон и невозвращенцах» в 1929 г. уже был принят.

В 1929 г., еще до конфликта на КВЖД, в издательстве «Работник просвещения» выходит сборник художественно-этнографических очерков советского писателя, одного из заслуженных мастеров научной фантастики, к тому времени автора уже 11 изданий произведений разных жанров, Якова Марковича Окунева (1882–1932) [Яков Окунев, 2005–2024] – «По Китайско-восточной дороге» [Окунев, 1929]. Книга состоит из 5 частей, отражающих поступательное движение рассказчика-наблюдателя от Владивостока до станции Пограничной [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192]. Характерно, что книга в остальных частях была насыщена интереснейшими этнографическими и натуралистическими зарисовками, а Харбину в ней уделено всего несколько страниц. Это глава «Лицо Харбина» с абсолютно говорящим о содержании подзаголовком-конспектом *«Белый Харбин. Времена минувшие. Правительство на колесах. Молочный генерал. Веселая дорога. Радости бывших людей. Избиение школьников. Налет полиции на профсоюзы. Фудадзянь. Китайская беднота»* [Там же, с. 24].

Харбин Окунева – это исключительно город белых офицеров. Для создания эскизного, но однозначно негативного образа Харбина и харбинских жителей-эмигрантов автор обращается к уже упомянутой в п. 1.1 риторике, однако будучи писателем даровитым, использует самые разнообразные средства. Начинается образ

восприятия Харбина с услышанных звукоподражаний звону колоколов харбинского символа – Свято-Николаевского Собора, иронических характеристик самого Собора [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192]:

«— ДОН-ДОН-ДОН... С колокольни собора, который в Харбине называется кафедральным и Николаевским, сыплется перезвон» [Окунев, 1929, с. 24].

Далее Свято-Николаевский Собор становится образом, в котором выделяется лишь одна, но характерная черта, подчеркивающая анахронистический и одновременно сугубо белогвардейский характер богослужений [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192]: «В Николаевском кафедральном соборе служат молебства “на одоление супостатов” большевиков, за восстановление “державной” Российской империи и панихиды по “убиенному” царю Николаю Романову с его “августейшим” семейством. Служат в пышном облачении – архиерей с клиром духовенства» [Там же, с. 25].

Автор использует весьма действенный публицистический прием речевого диалогизма. Закавыченным самохарактеристикам противостоят уничижительные эпитеты, обнажающие «истинную суть» харбинской эмиграции [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192]: «“истинно-русские” белогвардейцы, улепетнувшие сюда после разгрома банд Семенова в Забайкалье и барона Унгерна в Монголии, чувствуют себя дома в царстве китайского бандита, генерала Чжан-Сюэ-ляна»; «это бывшие люди – когда-то кадровые офицеры, фабриканты, купцы, профессора “императорских” университетов, крупные сановники. Многие являются в орденах – царских и китайских. Многие из них служат в китайской армии и полиции и верной службой – налетами на квартиры советских граждан в Харбине, избиениями их детей, комсомольцев и пионеров, доносами, ревностными обысками у служащих К.-В. жс. д. – сумели заслужить себе китайские чины и ордена» [Там же].

В весьма лаконичной манере Я. Окунев успевает охарактеризовать образ жизни этих «бывших людей», предавших Отечество, «накипи» [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192]: «Так как К.-В. жс. д. находится в совместном управлении с Китаем, то многим белогвардейцам удалось устроиться на железной дороге, глав-

ным образом в охране. Часть белогвардейцев служит в мукденской армии и в китайской тайной полиции, другие промышляют комиссионерством, торговлей, содержат кабачки, тайные опиекурильни, занимаются мелким мошенничеством и нищенством. Вся эта накипь злобствует на советских железнодорожников, всячески пакостит провокациями и доносами, составляет фальшивки, раскрывает вымышленные советские “заговор” в Харбине и нескованно радуется всяким осложнениям между китайской и советской железнодорожной администрацией» [Окунев, 1929, с. 28].

Как известно, для большей убедительности в качестве аргументации всегда необходимы «рассказы из уст очевидцев» – у Окунева это «рассказы» простых рабочих-железнодорожников о недавнем «позорном прошлом Харбина» при генерале Хорвате, а также собственных впечатлениях автора, полученных в «ресторане-кабаке», куда привел его профессиональны «интерес к быту белого Харбина». Эти рассказы выдержаны в духе дореволюционной демократической прозы, доходящей порою до щедринских интонаций [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192]:

«— Ну, и времена были! — рассказывал мне один железнодорожный машинист в Харбине. — Начальство ездило целыми поездами на рыбную ловлю или на охоту на фазанов. Не раз я получал наряды вести такие поезда. Назывались они “поездами особого назначения”. Ведешь паровоз, а сзади три-четыре мягких вагона и вагон для воинской охраны. Веселые это были поезда! В вагонах — гульба, разливанное море, песни, стрельба из окон. Вдруг сигнал с поезда — остановка среди чистого поля. Начальству приглянулось место для охоты. Начальник поезда привязывается проводом полевого телефона к телеграфному проводу и телефонирует по станциям об остановке в пути, приказывая остановить движение поездов впередь до особого распоряжения. Движение останавливается, а начальство рассыпается с ружьями и собаками по тайге на глухарей и на фазанов. А то поставят тоню на озере, ночью на кострах уху варят, хлопают пробки, звенят стаканы. И этак дня два-три. Весело жили! А нам, случалось, по несколько месяцев не платили жалованья. В кассе управления железной дороги не было ни гроша. Нашему брату, рядовому железнодорожнику, приходилось круто, особенно деповским

рабочим: тем совсем не платили» [Там же, с. 26].

Писатель не гнушается, как видно, откровенной ложью – с ног на голову ставя факты реального состояния жизни железнодорожников в «Счастливой Хорватии» [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192].

Создается впечатление, что в городе, кроме «белогвардейского сбюда», никто не живет. Типичный представитель такого «сбюда» – *«грузный военный с красным обвисшим лицом матерого держиморды»* [Окунев, 1929, с. 29]. И Я. Окунев приводит в пример случай (с библейским намеком в оглавлении про «Избиение школьников») [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192]: *«В сырой, промозглый вечер, в кольце полицейских, вели два десятка школьников. Они имели смелость явиться как раз в день налета на школу в пионерских галстуках. Одетые в китайскую полицейскую форму, русские хулиганы ругали их крепкой русской бранью, толкали их кулаками в спины, размахивали над ними резиновыми дубинками. Это происходило на улице, на глазах большои толпы русских и китайцев, возмущенных издевательствами белых разбойников над детьми, но не смевших протестовать»* [Там же, с. 30].

Обострение конфликтной ситуации на КВЖД и стремление китайских властей установить полный контроль за дорогой приводит в 1929 г. к вооруженному столкновению [Аброва, 2005, с. 198–221]. Активное участие, принимаемое военизированными подразделениями белой эмиграции во всех боестолкновениях с советскими войсками, сочувственное отношение «непримиримой» верхушки белоэмигрантского сообщества к постоянным репрессиям против советских граждан со стороны китайских властей формирует однозначно негативный образ эмиграции в глазах советского правительства, простых граждан, живущих на приграничных территориях, читателей центральных советских газет по всему СССР [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192].

В 1930 г. публикуется брошюра некоего Е. Полевого (скорее всего, псевдоним) «По ту сторону китайской границы. Белый Харбин» [Полевой, 1930]. Книгу предваряет Предисловие, в котором автор, очевидно, советский журналист, прекрасно знающий ситуацию и наблюдавший ее в Харбине со времени подписания

Советско-китайского Соглашения 1924 г. и до конфликта 1929 г., сообщает о своем намерении дать «общее представление о той атмосфере, в которой в течение последних пяти лет пришлось жить и работать на КВЖД советской части ее управления, и могут дать ключ если не к полной расшифровке развернувшихся событий, то во всяком случае, к более полному и более верному пониманию породивших их условий, внутренней связи между отдельными их моментами и их общей значимости» [Полевой, 1930, с. 3–4].

Содержание этой небольшой брошюры весьма репрезентативно с точки зрения ее целеполагания [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192]. Теперь «белому Харбину» и его жителям посвящено не 5, а целых 33 страницы. Автор глубоко постиг ситуацию изнутри и точно подмечает самые сущностные черты жизни русского Харбина: его дореволюционное устройство, русский быт, общение на русском языке, русско-китайскую культурную среду с явным налетом американизма – можно сравнить эти заметки с впечатлениями, к примеру, приехавшего в Харбин в 1924 г. Н.В. Устрялова [Устрялов, 1927], написанными, правда, в идиллическом ключе [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192].

При этом Е. Полевой однозначно настроен разоблачить дальневосточное пристанище русской эмиграции, из «белогвардейских элементов» переросшей в «белогвардейские банды» – теперь уже у советской власти не осталось на этот счет ни единого сомнения [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192].

То, что для русских беженцев представлялось как спасение от ужасов революции и Гражданской войны, в оценках Е. Полевого обретает абсолютно противоположный смысл: *«В наши дни Харбин производит чудовищно страшное впечатление. Когда вы попадаете в этот город, вы как-то почти не чувствуете себя за границей. Кругом – русские лица, вы слышите почти исключительно русскую речь, на улицах магазины с русскими вывесками, во всех углах города – православные церкви, даже на углах улиц то тут, то там торчат типичные старые русские “городовые” в несколько обновленной китайзированной форме. Только мелькающие на каждом шагу китайские физиономии и костюмы напоминают вам о том, что вы находитесь на территории суверенного Китая. И тогда начинает*

казаться, что весь этот город *случайно вырвали из какого-то далекого дореволюционного российского захолустья, искусственно пересадили на чужую почву, отрезали границей от территории и от истории породившей его страны, привили ему какие-то нелепые ростки самого банального и пошлого современного американства с его фокстротами, сода-виски и чавкающими за каждым ресторанным столиком бизнесменами, да так и оставили в таком анахроническом состоянии совершенно противоестественного соединения самых разнообразных и плохо сливающихся в единое целое элементов»* [Полевой, 1930, с. 5].

Сам принцип изображения построен на оппозиции «советский/не советский» (то есть свой/чужой) – и выходит, что в Харбине ничего «своего» после конфликта 1929 г. практически совсем и не осталось [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192]: «*в этом русском городе, как будто вынырнувшем из тьмы ушедшей в область истории дореволюционной эпохи, нет ничего подлинно советского, кроме нескольких тысяч русских рабочих, сравнительно небольшой группы советских работников, нескольких филиалов советских торговых и промышленных предприятий и Советского генерального консульства. Все остальное, что по внешнему виду кажется “русским”, – это остатки беженской накипи Дальнего Востока, это та плесень, которая была смыта волной революции с бесконечных пространств старой России и теперь смрадно дожнивает в харбинском тупике»* [Там же, с. 6]. Итак, теперь общие определения для всех несоветских харбинцев, невзирая на их социокультурный облик – это не только «накипь», но уже и «плесень» [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192].

Далее Е. Полевой выдает весьма продуманную типологию харбинских жителей [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192]. Во-первых, эмигрантов «самых разнообразных типов» [Там же]. Самый безобидный, по его мнению, тип – «*панический обыватель, который десять лет назад бежал, не отдавая себе точного отчета в том, почему он это делает, бежал просто потому, что все бежали, и потому, что страшно и странно было оставаться, когда все почему-то бегут. Добежав до Харбина, он опомнился, расслоился и разложился: частью ушел в какие-то мелкие спекуляции, частью оброс местным мохом и приспособился, забыв о*

своей прежней жизни и превратив Харбин в свое новое отчество, из которого ему никуда не хочется ехать, частью потянулся даже назад. Этот обыватель в подавляющем большинстве своем совершенно аполитичен, не держит никакого камня за пазухой, и только страх пережитого, страх перед неизвестным да злобное шипение местной белой прессы заставляет его сплошь и рядом держаться в стороне от всего советского или даже мечтать о политической реставрации» [Там же].

Второй тип беженца-эмигранта, достаточно неоднородный после десятилетнего проживания в Харбине – *«бывшие люди, те, которых революция и Октябрь свалили с каких бы то ни было, хотя бы самых маленьких, высот. В этой категории людей можно встретить и бывших предводителей дворянства и бывших колчаковских министров; профессоров с убеждениями и без таковых; адвокатов, имевших крупную практику; видных когда-то общественных деятелей всевозможных направлений, оставшихся не у дел после победы Октября; занимавших положение царских чиновников и помещиков, выбитых революцией из своих насиженных “дворянских гнезд”, закопавших в таинственных углах своих столетних запущенных садов остатки фамильного серебра и превратившихся в голых людей на голой земле. Эти тоже успели уже приспособиться, разложиться и расслоиться. Часть из них превратилась в мелких дельцов-спекулянтов в самых разнообразных закоулках жизни, другая – просто опустилась на смрадное харбинское дно, третья – сохранила в полной неприкосновенности всю свою прежнюю озлобленность против революции и ненависть к тем, кто вынес ее на своих плечах, и превратилась как бы в идейную головку продолжающей оставаться активной части антисоветской эмиграции. Этот сорт людей неустанно брюзжит, шипит и клевещет, стараясь действовать, чтобы не умереть окончательно политически. Он возглавляет всевозможные белогвардейские организации, издает антисоветские газеты, устраивает антисоветские и фашистские демонстрации, заказывает раза два в год панихиды по Николаю II и недавно еще выражал в многочисленных телеграммах, посыпавшихся обяза-*

тельно “от имени угнетенного русского народа”, свои верноподданнейшие чувства “верховному вождю государства российского” не так давно умершему бывшему великому князю Николаю Николаевичу. Нет той лжи, бессмыслицы и клеветы, которая не подхватывалась бы, не раздувалась бы и даже просто не придумывалась бы этими людьми, если только она хоть как-нибудь может бросить тень на советскую власть» [Полевой, 1930, с. 6–7].

Самый опасный, и как выражается весьма едко публицист, «третий сорт» харбинских эмигрантов – «это те, кто не просто бежал по инерции или сознательно, а активно боролся с советской властью и ее Красной армией на фронте гражданской войны и отступал постепенно на китайскую территорию с оружием в руках. Это главным образом бывшие офицеры всяких формаций, служившие в армиях и отрядах генерала Каппеля и адмирала Колчака, атаманов Дутова, Семенова, Красильникова, Волкова, Калмыкова и барона Унгерна и многих других, которых в победном шествии революции пятая Краснознаменная армия постепенно загнала в маньчжурский тупик и заставила сложить там оружие. В подавляющем большинстве своем это люди, почти со школьной скамьи попавшие на фронт империалистической или гражданской войны и затем в течение долгих лет беспрерывно воевавшие и не знавшие никакого другого дела и никакой другой обстановки кроме старой вонючей походной казармы. В этой казарме они опустились и одичали, утратили человеческий облик, превратились в каких-то профессионалов войны, не умеющих ни ориентироваться, ни существовать в мирной обстановке. Это те кадры, которые может в любой момент завербовать какая угодно военная авантюра; это те люди, которые готовы продать по сходной цене свою застарелую привычку к походу и к сидению в окопах в любые руки, лишь бы вербующий их авантюрист написал на своем знамени хоть какой-нибудь самый затасканный антисоветский или антикоммунистический лозунг, ибо ненависть ко всему советскому и большевистскому впитана их организациями годами, и от этого яда коммунизмонанавистничества они уже нико-

гда не смогут освободиться» [Полевой, 1930, с. 7]. Данный тип эмигрантов – бывших военных – весьма напоминает образы офицеров-эмигрантов рассмотренных выше произведений А.Н. Толстого.

Точно также, как мы уже встречали у А.Н. Толстого, Е. Полевой выделяет в особую группу «потребителей», «постепенно сложившуюся из всех их категорий, составляют те, которые ради куска хлеба, теплого местечка, а иногда и в силу тех или иных политических соображений изменили даже своей затрапанной за годы войны и революции идею “родины”. Это люди, принявшие китайское подданство или устроившиеся на китайскую службу» [Там же, с. 8]. В своей массе все эти группы объединяет то, что они «потеряли себя», составив «разложившееся и одряхлевшее беженство» [Полевой, 1930, с. 10], «одичавшую и опустившуюся эмигрантскую толпу» [Там же, с. 12]. «Как бы ни кричали харбинские белогвардейские газеты, как бы ни злопыхали отдельные апологеты безвременно скончавшейся „белой мечты“, как бы ни раздувалась лягушка харбинского беженства в своем стремлении превратиться в белого коня, на котором можно было бы въехать непосредственно в Москву, для того, чтобы посадить на “российский престол” какого-нибудь коронованного идиота, – видно на каждом шагу, что все “белые мечты” давным-давно похоронены, что у этих **жалких, выброшенных за борт жизни, людей не осталось в душе никаких признаков подлинной надежды и веры в свою правоту и свои силы, а на их месте образовалась роковая, ничем не заполненная пустота**, которую можно иногда залить вином, а иногда начинить всякой требухой пленительного, но никого не утешающего и не дающего никаких надежд, самообмана» [Там же, с. 9–10].

Характерно то, что отличительной негативной чертой дальневосточных эмигрантов становится склонность к «американизации» [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192]: «**Загнанное в беспросветный тупик американализированного харбинского захолустья, утерявшее последние силы и последнюю веру в свое будущее, это беженство не могло обходиться без таких мелких и подлых гнусностей, как без привычного наркоза**, который хоть на несколько дней или часов порождает какие-то иллюзии» [Там же, с. 10].

Для убедительной демонстрации полной деградации эмигрантского сознания автор использует такие уже привычные клише советской прессы в адрес своих идейных врагов, как «тяжелый и душный “белый бред”», «политические проходимцы и шарлатаны», «брехня», «мелкая испана эмигрантских кадров» [Там же, с. 12–13].

Уничтожительные характеристики харбинской эмигрантской общины подкрепляются точкой зрения «стороннего» наблюдателя в лице китайской администрации [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192]: «*они презирают этих предателей всем тем неисчерпаемым презрением, на какое способен уважающий себя человек по отношению к пресмыкающейся и подлой гадине, они третируют их, как смрадные человеческие отбросы, которыми при случае можно удобрить поле новой государственности, но нормальное место которых все-таки в выгребной яме.*

Покупая их за жалкие серебряники, китайский чиновник смотрит на эту эмиграцию, как на людей, способных на любую гнусность, которых можно конечно использовать до поры, до времени, пока они нужны, но которых затем можно просто и без разговоров выбросить одним пинком, как ненужную ветошь» [Полевой, 1930, с. 23].

Очевидно, что сам автор брошюры в свое время вел весьма активный образ жизни в Харбине – городе с насыщенной культурной и общественной атмосферой. Но, выполняя конкретное идеологическое задание, Е. Полевой в духе настроений, царящих в Советской России в ту пору, однозначно дезавуирует все привлекательные, в том числе и для советских служащих, и для приезжающих советских чиновников с их семьями «прелести» харбинской жизни. Харбин – это средоточие «*обывательщины*», город потребителей [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192]: «*Харбин – это город, лишенный каких бы то ни было признаков подлинно культурной жизни. Родники культуры никогда не были и не бывают в этом вязком деловом обывательском болоте. Американское кино, пошленький театр миниатюр, в котором можно сидеть в пальто и галошах, бары и дансинги, благотворительные балы с тошнотворно-трафаретными дамами-патронессами иочные кабаки, начиная от претендующих на звание художественных кабаре и кончая просто*

публичными домами, – это все, на что способен в области “культуры” этот межеумочный город. И потому обыватель – его подлинное лицо» [Там же, с. 24].

Все нуворищеское благополучие и «мнимая культурность» – суть внешние проявления харбинского обывателя [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192]: *«Когда вы встречаете коренного харбинца, вас сразу поражает в нем одна характерная черта. Это всегда внешне культурный, хорошо, иногда даже с некотором шиком одетый человек, умеющий держаться в обществе и поддерживать соответствующий салонный разговор, и в то же время после нескольких минут такого разговора у вас создается совершенно определенное впечатление о том, что из черепной коробки этого приятного человека как будто вытравлены какие бы то ни было общественные инстинкты и какой бы то ни было интерес к судьбам и культурным запросам человечества. Для него существует и его занимает только то, что так или иначе сегодня или завтра может задеть его собственное обывательское благополучие или нарушить мирное течение его бытия»* [Полевой, 1930, с. 24].

Но автор не останавливается и в прежнем духе нисходящей градации определяет «исторические, географические» группы харбинских обывателей:

«обывателя доисторического, или нафталинного;
обывателя типичного, или нормального;
обывателя активного, или спекулирующего,
обывателя американизированного, фокстротирующего» [Там же, с. 24–25].

Если в 1923–24 гг. эти группы населения были предметом заботы советской дипломатии как российские граждане, то к 1930 г. надежды на них не осталось никакой. В памфлетно-карикатурно манере Е. Полевой подробно характеризует эти типы. Так, «обыватель доисторический» в его трактовке – это русские построечники, та на самом деле достойнейшая дореволюционная часть российской интеллигенции, что взяла на себя роль окультуривания Харбина. Им достается от публициста не столь сильно. Однако образы «немногочисленных остатков тех железнодорожных пионеров, которые появились в полосе отчуждения КВЖД отчасти еще в начале ее постройки, отчасти в первые годы ее эксплуатации, т. е. осели в

Харбине минимум 25–30 лет назад», создаются при помощи едких саркастических эпитетов [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192]: они успели «настолько *обрастись своеобразным мохом* далекого провинциального захолустья и отстать от жизни, что уже лет 15 назад превратились в *какие-то засушенные мумии* не от мира сего» [Там же, с. 25].

«Количественно их осталось уже очень немного. Они живут замкнуто, в своих углах, и когда они выходят из них на улицы Нового города, остающегося их основной резиденцией, начинает казаться, что это не люди, а какие-то *призраки далекого прошлого* вышли потолкаться в новой и чуждой им людской толпе, что всех их только что вытащили из каких-то старых, пересыпанных нафталином, сундуков, чтобы слегка проветрить и затем снова уложить на долгие годы. Среди них вы можете увидеть *высохших, желтых дам, одетых по последней моде конца прошлого века, и благообразных старииков в долгополых старомодных сюртуках*. Они ходят одинаково, гордо и беззвучно, держатся особняком, и в современной окружающем мире их ничто не интересует» [Полевой, 1930, с. 26]. Детали – самые меткие способы создать образ восприятия этих «анахронистических» персонажей: их мир – «кисейные занавески», «герани на окне» и «нафталин» [Там же, с. 25–26].

Самый распространенный тип – «*типичный, или нормальный, обыватель Харбина – это прежний ограниченный, косный мещанин до мозга костей, усердно посещающий кино, любящий вкусно закусить и поспать после обеда, поиграть в неизменный преферанс, иногда закатиться в кабачок и заботящийся главным образом о том, чтобы его как-нибудь не извлекли из его нудного мещанского болота*

Последние два типа – «*обыватель активный, или спекулирующий*» и «*обыватель американизированный, или фокстротирующий*» – в устах советского публициста обретают наиболее едкие характеристики. Это те типы обывателей, которые благодаря условиям возникновения Харбина и его «порубежному» существованию имеют возможность развивать бизнес и проявлять чудеса предпринимательской жилки [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192]: «*Нездоровая атмосфера беженства,*

постоянное пребывание на случайном притыке, до которого докатывает волна событий, полное отсутствие веры в завтрашний день – создали из этого обычного человека, который вечно двигается, что-то придумывает, хватается абсолютно за все – сегодня моет тарелки в ресторане или управляет автомобилем, завтра спекулирует на бобах, послезавтра продает нефтяные промыслы “на Кавказе”, а затем открывает магазин на Китайской улице, чтобы через полгода с треском вылететь в трубу и начать свою блестящую карьеру с самого начала» [Там же].

Весьма характерно это тотальное «антиамериканское» настроение, пронизывающее советские произведения 20–40-х гг., посвященные эмиграции и эмигрантам [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192]. Мы отмечали американализм как отрицательную характеристику в произведениях А. Толстого и М. Булгакова. Это при том, что с середины 20-х гг. Советский Союз, готовившийся к индустриальному рывку, активнейшим образом задействовал американский опыт подъема промышленного производства. Однако уже к 1930 г. официальная советская пропаганда признает все опасности, которые может нести за собой следование «американскому образу жизни» [Супоницкая, 2013, с. 46–59]. И в «американизме» выделяются все те негативные черты, что могут вызвать неприятие в русском этническом сознании. «Предприимчивость» обретает статус «делячества», «индивидуализм» превращается в «цинизм» и т.д. И вслед за советскими официальными суждениями Е. Полевой выявляет самые страшные последствия жизни эмигрантов в Харбине – их американизацию [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192].

«Этот сорт харбинского обычного человека из кожи лезет вон для того, чтобы отвыкнуть от своих прежних российских манер и старого русского “безкультурья” и изобразить из себя вполне американализированного аристократа. Правда, в подавляющем большинстве случаев он даже не видел никогда в жизни ни одного подходящего образца. В Харбине не водится представителей большого американского света. На Дальний Восток, как и во всякую отдаленную колонию, Америка выкидывает главным образом свои общественные отбросы, и подавляющее большинство появляющихся на харбинском горизонте американцев имеет в

своем формуляре в лучшем случае несколько сомнительных авантюр, а часто просто даже уголовную тюрьму или подобного рода заслуги. Но в среде фокстротирующего харбинского обывателя – они почетные гости, образцы общественного поведения, законодатели мод. “Вышедший в люди” активный харбинский обыватель начинает очень быстро подражать им во всем и конечно прежде всего их чисто внешней манере проводить время» [Полевой, 1930, с. 26].

Е. Полевой создает очень меткие зарисовки «харбинского болота»: это жизнь пристанских дельцов и повальное увлечение города фокстротом. Чтобы показать «вымороченность» жизни делового Харбина, он намеренно подчеркивает пустоту времяпровождения тех, кто занимается бизнесом. А самым простым объяснением их благополучия становится – фигура умолчания [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192]: «Чем живут эти люди? Что они делают? Откуда берут деньги на свои всегда чистенькие, модные, хорошо сшитые костюмы? Трудно сказать. Об этом не принято спрашивать, – неловко. Не всегда можно ответить на такой вопрос. Для большинства харбинцев достаточно того, что все эти люди прилично одеты, умеют себя держать в обществе, ничем из него не выделяются и аккуратно выполняют весь ритуал общепринятого общественного поведения. Тем, что происходит в их черепной коробке, никто не интересуется» [Полевой, 1930, с. 25–27].

Фокстрот – на самом деле насущная проблема и для интеллигентной части дальневосточных эмигрантов (об этом читаем и на страницах «Рубежа», и в лирике Л. Ещина, А. Несмелова) – представляется как «повальная болезнь, это предсмертная судорога буржуазного мира», предсмертные судороги «живых мертвцев» – жителей Харбина [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192]: «В 1923 г. было устроено несколько специальных фокстротных конкурсов. На одном из них первый приз получила дама, беспрерывно протанцевавшая 24 часа. В ноябре 1924 г. в ресторане “Модерн” во время фокстрота, как на боевом посту, скоропостижно умер присяжный поверенный Р. Другого очень крупного харбинского адвоката Г., человека лет под 60, вы и сейчас еще можете почти ежедневно видеть в различных местах, в поте лица своего самоотверженно крутящего свою даму в **деловом фокстротном экстазе**» [Там же, с. 30].

В целом весь Харбин Е. Полевого – это «город *фокстротирующих мертвцов и разложившейся плесени российского беженства*», город «*внутренней мертвчины харбинского обывателя*», «*увязший в своем мещанском болоте обывательский Харбин*» [Там же, с. 30–31]. И довершает этот образ (дурно пахнущий, страшно выглядящий, насквозь карикатурный) – противопоставление его уже не советскому – а китайскому образу жизни в районе Фудзядян (той части города, что всегда пугала русских харбинцев своими злачными местами) [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192]: «*Фудзядян в массе своей уже научился ненавидеть и презирать ее харбинские проявления и ее харбинских лжепророков, явившихся когда-то в Китай в роли его поработителей, и эксплоататоров*» [Там же, с. 39].

Итак, образ дальневосточной эмиграции и эмигрантов возникает в советской литературе весьма поздно – к концу 20-х гг., когда принимаются конкретные решения по поводу «невозвращенцев» и становится очевидна неудача СССР сделать КВЖД советской. Под пером советских писателей и журналистов этот образ сконцентрировался целиком на «белом Харбине» и харбинцах-белоэмигрантах. В нем абсолютно нивелированы этнические характеристики, на периферии пространственные смыслы, на первый план вынесены политическая и социальная оппозиции «СССР/маньчжурский тупик», «советское/несоветское», «белые офицеры, обыватели / (советские и китайские) рабочие» [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192].

Точка зрения в этих изданиях складывается за счет контаминации реалий благополучной харбинской жизни (социальных и бытовых) и их гротескной интерпретации, создания намеренно «перевернутого с ног на голову» образа мира и населяющих его людей. Основными приемами в такой перспективе становятся характеристики по типу нисходящей градации, использование мотива омертвения, погружения в болото, инобытия [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192].

3.2 Художественные образы самовосприятия эмиграции и эмигрантов в литературе дальневосточного зарубежья 1920–40-х гг.

К тому времени, когда советская литература обратилась к образу дальневосточной эмиграции и эмигрантов, в русском Харбине и русском Шанхае уже сложился литературный быт, и вопросы самопознания, художественной рефлексии своей эмигрантской экзистенции и эмигрантской онтологии стали одними из насущных в литературной жизни дальневосточных беженцев [Забияко, Эфендиева, 2008].

Несмотря на то, что проза дальневосточного зарубежья в совокупности своего родо-жанрового многообразия (рассказов, повестей, фельетонов) предоставляет богатый материал для исследования проблемы образного воплощения самовосприятия эмигрантов, мы намеренно ограничим рамки своего исследования лирикой. Во-первых, исходя из того, что именно лирика русского Китая определяет развитие литературного процесса в дальневосточном зарубежье (В. Крейд, А.А. Забияко) [Словарь поэтов русского зарубежья, 1999; Литературное зарубежье России... 2006; Забияко, 2007а, с. 7]. Во-вторых, краткая форма стихотворения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман) в сгущенной и зачастую афористической форме позволяет максимально емко выразить концептуальные установки его автора.

В лирике образ самовосприятия лирического субъекта – это, в первую очередь, образ его самопрезентации: каким типом субъектности он представлен в одном тексте или совокупности текстов [Бройтман, 2008, с. 112–113], насколько его лирический субъект индивидуализирован; каковы его самохарактеристики, в каких темах и мотивах воплощается лирическое высказывание и выстраивается, соответственно, лирический сюжет [Гаспаров, 1997, с. 9–20].

Поэтому в общем смысле вся эмигрантская лирика может быть условно понята как образ самовосприятия – если мы подразумеваем высказывание лирического субъекта как форму выражения авторского «я» [Корман, 1992, с. 109–115].

Но если же мы говорим об образе самовосприятия *поэта-эмигранта*, то должны учитывать определенные параметры *идейно-образной* структуры стихотворения, содержащие пространственные, социальные, политические и этнические смыслы, определяющие понятие «эмигрант» в русской лингвокультуре. Исходя из концепции М.Л. Гаспарова, *тема стихотворения* – это парадигматическое целое составляющих текст именных частей речи, а *мотивы* – парадигматическое единство глаголов и глагольных слов [Гаспаров, 1995, с. 142]. Потому считаем необходимым намеренно сузить рамки исследования именно теми стихотворениями, в которых тема – образ самовосприятия эмигранта: лирический субъект определяет себя как эмигрант (либо употребляет для этого коннотативные значения понятия – *беженец, изгнаник, странник, путник* и т.п.); размышляет о своей эмигрантской участи и соотносит свою судьбу с судьбой своего поколения таких же, как он, эмигрантов, выражая это словами-операторами на мотивном уровне – глаголами и глагольными конструкциями, определяющими действия, состояния и побуждения лирического субъекта-эмигранта.

Несмотря на то, что в семантическом ядре концепта «эмигрант» в русской лингвокультуре исторически преобладает политический и социальный компоненты [Даль, 1882, с. 685; Ожегов, 1989, с. 1570], в лирической концептуализации представлений дальневосточных эмигрантов о себе и об эмиграции в целом преобладают пространственные, социальные и этнокультурные смыслы, которые находятся в синкетическом единстве. Потому в данной работе мы, в первую очередь, обращаем внимание на тексты, где идейно-образный уровень «эмигрант» как образ самовосприятия (и коннотации образа самовосприятия) мотивно реализуется в оппозициях «свое/чужое»: «отчизна/чужбина» – «эмиграция/метрополия», «Россия/Китай», «прошлое/настоящее» [Liu, Zabiyako, Feng et al, 2021, p. 1175].

Весьма важно при исследовании специфики воплощения лирических образов самовосприятия дальневосточными поэтами-эмигрантами учитывать корреляции внутри пространственной и социокультурной парадигмы развития литературы

дальневосточного беженства: к какому (старшему или младшему) поколению относится тот или иной поэт, откуда он прибыл в Китай, где в основном развивалось его творчество – в Харбине или Шанхае.

В целом нами были проанализирована самая на сегодняшний репрезентативная подборка лирических текстов, составляющих антологию «Русская поэзия Китая» [Русская поэзия Китая...2001], куда вошли более 500 стихотворений 52 авторов. 16 из этого количества – поэты старшей генерации, соответственно, 36 – молодежь. Из собранных в антологии текстов, по нашим наблюдениям, воплощению образа самовосприятия посвящены 81 текст 25 поэтов. Статистический анализ в данном случае дает нам ценное наблюдение: более половины поэтов-изгнанников практически не обращались к рефлексии своей эмигрантской участи. Из поэтов старшего поколения на данную тему писали всего 8, соответственно – 17 авторов принадлежит к младшей генерации. При этом поэтами старшего поколения написано 44 текста, 37 – молодыми поэтами.

Из этого следует, что для отдельной группы старшего поколения раздумья о своей эмигрантской участи являются если не главной, то ведущей темой, а молодежь обращается к ней довольно редко.

Такая статистика, на наш взгляд, не случайна. Безусловно, антологию составляли конкретные люди с определенными установками, но не все можно объяснить субъективной подборкой текстов. На наш взгляд, составителям было важно, в первую очередь, отобрать для книги лучшие тексты и представить как можно больше авторов. Для более убедительной аргументации мы будем обращаться и к другим собраниям лирических стихотворений, и к уже осуществленным исследованиям лирики дальневосточных эмигрантов, охватывающих более широкий контекст художественного наследия [Агеносов, 1998; Забияко, 2007а; Россия и Китай на дальневосточных рубежах... 2000–2005].

Художественные образы самовосприятия в лирике старшего поколения русских эмигрантов: тематико-образный и мотивный аспекты

Старшее поколение русских лириков в Китае состояло в основном из людей, имевших за плечами опыт Первой мировой войны (Н. Алл, А. Несмелов, М. Щербаков), если не участвовавших в белом движении, то пострадавших от Гражданской войны (Т. Баженова, А. Ачаир, Л. Ещин, А. Несмелов, М. Колосова) [Забияко, 2008, с. 40–41].

В 1937 г. Арсений Несмелов напишет: «Российская эмиграция за два десятилетия своего бытия – прошла через много психологических этапов, психологических типов. Но из всех этих типов – один неизменен: *тип добровольца, поднявшего оружие против большевиков в 1918 году*. Великой бодростью, самоотвержением и верою были заряжены эти люди! С песней шли они в бой, с песней били красных, с песней и погибали сами» [Несмелов, 1937] (курсив мой. – *Лю Ши*).

Многие из этих «детей восемнадцатого года» закончили либо какое-то время проучились в высших учебных заведениях в столичных широтах; кто-то имел до революции опыт журналистской и литературной работы (А. Несмелов, Л. Ещин, Вс.Н. Иванов, Е. Яшнов); входил в литературные салоны Санкт-Петербурга (А. Паркау, Е. Яшнов) [Русская поэзия Китая...2001, с. 703]. Каждый из них оказался в Китае своим путем: Алексей Ачаир перебирался вместе с отцом, казачьим полковником, через корейскую границу; Марианна Колосова – через Джунгарию; Арсений Несмелов едва унес ноги из Владивостока перед приходом туда красных и шел тигриными тропами через Уссурийскую тайгу и т.д. [Бузуев, 2001, с. 293–323; Забияко, Эфендиева, 2008, с. 95; Русский Харбин...2015, с. 199; Liu, Zabiyako, Feng et al, 2021, p. 1175].

В настоящем параграфе речь пойдет о лирике восьми поэтов – Николая Алла, Алексея Ачаира, Арсения Несмолова, Марианны Колосовой, Таисии Баженовой и Евгения Яшнова – именно столько представителей «старшей лиры» русского Китая, судя по антологии В. Крейда, оставили в своем творчестве результаты поэтических размышлений о себе как эмигрантах.

Почти все они после трагического окончания Ледяного похода и краха «белой идеи» первоначально собрались в Харбине [Аблова, 2005; Кротова, 2015]. Помимо социокультурной общности (возрастной, образовательной, политической –

однозначно отрицательного отношения к Октябрьскому перевороту и исповедования «белой идеи»), этих авторов мало что объединяло. Литературной среды в начале 20-х гг. в Харбине еще не сложилось, каждый являл собой яркую личность со сложным предэмигрантским опытом, имел свое понимание исторической и правовой ситуации.

Безусловно, были точки схождения. Между отдельными поэтами до приезда в Харбин сложились дружеские отношения – в Омске пересекались пути А. Несмолова, А. Ачайра, Т. Баженовой [Якимова, 2009, с. 8–18]. Еще во Владивостоке во время работы в городских и оккупационных изданиях душевно сблизились Арсений Несмолов и Леонид Ещин [Лобычев, 2003, с. 367–374; Витковский, 2005, с. 66; Витковский, 2006, с. 10]. Алексея Ачайра и Марианну Колосову объединило общее сибирское прошлое уже в Харбине [Русский Харбин, 2015, с. 40]; Александра Паркау вдохновила Ачайра на создание литературно-художественного объединения [Эфендиева, 2008, с. 138]; Евгений Яшнов после образования «Чураевки» под руководством А. Ачайра стал постоянным ее членом. Но больше среди них было разногласий, чем единства [Русский Харбин, 2015, с. 141–336].

В общем, упрекнуть старших харбинских лириков в заимствованиях друг у друга или подражании мы не имеем оснований. Тем интереснее проанализировать типологию их самовосприятия как эмигрантов в художественных образах и соотнесения этого идеально-образного комплекса с индивидуальными лирическими коннотациями.

Очевидно, что вынужденное самоопределение своей юрисдикции в качестве эмигрантов после принятия Декрета 1921 г. Советским правительством стало для старшего поколения новоиспеченных харбинцев тяжелым выбором [Ленин, 1944, с. 743–744]. Нужно было либо определять себя эмигрантом, либо – просить советский паспорт или принимать китайское подданство. И, как ни странно, первыми на эти драматические обстоятельства отреагировали поэты.

Уже в 1923 г. в харбинской печати выходит сборник стихов Николая Алла с характерным названием – «Ектенъя. Стихи о России» [Алл, 1923].

Николай Алл (наст. Дворжецкий) был кадровым офицером, прекрасно образованным – с двумя военными училищами, участвовал в Первой Мировой и Гражданской войне. В Харбине он оказался в 1920 г. – сразу после окончания Ледяного похода.

«Екстенъя» в православном богослужении – молитвенное прошение, одна из главных составных частей службы [Екстения, 2010]. Религиозная тематика сборника в контексте его художественного целого реализуется в том числе, и в раздумьях об эмигрантской участи.

Сборник начинался следующим лирическим самопризнанием:

Я выпил стакан эмигрантской отравы,
Я высушил сердце в ненужных боях.

«Я выпил стакан эмигрантской отравы...», 1923 г.

[Русская поэзия Китая...2001, с. 42].

Длинные строки четырехстопного амфибрахия придают стихотворению характер величественного раздумья, одновременно сближая высказывание с торжественным речеизъявлением в прозе. И это не случайно – распевный характер стихов должен был настроить читателя на высокий молитвенный лад заупокойной екстени по самому себе и своему прошлому. В данном стихотворении весьма четко, хотя и в метафорической форме, обозначено отношение лирического субъекта к своему жребию: это «эмигрантская *отрава*», то есть – смертельный яд самоопределения в изгнания. Стакан этой «отравы» также решительно, как стакан спирта, выпивает бывший боевой офицер.

Параллелизм первых двух строк можно понимать двояко: как инверсию причинно-следственных связей («выпил стакан эмигрантской отравы» – потому что «высушил сердце в ненужных боях») либо как некую констатацию полной атрофии чувств лирического субъекта. «Выпил отравы», но ничего не почувствовал – оттого что «высушил сердце». В любом случае, возникает образ человека, который после всего с ним совершившегося – просто живой мертвец. Что ждет его после выпитой *отравы*? Только небытие и забвение. Жизнь осталась «там» – на Родине:

А там все другое — и птицы, и люди, и травы,

Там, в наших родных и далеких краях.

Ясно определена оппозиция «отчизна/чужбина», «свое/чужое»:

*А здесь, на чужбине, все скучны и странны:
Я им непонятен, они мне чужды...*

При этом лирический герой Алла еще не теряет веры в то, скоро утихнет братоубийственная вражда между русскими людьми, посеянная революцией:

*Я знаю, что скоро затянутся раны
Слепой, безрассудной и тяжкой вражды.*

В том же сборнике лирический герой Н. Алла уточнит свое самоощущение изгнанника:

Что я могу еще сказать –
оторванный, забытый...
Туман невзгод в моих глазах –
они еще открыты.
Кто шепчет мне о прошлых днях
среди бессонной ночи,
Ах, кто преследует меня,
кто нож о сердце точит!..

«Что я могу еще сказать...», 1923 г.

[Русская поэзия Китая...2001, с. 42–43].

Лирическое самовосприятие героя-эмигранта, в первую очередь, выразило чередование 4Ям с 3Яж. Этот ритм создает эффект эмоционального «качания на волнах» (восклицания и безнадежного взмаха рукой), подчеркивает фрустрацию лирического субъекта.

Причастие «оторванный» в своей семантической основе обозначает «отделенный рывком (от чего-то целого)», «отстраненный от чего-то», «разлученный с кем-то, чем-то» [Ожегов, 1984, с. 409]; прилагательное «забытый» восходит к устаревшей основе «преданный забвению», «память о ком похоронили» [Там же, с. 107]. Ассоциативно синонимическая цепочка эпитетов-самохарактеристик создает лирический образ человека, силой оторванного (от родных мест, семьи, Родины как целого), забытого (родными, семьей, любимым человеком). Он находится

при последнем издыхании – «туман невзгод в моих глазах – / Они еще открыты». Шепчущий, преследующий по ночам фантом – его память, его ностальгия.

Стихотворения Н. Алла можно назвать своеобразной матрицей (инвариантом) последующего развития поэтами старшего поколения темы самовосприятия эмиграции в ее концептуальной соотнесенности с ключевыми идеями, выражавшими отношение к историческим реалиям, заложниками которых становятся русские изгнанники [Лю, Забияко, 2024, с. 71–86].

Даже много лет спустя многие из бывших белопоходников не оставляют надежды на реставрацию прошлого, мечтают о возвращении на родину:

Ты спросил: «А в Россию когда?»
Я ушедшие дни не считаю,
Потому что еще молода.

Моя молодость пламенно верит:
Близок день тот счастливый и год.
Когда Бог за тоску и потери
Нам на Родине елку зажжет!

«Елка на чужбине», 1930 г.

[Колосова, 1930; Русская поэзия Китая...2001, с. 242–243].

Потому образ родных мест в сознании эмигрантов старшего поколения будет создаваться в застывших формах – с «усадьбами» и привычным «до-беженским» бытом:

И где-нибудь дома,
под самой Москвою в усадьбе –
под крышею дома
две ласточки кличут подруг.

«Эмигрантка», 1938 г.

[Ачаир, 1938; Русская поэзия Китая...2001, с. 78–79].

Подобные визуально-эмоциональные аберрации, когда чужие маньчжурские реалии принимаются на какое-то время за «свои», становятся основой лирического параллелизма по принципу «то и не то» (Ю.М. Лотман) – *Сунгари/другая река – Нева; другие острова*:

Ночь мечтой и загадкой манит...
Это Сунгари или нет?

Не другая ль река в тумане
Нам струит серебристый свет?

*Не другие ль в сплошном сиянье
Всплыли зеленью острова?
Не тревожьте воспоминанья...
Не услышит наш зов Нева...*

«Воспоминание», 1937 г.

[Паркау, 1937; Русская поэзия Китая...2001, с. 365–366].

Даже в строках самого ироничного из всех А. Несмелова сквозит эта утопическая иллюзия:

И кажется, опять былое с нами.
Где это мы в вечерний этот час?
Быть может, вновь на Иртыше, на Каме,
Опять на милой Родине сейчас?

«В закатный час», 1939 г.

[Несмелов, 1939; Русская поэзия Китая...2001, с. 340].

Изначально образная парадигма, создающая единое семантическое пространство стихотворений о рецепции состояния эмиграции и себя в качестве эмигрантов, восходит к семантическому ядру «лишившийся родного дома /изгнанный из родного дома / лишённый Родины»: *беженец, бездомный, бродяга, странник, скиталец, изгнаник/ изгнанница, путник, калика переходящий* и др.

Концептуально значимым для героя Л. Ещина становится пространственная аморфность, осознание своей «бездомности», эмигрант – *лишенный родного дома* человек:

За эту муку – верую, Спаситель,
За каждый шаг *бездомного* меня –
Ведь верно?.. будет мне?.. потом?.. тогда?.. – обитель,
Где Радость шествует, литаврами звеня.

«Маята (эскиз поэмы)», 1929 г.

[Ещин, 1929; Русская поэзия Китая...2001, с. 185–186].

Для Марианны Колосовой утрата Родины – самая страшная потеря, после которой бояться уже нечего:

Но и улыбаемся мы строго,

И в улыбках мудрость и печаль.
Мы с тобою потеряли много,
Головы остались... их не жаль!

И войны бояться мы не будем,
Хуже нам не может быть теперь.
Родину утратившие люди
Не страшатся горестных потерь.

«Нечего терять», 1932 г.

[Колосова, 1932; Русская поэзия Китая...2001, с. 235–236].

«Скитальцев горестных не кончена дорога» [Паркау, 1937; Русская поэзия Китая... 2001, с. 370], – определит экзистенцию дальневосточной эмиграции героя А. Паркау, переехавшей в Шанхай.

Символический образ бездомного *бродяги* – эмигранта, бредущего бесцельно в ночи – последовательно создает Арсений Несмелов:

Любая встреча – робость и обман.
Прохожий руку опустил в карман,
Отходит дальше, сгорблен и смущен, –
Меня, *бродяги*, испугался он.
Взглянул угрюмо, отвернулся – и
Расходимся, как в море корабли.
Не бойся, глупый, не грабитель я,
Быть может, сам давно ограблен я,
Я пуст, как это темное шоссе,
Как полночь бездыханная, – как все!
<...>
Немало нас, *плетущихся во тьму*,
Но, впрочем, лирика тут ни к чему...

«В полночь», 1945 г.

[Несмелов, 1945; Русская поэзия Китая... 2001, с. 342–343].

При этом характерно, что лирические герои-эмигранты старшего поколения осознают свое отличие от таких же, как они, изгнанников – но в других уголках земного шара:

И я, *изгнаница*, как вы,
Пишу письмо вам из Китая,
Но здесь слышнее звон Москвы,
Виднее зорька золотая.

«Письмо в Америку», 1928 г.

[Колосова, 1928; Русская поэзия Китая... 2001, с. 237–238].

«О судьбе изгнанников печальной» горюет герой А. Несмелова, задумывающийся о том, сохранится ли память о «нашой эмиграции в Китае» в сознании потомков:

Иногда я думаю о том,
На сто лет вперед перелетая,
Как, раскрыв многоречивый том
«Наша эмиграция в Китае», –
О судьбе изгнанников печальной
Юноша задумается дальний.

«Потомку», 1942 г.

[Несмелов, 1942; Русская поэзия Китая... 2001, с. 335–337].

Часть стихотворений данной тематической группы, написанных от лица лирического «я», развиваются сюжетно в диалогах субъекта с неким «ты» – русской женщиной-эмигранткой, подругой по несчастью, «ночным спутником» – то есть с самим собой (А. Несмелов «Ночью»):

Не жених ли твой под Харьковом погиб?
На носилках там не твой ли без ноги?

Сероглазая моя, ведь это твой
Комиссарами расстрелян под Москвой?

«Наши матери влюблялись при луне...», 1930 г.

[Колосова, 1930; Русская поэзия Китая... 2001, с. 231–232].

Не грусти, что по воле Господней
Ты один на чужой стороне.

«Елка на чужбине», 1930 г.

[Колосова, 1930; Русская поэзия Китая... 2001, с. 242–243].

Форма задушевного разговора (мнимого диалога) придает стихотворениям большую проникновенность, ведь речь идет о сестрах и братьях «в эмиграции»:

Через бездонный океан
Из сердца нити протяну я,
И вам в сияньи чуждых стран
Напомню я страну родную.

«Письмо в Америку», 1928 г.

[Колосова, 1928; Русская поэзия Китая...2001, с. 237–238].

Целостный обзор всего доступного наследия «старших» харбинских лириков [Ещин, 2005; Несмелов, 2006; Колосова, 2011] позволяет сделать вывод о том, что наиболее частым обращением к рефлексии себя как эмигранта характеризуется творчество Л. Ещина, А. Ачаира, М. Колосовой, А. Несмелова. Каждый из этих поэтов избрал для своего лирического героя-эмигранта определенную роль, соответствующую типу психики, религиозной установке, жизненным принципам автобиографического автора.

Раньше всех ушедший из жизни Л. Ещин (1931) воспринимает свою эмигрантскую судьбу как «крест», который он должен нести, расплачиваясь за чьи-то страшные грехи. Возможно, это грехи тех, чьи идеи он когда-то горячо принял сердцем, возможно – это грехи своего прошлого, грехи его однополчан в годы Гражданской войны, ведь лирический герой Ещина времени Ледового похода («Стихи таежного похода» [Ещин, 1921]) и уже эмигрантского периода – это два разных типа сознания. Очевидно, что герой периода «таежного похода» – умер, а харбинский герой Ещина – это его переродившаяся ипостась:

Если унынье, сознанье никчемности...
Если упадок, страданье и – гнев –
Гнев на убивших и детство, и молодость,
Что спалены, расцвести не успев, –
Если все это так, – Боже, за что же мне
Вновь одному, одному, словно перст,
Вновь в путь обратный шагать – уничтоженным,
Снова и снова таща этот крест...

«Маята (фрагмент поэмы)», 1929 г.

[Ещин, 1929; Русская поэзия Китая... 2001, с. 184–185].

Разные лики его лирического героя харбинского периода – суть проявления одного персонажа – *юродивого*, «калики перехожего», бездомного бродяги, в чем он сам и признается [Забияко, 2009, с. 51]:

А я вот, Господи...
Я сызмала без крова,
Я с малолетства струпьями покрыт,

И понаслышке лишь, с чужого только слова
 Узнал про тех, кто ежедневно сыт.
 Брести в слезах, без сил, асфальтом тротуара,
 Молясь, и проклиная, и крича,
 И вспоминая боль последнего удара
 Карающего (а за что?) меча, –
 За эту муку – верую, Спаситель,
 За каждый шаг *бездомного меня* –
 Ведь верно?.. будет мне?.. потом?.. тогда?.. – обитель,
 Где Радость шествует, литаврами звеня.

«Маята (эскиз поэмы)», 1929 г.

[Ещин, 1929; Русская поэзия Китая... 2001, с. 185–186].

Какими словами скажу,
 Какой строкою поведаю,
 Что от стужи опять дрожу
 И опять семь дней не обедаю.

Матерь Божья! Мне тридцать два...
 Двадцать лет *перехожим каликою*

Я живу лишь едва-едва,
 Не живу, а жизнь свою мыкаю.

«Беженец», 1930 г.

[Ещин, 1930; Русская поэзия Китая... 2001, с. 188].

Марианна Колосова последовательно реализует в лирическом сюжете, формирующем ее сборники, образ воинствующей и отчаянно кликушествующей героини-эмигрантки [Забияко, 2016, с. 215]:

Ее лирическая героиня не может примириться с эмигрантской участью:

«Неба край закат чуть-чуть озолотил...
 Неужели нет на Родину пути?
 Я на рельсы прямо грудью упаду,
 И шепну им: “Хоть по шпалам, но дойду!”»

«Неужели?», 1929 г.

[Колосова, 2011, с. 158].

В силу особой психоэмоциональной организации и этнорелигиозной установки слово «эмиграция» («эмигрантская судьба») в художественной картине мира поэтессы синонимично «борьбе»:

«Есть такое слово грозное “Борьба!”
В этом слове *эмигрантская судьба*»

«Неужели?», 1929 г.

[Там же].

Роль эмигранта-духовного наставника молодежи выбирает для себя Алексей Ачаир – и в жизненной, и в поэтической практике.

Особенный, брутальный образ самовосприятия наблюдаем в «мужественной лирике» [Агеносов, 1998, с. 266–279] Арсения Несмелова. Этот образ амбивалентен и обладает хтоническими коннотациями. С одной стороны, от лица лирического героя говорит расставшийся с любимой женщиной-Родиной мужчина:

Пусть дней немало вместе пройдено,
Но вот – *не нужен я и чужд*,
Ведь вы же женщина – о, Родина! –

«Переходя границу», 1931 г.

[Несмелов, 1931, с. 31; Русская поэзия Китая... 2001, с. 319–320].

С другой стороны – это брошенный своей матерью-волчицей детеныш:

Мы бежим, отбитые от стаи...

«На водоразделе», 1931 г.

[Литература русских эмигрантов в Китае..., 2005, с. 56].

С третьей – это живой мертвец:

И показалось мне, что *не меня*
В мерцании бессильного огня
На берег, на неведомую сушу –

Влечет гребец безмолвный, что уже
По этой шаткой водяной меже
Не человека он несет, а душу.

«Прикосновения», 1931 г.

[Несмелов, 1931; Русская поэзия Китая... 2001, с. 321–322].

Или совсем уже «анаглиф» – бездушный отпечаток, силуэт, иллюзия человека [Карта слов...] («В полночный час, с погасшей папиросой...»):

Как раненый, ладонь прижавший к ране,
Я сердце нес и тень свою шатал –
Анаглифом, с холщового экрана
В отчаянья перешагнувшим в зал.

«Изнеможение», 1931 г.

[Литература русских эмигрантов в Китае..., 2005, с. 79].

Либо – просто тень (призрак). Последний образ весьма декларативен, так как он написан в форме «он-субъектности»:

Весь выцветший, весь выгоревший. В этот
Весенний день на призрака похож,
На призрака, что перманентно вхож
К избравшим отвращение, как метод,
Как линию, – наикратчайший путь
Ухода из действительности, – *тело*
Он просквозил в кипевшую толпу,
И та от тени этой *потускнела*.
Он рифмовал, как школьник. Исключеня
Из правил позабытого значенья,

И, как через бумагу транспарант, –
Костяк его сквозил сквозь призрак тела,
И над толпой затихшей шелестело
Пугливое: российский эмигрант.

«Тень».

[Русская поэзия Китая...2001, с. 345].

Большинство анализируемых стихотворений от лица «я» написаны в жанре лирических монологов, признаний. При этом вкрапление фантастических элементов в тексты Арсения Несмелова придают им особое жанровое звучание. Марианна Колосова пишет по большей части *послания и поэтические декларации*.

Почти половина исследованных стихотворений написана от лица лирического «мы». Обращение к соборному образу – собратьям по эмиграции – позволяет лирическим субъектам указанных поэтов выразить понимание своего мессианского предназначения:

Не сломала судьба нас, не выгнула,
Хоть пригнула до самой земли.
И за то, что *нас* Родина выгнала, –
Мы по свету ее разнесли.

«По странам рассеяния (Эмигранты)», 1925 г.

[Русская поэзия Китая...2001, с. 67–68].

Харбинские поэты старшего поколения (А. Ачаир, А. Несмелов) в этой форме субъектности подчеркивают свою обязанность как старших представителей эмиграции стараться сохранить основы этничности:

*Мы умрем – а молодняк поделят
Франция, Америка, Китай...*

«Пять рукопожатий», 1931 г.

[Русская поэзия Китая...2001, с. 323].

Подведем итоги:

Несмотря на то, что саморефлексия состояния эмиграции и себя в качестве эмигрантов – активно развивающаяся старшими лириками дальневосточного зарубежья тема, половина из поэтов этой генерации к ней практически не обращалась. Очевидно, в силу своей острой социально-политической направленности эта тема представлялась бывшим белопоходникам весьма травматичной, болезненной.

В творчестве тех немногих авторов, для которых эмиграция является общей темой, ее реализация характеризуется типологически близкими чертами:

1. Политический компонент уступает место пространственному, этническому и религиозному (за исключением творчества М. Колесовой); общеэмигрантские установки тесно сопрягаются с региональными мотивами. Лирический субъект старшего поколения – *беженец, изгнаник, бродяга* – то есть человек, лишенный родного дома, крова, Родины.

2. Мотивный комплекс, в дальнейшем развивающий лирическую сюжетику, составляет парадигма глаголов и глагольных слов, образующих несколько семантических сфер: *умирания, стагнации, угасания, обездвиженности*, практически *смерти* или *псевдожизни* (скитаюсь, живу, наблюдая, а жизнь настоящая дремлет (А. Ачаир); *уныния, сознанья никчемности, упадка, страданья* (гнев на убивших и

детство, и молодость; брести без сил, в слезах (Л. Ещин); среди крови гаснет молодость; были, жили, и куда-то все ушли; в тупик глухой заведены; Немало нас, плетущихся во тьму (М. Колосова)); *сознательного забвения прошлого* (сожжем о прошлом память; Тебя никто не кличет, потеряла к прошлому пути – М. Колосова); *сумасшедшего настоящего* (бегут сумасшедшие годы – Е. Яшнов). На грамматическом уровне этот мотивный комплекс реализуется по большей мере через безглагольность (М. Гаспаров) либо субстантивацію глаголов.

3. Эмиграция в этом художественном целом обретает символические черты рубежа между своей / чужой землей; прошлой жизнью на Родине (молодостью) / настоящей старостью, смертью (небытием), посмертным существованием («в затонувшей субмарине») в эмиграции.

4. Образ изгнанника как самопрезентации лирического субъекта получает постепенное развитие в лирическом сюжете творчества отдельных поэтов, обретая «ролевые» религиозные ипостаси: *калики перехожего* (Л. Ещин), кликушествующей *девы-воительницы* (М. Колосова), странствующего рыцаря, монаха (А. Ачаря). Амбивалентными чертами характеризуется образ самовосприятия эмигранта в лирике А. Несмелова: от брошенного любимой женщиной-Родиной мужчины / брошенного волчицей-матерью детеныша до живого мертвеца, тени, призрака.

5. С годами образ самовосприятия эмигранта в лирике старшего поколения эволюционирует. Усиливается соборное звучание лирического я – оно перетекает в «мы», практически уходит на периферию семантический пласт, связанный с конкретными образами *Родины* (она упоминается в контексте прошлого, прижизненного), чаще появляются образы *чужбины, принимаемой за родные места*; общий мессианский настрой обретает направленность на судьбу молодого поколения, «молодняка», обозначаются задачи сохранения *русскости* вне пределов Родины.

Образы самовосприятия в лирике младшего поколения русских эмигрантов: тематико-образный и мотивный аспекты

К поэтам «молодой генерации» дальневосточных эмигрантов, отражающих в своем творчестве образ самовосприятия, мы относим тех, кто родился на рубеже

веков и с родителями приехал в Харбин подростком; кто родился в России в преддверии Первой Мировой войны и привезен младенцем и тех, кто родился уже в Харбине (дети железнодорожников и других служащих). Практически половина молодых лириков не обращалась в своем творчестве к художественной рецепции себя как эмигранта – а среди них были весьма активные в литературном быту, много пишущие Георгий Гранин, Ларисса Андерсен, Наталия Резникова и многие другие. Тем не менее, только 87 поэтов из 36 выделенных нами по возрастным критериям в Антологии В. Крейда, оставили раздумья о своей эмигрантской участи.

Очевидно, что дети «рубежа веков» в данном случае могут считаться молодыми весьма условно – некоторые из них успели повоевать в Гражданскую (М. Спургот). С одной стороны, этому поколению ближе настроения «старших лириков», ведь оно имело еще дореволюционное (пусть и среднее) российское образование, пережило Гражданскую уже повзрослевшими. С другой – причастность отдельных представителей «среднего» поколения к чураевскому братству (В. Иевлева, 1900 г.р., Казань; Е. Даль, (предп. 1900 г. р., ?), М. Спургот, 1901 г. р., Петербург; Ю. В. Круzenштерн-Петерец, 1903 г. р., Владивосток; Е. Рачинская, 1904 г. р., Тюсью, Финляндия) определяет их включенность в веяния, волнующие харбинскую молодежь, в лирическую проблематику творчества именно молодых поэтов. Статистический анализ говорит о том, что это немногочисленная часть литераторов-«середняков» (всего 5 человек) рефлектировала свое состояние весьма сдержанно – по 1 стихотворению у каждого, за исключением Ю.В. Круzenштерн-Петерец (4 в Антологии). Но та начинает писать стихи достаточно поздно, поначалу утверждаясь как журналистка и прозаик. Сама Ю.В. Круzenштерн-Петерец, рожденная в 1903 г., считала себя в кругу чураевцев «перестарком» [Круzenштерн-Петерец, 1968, с. 61], пришла в кружок довольно поздно – только в 1930 г. и не часто бывала на его заседаниях.

В данном контексте весьма репрезентативна лирическая зарисовка-медитация Михаила Спургота, живущего в Китае с 14 лет, участвовавшего в Гражданской войне, затем в 1921 г. поселившегося в Харбине. В 1929 г. Михаил Спургот переезжает из Харбина в Шанхай [Русская поэзия Китая...2001, с. 697], там публикует

сборник «Желтая дама» [Эфендиева, 2011, с. 75]. Однако очевидно, что его самоощущение как эмигранта сформировалось именно в Харбине в течение дореволюционных и тех 8 лет после 1921 г.

Михаил Спургот (успевший до революции пожить в Петербурге и Одессе, в Китае, побывать в Париже) был прекрасно образован и начитан. Стихотворение «Сижу с китайцами в харчевнях...» представляет собой ритмическую и идейно-образную аллюзию на вторую часть лермонтовской Родины – той, где лирический герой признается в своей причастности к России не-парадной, не воспетой в сказаниях и исторических хрониках (*ни слава, купленная кровью; ни темной старины заветные преданья / не шевелят во мне отрадного мечтанья*). Лирическому герою Лермонтова близка сельская Россия с ее немудреной жизнью русского крестьянина:

Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз,
И на холме средь желтой нивы
Четы белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

«Родина», 1841 г.

Лирический герой Лермонтова открывает своему читателю истинную, по сконную Россию, которую до него не принято было не то что любить – изображать: это *дымок спаленной жнивы; в степи ночующий обоз; желтая нива; чета белеющих берез; полное гумно; изба, покрытая соломой; с резными ставнями окно; пляска с гомоном и свистом; говор пьяных мужичков*. Не случайно первая часть, написанная неспешным элегическим 6-стопным ямбом, сменяется второй с бодрым 4Я ЖМЖМ.

Перекличку с М. Лермонтовым М. Спургот начинает именно со второй части прославленного прототипа. Только его лирический герой открывает нам уже не Россию, а «посконный» – простонародный – Китай, насквозь пропитанный древней традицией. Его любовь к такому (опрощенному) Китаю и китайскому быту пронизана «странной радостью» (перифраз элегической лермонтовской «странной любви»). Герой М. Спургота сидит «в харчевнях», пьет «ханшин» (дешевую водку, точнее – самогон), и, «жадно впитывая соки / культуры чуждой <мне> страны», ведет с подвыпившими китайцами «бесед несложных ряд». А «пляску с топотом и свистом» ему заменяют «мудрые песни Лао-Цзы». Такова реальность, реальность эмигранта, с которой лирический герой, наследующий и русскую литературную традицию, и присущий русским демократизм, но открытый культуре «чуждой страны», сживаются:

Сижу с китайцами в харчевнях,
Ведя бесед несложных ряд,
И странной радостью напоен
Мой каждый в быт Китая взгляд!

И, жадно впитывая соки
Культуры чуждой мне страны,
Я знаю, что подходят сроки
Тоскою вздыбленной весны!..
Горячий ханшин чуть туманит
Мозг, обожжденный жаром слов,
И тихо плавают в тумане
Виденья чудищ и богов.

И сердце вдруг вздымает бурно,
Как от тайфуна иль грозы,
Один лишь мысли всплеск лазурный
Из мудрых песен Лао-цзы!..

«Сижу с китайцами в харчевнях...», 1931 г.

[Спургот, 1931; Русская поэзия Китая...2001, с. 517].

В стихотворении отражена органическая встроенность лирического героя в русскую литературную традицию, ее метапоэтическая рецепция [Сенина, 2018, с. 145–153]. Но, что более значимо, лирический герой М. Спургота осознает и свою

органическую причастность к Китаю, несмотря на испытываемую «странную радость» от этого факта – и дело не только в понимании чужой (китайской) литературной традиции (Лермонтов/Лао Цзы). Единственное, что «выдает» истинные чувства его героя-эмигранта – это ожидания «тоскою вздыбленной весны». Можно додумать, что весной особенно остро просыпается ностальгия героя – *тоска по Родине*.

Несмотря на то, что Михаил Спургот не был духовным лидером поэтической молодежи, он первым сумел аккумулировать и выразить основные тенденции лирического самосознания этой генерации поэтов-эмигрантов, выделить концептуальные основы развития лирического самовосприятия дальневосточной эмиграции [Лю, Забияко, 2024, с. 71–86].

Но ведущую интонацию, безусловно, в саморефлексии своего положения и ощущения как молодого поколения эмиграции, задавала плеяда поэтов, рожденных в 10-е гг. XX в.: Н. Светлов (1908 г. р., Сибирь); Н. Петерец (предп. 1908 г. р., ?); Г. Сатовский-младший (1909 г. р., Петербург), М. Шмейссер (1909 г. р., Новониколаевск); Н. Ильнек (1910 г. р., Харбин?); Н. Щеголев (1910 г. р.); С. Сергин (1910 г. р., Харбин), Л. Хаиндрова (1910 г. р., Одесса); Э. Трахтенберг (предп. 1910–1912 гг., ?); Е. Недельская (1912 г. р., Ярославль); В. Перелешин (1913 г. р.); М. Волин (1914 г. р.).

Это ни много ни мало – 13 поэтов, большая часть которых входила в объединение «Чураевка» (поначалу «Молодая Чураевка», а до этого «Вечера под Зеленой лампой») [Забияко, 2006, с. 175], затем некоторые из бывших чураевцев объединились в Шанхае под эгидой кружка «Пятница» [Бакич, 2005, с. 174–200; Кузнецова, 2019, с. 153–154]. Однако, судя по Антологии В. Крейда, интенсивно рефлектирующими свой эмигрантский удел были Николай Светлов (5 стихотворений в указанном собрании), Николай Щеголев (4 стихотворения), Лидия Хаиндрова (7 стихотворений) и Валерий Перелешин (7 стихотворений).

«Чураевка» «стала духовным прибежищем для находящейся на распутье молодой эмигрантской поросли» [Забияко, 2007б, с. 171]. В ней был избран средний

путь: «исключались богемность, авангардизм, гражданская тема, политика, ориентация на литературную моду <...>. Увлечения попеременно сменялись: Блок, Брюсов, Белый, Пастернак, а также Г. Иванов, Ходасевич, Цветаева, Адамович и другие парижане» [Русская поэзия Китая... 2001, с. 21]. Судя по воспоминаниям В.А. Слободчикова, его брата, Н.А. Слободчикова, М. Волина [Волин, 1982, с. 337–357], В. Перелешина [Перелешин, 1972, с. 255–262; 1979, с. 181–184; 1988, с. 576–580], студийная работа была одной из магистральных линий работы «Чураевки», ею они регулярно занимались по пятницам: «Подчеркнуто четко, с прекрасной дикцией читал свои холодноватые стихи *Николай Щеголев*. Как-то боком выскочив на сцену, робея и заикаясь, читал свои удивительные стихи скромный *Сергей Сергин*. Совсем юный Георгий Гранин стремился поразить слушателей чем-то необычным. Исключительным успехом пользовался Алексей Ачаир со своими мелодекламациями. С чтением своих стихов выступали: тихая *Лидия Хайндрова*, миниатюрная Наташа Резникова, красавица Ларисса Андерсен, в которую были влюблены все молодые поэты. Пользовались успехом поэты *Михаил Волин* и *Владимир Слободчиков*» [Волин, 1997, с. 219–220].

Вопрос поэтического мастерства занимал важное место на этих встречах: «Благодаря порядку, выработавшемуся в течение ряда собраний, автор получает почти исчерпывающую оценку своих произведений присутствующими членами студии. Прочитываемые стихи подвергаются подробному персональному разбору. Мнения присутствующих не всегда бывают лестными для авторов, но здоровая атмосфера дружеской, хотя подчас и суровой, критики почти никогда не нарушается» [Редакторская статья, 1932].

Как вспоминал В. А. Слободчиков, там изучались труды В. Брюсова («Основы стиховедения»), Б. Томашевского («Теория литературы»), В. Жирмунского («Теория стиха» и «Рифма, ее история и теория»), А. Белого («Символизм») и практическое руководство Н. Шульговского («Теория и практика поэтического творчества»). «Объем знаний, которые стремились приобрести члены студии, значительно превосходил содержание соответствующих курсов филологических факультетов университетов» [Русский Харбин, 1998, с. 70–72].

Итак, в отличие от поэтов старшего поколения, эти молодые литераторы сформировались в атмосфере настоящей поэтической школы и в притяжении/отталкивании от настроений литературных «авторитетов» – А. Ачайра, А. Несмелова, М. Колосовой и др.: «Арсений Несмелов стал посещать занятия “Круга поэтов”, но очень скоро наметился разрыв между ним и наиболее агрессивными поэтами из “чураевцев”. Собственно, этого могло бы и не произойти, если бы его “дети” в лице трех Николаев: Петереца, Светлова и Щеголева, а также Валерия Перелешина (поэты способные и сильные) не стали относиться иронически к стихам того самого поэта, перед которым еще так недавно благоговели и кого, – вполне справедливо, – считали своим учителем. Теперь же появление новых стихов или очередного сборника Несмелова они встречали резкими и далеко не всегда справедливыми отзывами. Все, что появлялось из-под пера Арсения Несмелова, встречалось в штыки. Стихи его разбирались по строчке, по слову. Неточная рифма, спорный отзыв, малейшая стилистическая погрешность – действительная или мнимая – вызывали ожесточенные нападки. Несмелов почувствовал перемену к себе и стал все реже и реже появляться на занятиях, а потом и совсем отошел от нас» [Хайндрова, 2003, с. 169].

Во многом эти сепаратистские настроения определили и специфику художественного образа самовосприятия в лирике молодых эмигрантов. Новыми в идейно-образном строе их откровений становится практически поголовное само выражение лирического субъекта через местоимение «я», либо «ты», подразумевающего это же индивидуализированное «я» в диалоге с самим собой; либо это неопределенно-личное местоимение «они» – как выражение стремления лирического субъекта дистанцироваться от своих собратьев по несчастью или вообще кажущееся отсутствие лирического субъекта, как в стихотворениях Е. Недельской.

Лишь один поэт претендует писать от лица «мы» – это Валерий Перелешин, его декларации от лица всех эмигрантов появятся в середине 30-х гг.:

Нас миллионы – *вездесущих*,
Бездомных всюду и везде,
То изнывающих, *то ждущих*,
То приучившихся к беде.

*Земные ветхие границы
Мы исподволь пересекли;
Мы прежние свои столицы
В столицу мира отнесли.*

«Мы», 1934 г.

[Перелешин, 1939; Русская поэзия Китая...2001, с. 386–387].

*Мы заблудились в переходах,
Но, право, не о чем тужить:
Скорей забудем о свободах
И без свободы станем жить!
Все одобряют, все согласны,
Все не боятся темноты:*

*Ведь под землею безопасно
Живут же мудрые кроты!*

«В лабиринте», 1947 г.

[Русская поэзия Китая...2001, с. 382–383].

Но, как бы ни старались поэты молодого поколения отреститься от наследия старших своих коллег по цеху, они первоначально наследуют у старших лириков образы самоопределения, определяющие их статус и состояние неприкосновенности [Liu, Tsimykal, Feng, 2021, p. 1633]: *изгнанница* (Е. Даль «Второй Родине»), *беженец* (Л. Хайндрова «Беженцы»), *бродяга, странник* (Г.Г. Сатовский-мл. «Аньда»), *странничек убогий* (С. Сергин «Странник»), *калика переходящий* (Н. Щеголев «В раздумья»), *землепроходцы* (М. Шмейсер «Землепроходцы»).

Характерно и то, что некоторые усваивают «волчью», оборотническую семантику образа самовосприятия старших эмигрантов, введенную А. Несмеловым, утверждают себя наследниками этого родового проклятия – *волчонок* (Л. Хайндрова), *волчица* (Ю. Круzenштерн-Петерец):

Он ненавидит, как волчонок злой,
Твою страну, затерянную где-то,
И город, называемый Москвой.

«Под чужим небом», 1939 г.

[Хайндрова, 1939, с. 20; Русская поэзия Китая...2001, с. 539–540].

В целом, несмотря на довольно дистанцированные отношения с Арсением Несмеловым, на наш взгляд, его поэтические предчувствия по поводу судьбы молодого поколения были наиболее точны и также отразились затем в лирике чураевцев на мотивном уровне.

К проблеме этнической самоидентификации через образ самовосприятия чаще всех обращается Николай Щеголев – именно в его лирике появляется образ маргинального героя – «иноземца», «русского художника, не лишенного иностранных черт» [Забияко, 2009, с. 318]. Благодаря присущей Щеголеву способности переосмысливать внутреннюю природу слова, склонности к остранению – *странник* в его саморефлексии превращается в «чудака захудалого и *странныго*»:

Художник – я, и, несомненно, русский,
но не лишенный иностранных черт.

«Русский художник», 1933 г.

[Щеголев, 1933; Русская поэзия Китая...2001, с. 569].

Чудак захудалый и странный <...>
Веду себя, как иноземец, –
Холодный бритт, упрямый немец –

«В раздумье», 1934 г.

[Русская поэзия Китая...2001, с. 568].

Каждый из молодых поэтов свои отношения с родиной выстраивал, опираясь на историю отцовской памяти, укорененность в национальной традиции и на свое восприятие окружающей реальности. В такой ситуации первоочередной целью для молодых поэтов в Маньчжурии становится сохранение этнокультурной идентичности, для которого необходимо, безусловно, сохранение собственного языка, традиционной религии, культурных ценностей. Не имея культурных воспоминаний о родине, молодая харбинская поросль вынуждена была сама находить русскость.

Николай Щеголев в стихотворении «Опыт» воссоздает этот духовный порыв:

Эмиграция – да! – прозябанье в кругу иностранцев,
Это та же тоска, это значит – учить про запас
Все ремесла, языки, машинопись, музыку, танцы,

Получая гроши, получая презренье подчас.

<...>

Но себя ты хранишь, но встречаешь мучительный опыт
Не всегда просветленно, но с мужественностью всегда!

«Опыт», 1931 г.

[Литература русских эмигрантов в Китае, 2005, с. 649].

Меняется в лирике молодых эмигрантов пространственно-временная ось самовосприятия. Образ России обретает абстрактные очертания: это, что естественно, в большей степени – либо сестрины (отцовы, дедовские) рассказы (заповеды), либо – литературные образы:

Путь изгнанья мне судьбой отмерен,
Но скажите, в чем моя вина,
Что отец мой Родине был верен,
Что я свято прошлому верна?

«Второй родине», 1942 г.

[Даль, 1942; Русская поэзия Китая...2001, с. 166–167].

Новым мотивом, отличающим лирическое самовосприятие молодых эмигрантов от старших, становится мотив *сиротства*:

В отблесках неугасимых зарев
Сколько лет сироткой я жила!

«Второй родине», 1942 г.

[Даль, 1942; Русская поэзия Китая...2001, с. 166–167].

В 1939 г. В. Перелешин от лица «мы» молодого поколения дальневосточных эмигрантов воскликнет:

Но мы выносливы и живы,
И в нашем образе жива –
Пусть звезды холодны чужие –
Отрубленная голова
Неумирающей России

«Мы», 1939 г.

[Перелешин, 1939; Русская поэзия Китая...2001, с. 386–387].

Опору своей русскости эмигрантская молодежь будет искать уже не в прошлом России, а в русской литературе:

Россия Белого – пылающее море,
 Россия Тютчева – смирение и горе,
 Россия Гоголя – смятение и ад.
 Кто перечислит мне все эти *отраженья*?
 Напрасно силится найти воображенье
 В мельканье призраков свет вечного лица.

«Россия», 1946 г.

[Русская поэзия Китая...2001, с. 425].

Россия – либо только «сон чудесный», либо «обрывок песни русской», а чуть позднее – это всего лишь буквы в русских книгах, сочетание звуков в воспоминаниях и снах:

Было детство, ясность сердца
 – жизни чистые истоки.
 Неужели это было?!
 Сон чудесный, сон далекий!

«Было», 1943 г.

[Недельская, 1943; Русская поэзия Китая...2001, с. 310–311].

Далекий летний день. Изгиб тропинки узкой.
 Кусты шиповника. Обрыв. Река.
 Взметнувшийся отрывок песни русской.
 Пасущиеся в небе облака.

«Далекое», 1943 г.

[Недельская, 1943; Русская поэзия Китая...2001, с. 310].

А ты, Россия, только имя,
 Придуманное бытие.

Шесть букв, не вовсе позабытых,
 И почему бы не забыть
 Ту из Америк неоткрытых,
 Куда не мне, не мне доплыть?

«Россия», 1946 г.

[Остров, 1946; Русская поэзия Китая...2001, с. 401].

В лирике молодых эмигрантов, обращенных к образу самовосприятия, практически нет прошлого времени. В большей степени эти лирические субъекты склонны рефлектировать свое настоящее, но очень мало из них задумываются о

прошлом. Потому ведущим настроением настоящего становятся состояния: *тоска* (обозначенная еще в стихотворении М. Спургота 1931 года), *диссонанс, ностальгия, одиночество*.

Китай обретает черты приемной матери, «ласковой мачехи». Причастной себя Китаю как родной стране первой ощущает себя вынужденная уехать в Европу на лечение героиня Эммы Трахтенберг:

Но я такою же осталась
И родиной зову Китай!..

«Письмо матери», 1933 г.

[Трахтенберг, 1933; Русская поэзия Китая...2001, с. 533–534].

Затем героиня Л. Хаиндровой признается:

Стремительно бежим – куда, не зная,
Смеемся, плачем, горести таим,
И скоро станет родиной изгнанье,
А родина – как стелющийся дым.

«Стремительно бежим – куда, не зная...», 1939 г.

[Хаиндрова, 1939, с. 54; Русская поэзия Китая...2001, с. 540–541].

Остальной молодежи понадобился еще десяток лет, тяжкие годы японской оккупации, переезд в Шанхай, чтобы ощутить близкие к лирическому субъекту Хаиндровой чувства:

За годиной пронеслась година –
Мирный труд, покой и благодать...
В Харбине я вырастила сына,
В Харбине похоронила мать.

И теперь ни от кого не скрою,
Миным городом покорена,
Что мне стала Родиной второю
Приютившая меня страна.

«Второй Родине», 1942 г.

[Даль, 1942; Русская поэзия Китая...2001, с. 166–167].

У мачехи ласковой – в желтой я вырос стране,
И желтые кроткие люди мне братьями стали:
Здесь неповторимые сказки мерещились мне,
И летние звезды в ночи для меня расцветали.

«Ностальгия», 1944 г.

[Перелешин, 1944; Русская поэзия Китая...2001, с. 394–395].

Образ Китая в творчестве молодых поэтов все чаще обретает черты не чуждого пространства, а «милых сердцу мест», а затем и второй Родины, отражая бипатриотическую настроенность дальневосточной молодой поросли. Потому, несмотря на то что *тоска* и ее синонимы – ключевые образы самоощущения молодого поколения, эта *тоска* всегда коррелирует с действенным желанием утвердить свою русскость и причастность своим уникальным фронтальным координатам.

Выводы по главе 3

Образ дальневосточной эмиграции и эмигрантов возникает в советской литературе весьма поздно – к концу 20-х гг., когда принимаются конкретные решения по поводу «невозвращенцев» и становится очевидна неудача СССР сделать КВЖД советской. Под пером советских писателей и журналистов этот образ сконцентрировался целиком на «белом Харбине» и харбинцах-белоэмигрантах. В нем абсолютно нивелированы этнические характеристики, на периферии пространственные смыслы, на первый план вынесены политическая и социальная оппозиции «СССР/маньчжурский тупик», «советское/несоветское», «белые офицеры, обыватели / (советские и китайские) рабочие»

Для молодого поколения, выросшего либо родившегося в эмиграции, статус эмигранта был не только психологически более привычен, но и понятен с точки зрения жизненной практики.

Политический и религиозный компоненты в восприятии эмиграции и себя эмигрантами не актуальны для «детей эмиграции», их *русскость* определяется причастностью к русской культуре и литературе.

Образ самовосприятия в лирике молодых обретает новые, «маргинальные» коннотации: появляются образы «иноzemца» «русского художника, не лишенного иностранных черт», «жениха, обрученного Китаю», «чудака захудалого и странного», мотивный уровень, связанный с сиротством, прозябанием и стремлением победить эти состояния движением за пределы, в которых они оказались.

Образ России в самовосприятии молодых эмигрантов сопряжен с образом Китая, «милых сердцу мест», а затем и второй Родины. Такой бипатриотический настрой – отличительная характеристика образа самовосприятия дальневосточной эмигрантской молодежи.

Часть молодых людей, вообще не знающих реалий жизни в СССР, но наблюдающих усиление диктата со стороны японских властей, все чаще обращала взоры на родину своих предков, создавая в своем художественном воображении ее мифологизированный образ [Забияко, Фэн, 2023, с. 70]. В лирике отдельных представителей молодого поколения в середине 40-х гг. появляется патриотический пафос (Ю.В. Круzenштерн-Петерец. Н. Петерец, Н. Щеголев и др.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучив историю возникновения в русском языковом и этническом сознании понятий «эмиграция» и «эмигрант», художественную специфику образов эмиграции и эмигрантов в сознании советских авторов и художественных образов самовосприятия эмиграции и эмигрантов 20–40-х гг. XX в., можно прийти к следующим выводам.

Понятия «эмигрант» и «эмиграция» в русском языковом сознании возникают намного позднее, чем само явление эмиграции и его рефлексия в этническом сознании. Исторически в русском языковом и этническом сознании пространственный смысл понятия имел второстепенное значение, в нем изначально преобладали политические коннотации, синкетизированные с этническими (этнопсихологическими, этнорелигиозными) и этическими установками. В основе этих сложновыстроенных и исторически меняющихся значений слова «эмигрант» лежали представления о «своем/чужом», сфокусированные на образе «отчизны/чужбины». Полярными значениями характеризовались эмиграция и эмигранты «в Россию» (из чужих отечеств) и «из России» (из своего Отечества). Данный фрейм в толковании понятий «эмиграция» и «эмигрант», где политический смысл неотделим от этнического, ведет свое начало с эпохи Ивана Грозного и находит отражение в «Переписке Андрея Курбского с Иваном Грозным» (XVI в.), а затем в литературных и публицистических текстах XVIII–XIX вв.

Всемерно актуализировался политический и этический смысл понятий «эмиграция» и «эмигрант» в период массовой эмиграции из России после Октябрьской революции. С начала 20-х гг. XX в. в советской лингвокультуре пространственное значение понятия «эмиграция» лишь усиливает негативный политический смысл, а значение политической идентичности актуализирует этнические / национальные и этические коннотации. Эмиграция – духовное омертвение, эмигранты официально признаны «бывшими людьми», реалией прошлого. Эти коннотации определили формирование образа эмиграции и эмигрантов в языковом и общественном сознании.

нии метрополии и самовосприятия эмигрантов в рассеянии. Они же обусловили художественную специфику рецепции этих понятий в русской литературе 20–40-х гг. – однако с разных точек зрения в метрополии и самой эмиграции.

Становление образа самовосприятия в художественном сознании русской эмиграции «первой волны» берет начало в 1920 г. и заканчивается к 1932–33 гг. На материале публицистических и художественных текстов эмигрантов западной и восточной ветви мы проследили, как в указанный период в концептуальной основе образа самовосприятия формируется парадигма семантических интеграторов, присущих эмигрантскому самовосприятию во всех центрах рассеяния: национальный (этнический) (российский/русский), политический (антибольшевистский/белый), религиозный (православный) компоненты. Эти значения выражают общеэмигрантскую онтологию самоидентификации и самовосприятия. И только затем в действие вступает пространственный компонент, обозначающий изгнанничество (беженство) как бытийственный факт, а затем уже страну изгнания.

В советской литературе 20–40-х гг. тема эмиграции и эмигрантов изначально становится маргинальной. Лишь немногие авторы обращаются к образам эмиграции и эмигрантов в эпическом и драматическом роде литературы, и эти образы переживают своеобразную эволюцию по нисходящей. Первый, «компромиссный», этап рецепции образов эмиграции и эмигрантов находит отражение в «романе в письмах» «Zoo, или “Новая Элоиза”» В.Б. Шкловского (1922) – в период, когда еще можно было не просто «оттачивать приемы» в литературе и делать их самоценной темой и двигателем сюжета, но брать эмигрантскую тему за основу метапоэтического дискурса. Образы эмиграции и эмигрантов воплощены в экспериментальном жанре лиризованных автобиографических «писем не о любви», с «двойной точки зрения» (эмигранта, наблюдающего эмиграцию как советский писатель). Берлинский этап эмиграции, зафиксированный В. Шкловским в параллелизме с берлинским Zoo, – не карикатура на эмиграцию и эмигрантов, а грустная картина жизни этих «иностраницев», «диковинных зверей» в сознании немцев.

В «эмигрантском цикле» А.Н. Толстого (1921–1932) находит художественное воплощение динамика трансформации образов эмиграции и эмигрантов в общественном и культурном сознании Советской России – СССР: от сочувственной рефлексии до однозначно негативного восприятия. Эти изменения находят отражение на тематическом уровне (от темы горьких разочарований – к теме духовного разложения), в жанрово-стилистической системе (от рассказа с элегической тональностью к политическому детективу-памфлету), на уровне интертекстуальных аллюзий (от «купринских» мотивов к двойничеству в духе Достоевского).

Несмотря на одномерность образа эмиграции и эмигрантов, явно обусловленную социальным заказом, толстовский подход будет усвоен и востребован советской публицистикой и литературой в 30-е гг. – можно вспомнить «Рейд Черного жука» Ивана Макарова, «Судьбу барабанщика» А. Гайдара. Но самым действенным способом дезавуировать высокие помыслы русской эмиграции станет все же прием умолчания – то есть вообще не упоминать о ней.

Те пути, которыми Толстой шел к подобному художественному итогу (тенденция наметилась еще в 1921–1923 гг.), имели творческое развитие в художественном сознании М.А. Булгакова. В пьесе «Бег» (1926–1928) Михаила Афанасьевича Булгакова мы обнаружили развитие вектора трактовки образов эмиграции, намеченного А.Н. Толстым в 20-е гг., но в 30-е гг. им самим же измененного. Не переживший эмиграции, М. А. Булгаков создал наиболее емкий и объективный образ эмиграции и эмигрантов с социальной, политической, этической и этнокультурной точек зрения. Типологическую достоверность образам эмиграции и эмигрантов дает окказиональная жанровая форма пьесы «в восьми снах», воплощенная в синкретическом единстве комического (буффонного) и трагического модусов художественности.

Образы эмиграции в советской литературе 1921–1932 гг. отразили основные этапы формирования общественно-политической – негативной – точки зрения на явление эмиграции и эмигрантов сквозь призму становления однозначно приемлемой литературной парадигмы соцреалистического канона. Образ дальневосточной эмиграции и эмигрантов возникает в советской литературе весьма поздно – к концу

20-х гг., когда принимаются конкретные решения по поводу «невозврашенцев» и становится очевидна неудача СССР сделать КВЖД советской. Под пером советских писателей и журналистов (Я.М. Окунева, Е. Полевого) этот образ сконцентрировался целиком на «белом Харбине» и харбинцах-белоэмигрантах. Жанрово-стилистический формой советские авторы выбирают художественно-публицистический памфлет. В нем абсолютно нивелированы этнические характеристики, на периферии пространственные смыслы, на первый план вынесены политическая и социальная оппозиции «СССР/маньчжурский тупик», «советское/несоветское», «белые офицеры, обыватели / (советские и китайские) рабочие».

Точка зрения на харбинскую эмиграцию и эмигрантов в этих произведениях складывается за счет контаминации реалий благополучной харбинской жизни (социальных и бытовых) и их гротескной интерпретации, создания намеренно «перевернутого с ног на голову» образа мира и населяющих его людей. Основными приемами в такой перспективе становятся характеристики по типу нисходящей градации, использование мотива омертвения, погружения в болото, инобытия.

К тому времени, когда советская литература обратилась к образу дальневосточной эмиграции и эмигрантов, в русском Харбине и русском Шанхае уже сложился литературный быт, и вопросы самопознания, художественной рефлексии своей эмигрантской экзистенции и эмигрантской онтологии стали одними из насущных в литературной жизни дальневосточных беженцев.

Несмотря на то, что проза дальневосточного зарубежья в совокупности своего рода-жанрового многообразия (рассказов, повестей, фельетонов) предоставляет богатый материал для исследования проблемы образного воплощения самовосприятия эмигрантов, мы намеренно ограничили рамки своего исследования дальневосточной эмиграции лирикой. Эти образы имели концептуальные различия в творчестве «старшего» и молодого поколения эмиграции.

Саморефлексия состояния эмиграции и себя в качестве эмигрантов – активно развивающаяся старшими лириками дальневосточного зарубежья тема, однако половина из поэтов этой генерации к ней практически не обращалась. Очевидно, в силу своей острой социально-политической направленности эта тема представлялась

бывшим белоходникам весьма травматичной, болезненной.

В творчестве тех немногих авторов, для которых эмиграция является общей темой, ее реализация характеризуется типологически близкими чертами: политический компонент уступает место пространственному, этническому и религиозному (за исключением творчества М. Колосовой); общеэмигрантские установки тесно сопрягаются с региональными мотивами. Лирический субъект старшего поколения – *беженец, изгнаник, бродяга* – то есть человек, лишенный родного дома, крова, Родины.

Мотивный комплекс, в дальнейшем развивающий лирическую сюжетику старшего поколения харбинских лириков, составляет парадигма глаголов и глагольных слов, образующих несколько семантических сфер: *умирания; стагнации, угасания, обездвиженности*, практически *смерти* или *псевдожизни* (скитаюсь, живу, наблюдая, а жизнь настоящая дремлет (А. Ачайр); *уныния, сознанья никчемности, упадка, страданья* (гнев на убивших и детство, и молодость; брести без сил, в слезах (Л. Ещин); среди крови гаснет молодость; были, жили, и куда-то все ушли; в тупик глухой заведены; Немало нас, плетущихся во тьму (М. Колосова)); *сознательного забвения прошлого* (сожжем о прошлом память; Тебя никто не кличет, потеряла к прошлому пути – М. Колосова); *сумасшедшего настоящего* (бегут сумасшедшие годы – Е. Яшнов). На грамматическом уровне этот мотивный комплекс реализуется по большей мере через безглагольность (М. Гаспаров) либо субстантизацию глаголов.

Эмиграция в этом художественном целом обретает символические черты рубежа между своей / чужой землей; прошлой жизнью на Родине (молодостью) / настоящей старостью, смертью (небытием), посмертным существованием («в затонувшей субмарине»).

Образ изгнанника как самопрезентации лирического субъекта получает постепенное развитие в лирическом сюжете творчества отдельных поэтов, обретая «ролевые» религиозные ипостаси: *калики перехожего* (Л. Ещин), кликушествующей *девы-воительницы* (М. Колосова), странствующего рыцаря, монаха (А. Ачайра). Амбивалентными чертами характеризуется образ самовосприятия эмигранта

в лирике А. Несмелова: от брошенного любимой женшиной-Родиной мужчины / брошенного волчицей-матерью детеныша до живого мертвца, тени, призрака.

С годами образ самовосприятия эмигранта в лирике старшего поколения эволюционирует. Усиливается соборное звучание лирического я – оно перетекает в «мы», практически уходит на периферию семантический пласт, связанный с конкретными образами *Родины* (она упоминается в контексте прошлого, прижизненного), чаще появляются образы *чужбины, принимаемой за родные места*; общий мессианский настрой обретает направленность на судьбу молодого поколения, «молодняка», обозначаются задачи сохранения *русскости* вне пределов Родины.

Для молодого поколения, выросшего либо родившегося в эмиграции, статус эмигранта был не только психологически более привычен, но и понятен с точки зрения жизненной практики. Политический и религиозный компоненты в восприятии эмиграции и себя эмигрантами не актуальны для «детей эмиграции», их *русскость* определяется причастностью к русской культуре и литературе.

Образ самовосприятия в лирике «молодых» поэтов обретает новые, «маргинальные» коннотации: появляются образы «киноземца» «русского художника, не лишенного иностранных черт», «жениха, обрученного Китаю», «чудака захудалого и странного», мотивный уровень, связанный с сиротством, прозябанием и стремлением победить эти состояния движением за пределы, в которых они оказались. Соответственно, образ России в самовосприятии молодых эмигрантов сопряжен с образом Китая, «милых сердцу мест», а затем и второй Родины.

Постепенно часть молодых людей, вообще не знающих реалий жизни в СССР, но наблюдающих усиление диктата со стороны японских властей, все чаще обращала взоры на родину своих предков, создавая в своем художественном выражении ее мифологизированный образ. В лирике отдельных представителей молодого поколения – Ю.В. Крузенштерн-Петерец, Н. Петерец, Н. Щеголев и др. – в середине 40-х гг. появляется патриотический пафос.

Несмотря на политические и идеологические антиномии, корреляция образов эмиграции и эмигрантов в литературе метрополии и дальневосточного зарубежья 20–40-х гг. XX в. осуществляется на тонкой оси базовых универсалий русского

этнического сознания. Согласно этим универсалиям, образ «своего» напрямую соотнесен с представлениями о своем Отечестве, родине, родных местах и родной культуре; политический компонент тесно сопряжен с этническим (исторической памятью, религиозными и культурными традициями, укорененными в прошлом). Советская пропагандистская машина четко осознала это – и потому А.Н. Толстой стал выразителем официально признанного образа эмиграции и эмигрантов – врагов советского народа, советского настоящего, врагов интернационализма. Уравновешенная точка зрения на восприятие эмиграции и эмигрантов М.В. Булгакова была воспринята негативно и на долгие годы скрыта от массового читателя. Напротив, литература дальневосточной эмиграции отразила основной пафос саморефлексии эмиграции – ее стремление защитить и сохранить основы этничности: историческую память, православную веру, русскую культуру и литературу.

Проведенное исследование наметило основные тенденции своего развития. Представляется весьма перспективным исследовать в сравнительном ключе концептуальные основы художественных образов самовосприятия эмиграции и эмигрантов в литературном творчестве писателей и поэтов западной и восточной ветви; обратиться к выявлению родо-жанровой и стилистической специфике художественной рецепции эмиграции и эмигрантского существования в прозе дальневосточной эмиграции.

Большим потенциалом литературоведческой аналитики обладает сравнительный анализ образов русской эмиграции и эмигрантов в китайской прозе 1920–40-х гг. и образов самовосприятия в прозе дальневосточного зарубежья.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. «126 кораблей. Судьбы белой эмиграции в Турции». – Текст : электронный // Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына : [сайт]. – 2019. – 25 декабря. – URL: https://www.domrz.ru/press/smi_about_us/16596_126_korably_sudby_beloy_emigratsii_v_turtsii_/?ysclid=m0lr4dbbzw322882323 (дата обращения: 18.03.2024).
2. Аброва, Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.) / Н. Е. Аброва. – Москва : Русская панорама, 2005. – 430 с. – ISBN 5-93165-119-5. – Текст : непосредственный.
3. Аброва, Н. Е. Политическая ситуация на КВЖД после крушения Российской империи / Н. Е. Аброва. – Текст : электронный // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 1998. – № 4 // «Развитие»: Международное общественное объединение по научно-исследовательским и информационно-образовательным программам : официальный сайт. – URL: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/1998-4/1998-4-ablova> (дата обращения: 18.03.2024).
4. Авербах, Л. За гегемонию пролетарской литературы / Л. Авербах. – Москва-Ленинград : ГИХЛ, 1931. – 111 с. – Текст : непосредственный.
5. Агеносов, В. В. Категории «свое / чужое» как выражение национальной идентичности в поэтическом сознании русских эмигрантов / В. В. Агеносов. – Текст : непосредственный // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2006. – Вып. 7 : Мост через Амур : центр гуманитар. программ «Даурия», Фонд Розы Люксембург. – С. 273–285.
6. Агеносов, В. В. Литература русского зарубежья (1918–1996) / В. В. Агеносов. – Москва : Терра спорт, 1998. – 544 с. – Текст : непосредственный.
7. Агеносов, В. В. Что это за штука такая Харбин: Европа или Азия? / В. В. Агеносов. – Текст : непосредственный // Русский Харбин, запечатленный в слове / Литературоведческая россика: Сборник научных статей памяти

В. А. Слободчикова / под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. – Благовещенск : Изд-во Амурского госуниверситета, 2008. – Вып. 2. – С. 6–28.

8. Азов, А. В. Духовное самоопределение творческой личности в трагической ситуации: русская эмиграция «первой волны» : специальность 09.00.13 «Философия и история религии, философская антропология, философия культуры» : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Азов Андрей Вадимович ; Уральский государственный университет имени А. М. Горького. – Екатеринбург, 1999. – 306 с. – Текст : непосредственный.

9. Александрова, А. Л. Публицистика А. Н. Толстого периода эмиграции / А. Л. Александрова. – Текст : непосредственный // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2015. – № 3. – С. 283–290.

10. Алл, Н. Ектења. Стихи о России / Н. Алл. – Харбин, 1923. – 30 с. – Текст : непосредственный.

11. Антонюк, Е. Сталина на вас нет. Как Россия разорвала отношения с Великобританией / Е. Антонюк. – Текст : электронный // Life.ru : [сайт]. – 2018. – 17 марта. – URL: <https://life.ru/p/1098305?ysclid=ltpp9ssv3i343250138> (дата обращения: 20.03.2024).

12. Апахоничч, Д. Редакция романа в Б. Шкловского «Zoo или письма не о любви» 1964 года : проблема жанра произведения / Д. Апахоничч. – Текст : непосредственный // Летняя школа по русской литературе. – 2015. – Т. 11. – № 4. – С. 317–326.

13. Аурилене, Е. Е. Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.) / Е. Е. Аурилене. – Хабаровск: Частная коллекция, 2008. – 272 с. – Текст : непосредственный.

14. Ахиезер, А. С. Эмиграция из России: культурно-исторический аспект / А. С. Ахиезер. – Текст : электронный // Свободная мысль. – 1999. – № 7. – С. 70–78. – URL: https://zarubezhje.narod.ru/texts/chss_1034.htm?ysclid=lqm2waywba52253114 (дата обращения: 20.03.20204).

15. Ачаир, А. Первая книга стихов / А. Ачаир. – Харбин : Содружество поэтов «Медитат», 1925. – 70 с. – Текст : непосредственный.

16. Ачаир, А. Полянь и солнце / А. Ачаир. – Харбин : Стремя, 1938. – 45 с. – Текст : непосредственный.
17. Бакич, О. М. Остров среди бушующего моря. История шанхайского литературного кружка «Пятница» / О. М. Бакич. – Текст : непосредственный // Новый журнал. – 2005. – № 239. – С. 174–200.
18. Бакунцев, А. В. Речь И. А. Бунина «Миссия русской эмиграции» в общественном сознании эпохи (По материалам эмигрантской и советской периодики 1920-х гг.) / А. В. Бакунцев. – Текст : непосредственный // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. – Москва : Дом Русского Зарубежья имени Александра Солженицына, 2014. – С. 268–337.
19. Балакшин, П. П. Финал в Китае : возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке : в 2-х т. Т. 1 / П. П. Балакшин. – Москва : Изд-во ГПИБ, 2013. – 528 с. – Текст : непосредственный.
20. Баранов, В. И. Алексей Толстой и его «эмигрантский» цикл / В. И. Баранов. – Текст : непосредственный // Эмигранты / А. Толстой. – Москва : Правда, 1982. – С. 539–549.
21. Баранская, Е. М. Вектор творческих экспериментов А. Н. Толстого периода реэмиграции / Е. М. Баранская. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2023. – № 1. – С. 3–15.
22. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин. – Текст : непосредственный // Вопросы литературы и эстетики. – Москва, 1975. – С. 234–407.
23. Белая, Г. А. Рождение новых стилевых форм как процесс преодоления «нейтрального» стиля / Г. А. Белая. – Текст : непосредственный // Многообразие стилей советской литературы : Вопросы типологии. – Москва : Наука, 1978. – С. 477.
24. Белов, В. М. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье. Опыт исследования психологии, настроений и бытовых условий русской эмиграции в наше

время / В. М. Белов. – Москва, Петроград : Государственное издательство, 1923. – 148 с. – Текст : непосредственный.

25. Бобрищев-Пушкин, А. В. Патриоты без отечества / А. В. Бобрищев-Пушкин. – Ленинград : Кубуч, 1925. – 140 с. – Текст : непосредственный.

26. Болотов, А. Т. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1737–1796 : в 2-х т. Т. 2 / А. Т. Болотов ; предисловия, примечания В. Н. Ганичева. – Тула : Приок. кн. изд-во, 1988. – 1056 с. – Текст : непосредственный.

27. Большой толковый словарь русского языка / Главный редактор С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург, Москва : Норинт ; Рипол классик, 2008. – 1534 с. – Текст : непосредственный.

28. Бороздина, П. А. А. Н. Толстой в современном прочтении: полемические заметки / П. А. Бороздина. – Текст : электронный // Берегиня. 777. Сова. – 2013. – № 1 (16). – С. 69–97. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/an-tolstoy-v-sovremennom-prochtenii-polemicheskie-zametki> (дата обращения: 10.02.2024).

29. Бочарова, З. С. Социально-правовая адаптация российской эмиграции 1920–1930-х годов : исторический анализ : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Бочарова Зоя Сергеевна ; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. – Москва, 2005. – 449 с. – Текст : непосредственный.

30. Брайчевский, М. Ю. К истории расселения славян на византийских землях / М. Ю. Брайчевский. – Текст : непосредственный // Византийский временник. – 1961. – № 44. – С. 120–137.

31. Бройтман, С. Н. Лирический субъект / С. Н. Бройтман. – Текст : непосредственный // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий. – Москва : Издательство Кулагиной-Intrada, 2008. – С. 112–113.

32. Бузуев, О. А. Хроника литературной жизни русского зарубежья : Харбин и Китай (1918–1945) / О. А. Бузуев. – Текст : непосредственный // Литературоведческий журнал. – 2001. – № 15. – С. 293–323.

33. Булатова, А. Неуместный модернизм Виктора Шкловского: «Письма не о любви» и границы литературы / А. Булатова. – Текст : электронный // Новое литературное обозрение. – 2015. – № 3. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2015/3/neumestnyj-modernizm-viktora-shklovskogo-pisma-ne-o-lyubvi-i-grani-czy-literatury.html> (дата обращения: 12.02.2024).
34. Булгаков, М. А. Бег / М. А. Булгаков // Пьесы. – Москва : Искусство, 1962. – 481 с. – Текст : непосредственный.
35. Булгаков, М. А. Бег / М. А. Булгаков // Собрание сочинений : в 10-ти т. Т. 5: Багровый остров. – Москва : Голос, 1997. – 670 с. – Текст : непосредственный.
36. Булгаков, М. А. Бег / М. А. Булгаков. – Москва : ЗАО Центрполиграф, 2004. – 538 с. – Текст : непосредственный.
37. Бунин, И. А. Миссия русской эмиграции / И. А. Бунин. – Текст : непосредственный // Великий дурман. – Москва : Совершенно секретно, 1997. – С. 126–138.
38. Варламов, А. Н. На бегу / А. Н. Варламов. – Текст : электронный // Михаил Булгаков. – Москва : Молодая гвардия, 2020. – 848 с. – URL: <https://m-bulgakov.ru/publikacii/varlamov-mihail-bulgakov/p17> (дата обращения: 20.03.2024).
39. Васильевский, Л. М. Что они пишут? (Мемуары бывших людей) / Л. М. Васильевский. – Ленинград, 1925. – 157 с. – Текст : непосредственный.
40. Веселовский, А. Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля / А. Н. Веселовский. – Текст : непосредственный // Историческая поэтика. – Москва : Высшая школа, 1989. – С. 101–154.
41. Вигель, Ф. Ф. Записки / Ф. Ф. Вигель. – Текст : электронный. – München : Im Werden Verlag, 2005. – URL: https://imwerden.de/pdf/vigel_zapiski.pdf?ysclid=m095gywwq8729228010 (дата обращения: 14.02.2024).
42. Витковский, Е. Спи спокойно, кротчайший Ленька! / Е. Витковский // Собрание стихотворений / Л. Е. Ещин. – Москва : Водолей Publishers, 2005. – С. 66. – Текст : непосредственный.
43. Витковский, Е. Формула бессмертия / Е. Витковский. – Текст : непосредственный // Собрание сочинений : в 2-х т. Т. 1 / А. Несмелов. – Москва : Рубеж, 2006. – С. 10.

44. Волин, М. Н. Гибель Молодой Чураевки (воспоминания) / М. Н. Волин. – Текст : непосредственный // Новый журнал. – 1997. – № 209. – С. 219–220.
45. Волин, М. Н. Русские поэты в Китае / М. Н. Волин. – Текст : непосредственный // Континент. – 1982. – № 34. – С. 337–357.
46. Воровский, В. В. В мире мерзости запустения. Русская белогвардейская лига убийц в Стокгольме / В. В. Воровский. – Москва : Государственное издательство, 1919. – 32 с. – Текст : непосредственный.
47. Все случаи убийств российских и советских послов за рубежом. – Текст : электронный // BigPicture.ru : [сайт]. – 2009–2024. – URL: <https://bigpicture.ru/vse-sluchai-ubijstva-rossijskix-i-sovetskix-poslov-za-rubezhom/> (дата обращения: 18.03.2024).
48. Гайдар, А. П. Судьба барабанщика : часть сборника «Восемь лучших произведений в одной книге» / А. П. Гайдар. – Москва : АСТ, 1938. – 58 с. – Текст : непосредственный.
49. Гаспаров, М. Л. Избранные статьи. О стихе. О стихах. О поэтах / М. Л. Гаспаров. – Москва : Новое литературное обозрение, 1995. – 478 с. – Текст : непосредственный.
50. Гаспаров, М. Л. Избранные труды / М. Л. Гаспаров. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – Т. II. О стихах. – 504 с. – Текст : непосредственный.
51. Гачев, Г. Д. Жизнь художественного сознания : Очерки по истории образа. Ч. 1/ Г. Д. Гачев. – Москва : Искусство, 1972. – 202 с. – Текст : непосредственный.
52. Гачев, Г. Д. Образ в русской художественной культуре / Г. Д. Гачев. – Москва : Искусство, 1981. – 248 с. – Текст : непосредственный.
53. Герцен, А. И. Письмо к Ш. Риберолю, издателю журнала «L'Homme». 7 февраля 1854 г. / А. И. Герцен. – Текст : электронный // От Николая до Николая : [сайт]. – 2012. – 10 марта. – URL: <https://nik2nik.ru/node/59> (дата обращения: 30.03.2024).
54. Гиппиус, З. Н. Собрание сочинений : в 15-ти т. Т. 13 / Составление, подготовка текста А. Н. Николюкина и Т. Ф. Прокопова ; комментарии А. Н. Николюкина. – Москва : Изд-во Дмитрия Сечина, 2012. – 656 с. – Текст : непосредственный.

55. Говердовская, Л. Ф. Общая политическая и культурная деятельность русских эмигрантов в Китае в 1917–1931 гг. / Л. Ф. Говердовская. – Москва : Институт Дальнего Востока, 2004. – 189 с. – Текст : непосредственный.
56. Голотик, С. И. Российская эмиграция 1920–30-х гг. / С. И. Голотик, В. Д. Зимина, С. В. Карпенко. – Текст : непосредственный // Новый исторический вестник. – 2002. – Вып. 7. – С. 203–217.
57. Голубков, М. М. Русская литература XX в. После раскола : учебное пособие / М. М. Голубков. – Москва : Аспект-Пресс, 2002. – 267 с. – Текст : непосредственный.
58. Горький, М. Публицистические статьи / М. Горький ; Редакция и примечания И. А. Груздева ; Переплет : А. Ушин. – [2-е изд.]. – Ленинград : Ленгизл, 1933. – 415 с. – Текст : непосредственный.
59. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 568. Оп. 1. Д. 104. Л. 2.
60. Григорьева, Т. Русский Берлин : литературная столица эмиграции. Виктор Шкловский / Т. Григорьева. – Текст : электронный // Яндекс.Дзен : офиц. сайт. – 2021. – 19 апреля. – URL: <https://dzen.ru/a/YH1dWbZzLEZkJrNC> (дата обращения: 15.03.2024).
61. Григорян, А. П. Художественный стиль и структура образа / А. П. Григорян ; АН Арм. ССР, Ин-т лит-ры им. М. Абегяна. – Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1974. – 307 с. – Текст : непосредственный.
62. Грознова, Н. А. Ранняя советская проза (1917–1925) / Н. А. Грознова. – Москва : Наука, 1975. – 206 с. – Текст : непосредственный.
63. Гулин, И. Ошибка выживавшего / И. Гулин. – Текст : электронный // Коммерсантъ Weekend. – 2023. – № 13. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5927897?ysclid=ltoapwa3gx494436540> (дата обращения: 10.02.2024).
64. Гуль, Р. Я унес Россию. Германия / Р. Гуль. – Москва : Захаров, 2024. – 416 с. – Текст : непосредственный.
65. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. Т. 4 : Р – Ижица / В. И. Даль. – 2-е издание, исправленное и значительно умноженное по

рукописи автора. – Санкт-Петербург ; Москва : М. О. Вольф, 1882. – 704 с. – Текст : непосредственный.

66. Даль, Е. Второй родине / Е. Даль // У родных рубежей. – 1942. – № 2. – Текст : непосредственный.

67. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров О лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей. 15 декабря 1921 года. – Текст : электронный // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик : [сайт]. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1271.htm (дата обращения: 17.03.2024).

68. Демидова, О. Р. Метаморфозы в изгнании : литературный быт русского зарубежья / О. Р. Демидова. – Санкт-Петербург : Гиперион, 2003. – 296 с. – Текст : непосредственный.

69. День русской культуры. Однодневный выпуск, посвященный празднованию Дня русской культуры в Харбине в 1934 г. – Харбин, 1934. – Текст : непосредственный.

70. Диао, Шаохуа. Взгляд на литературу русской эмиграции в Китае / Диао Шаохуа. – Текст : непосредственный // Современная зарубежная литература. – Нанкин, 1994. – № 4. – С. 6.

71. Диао, Шаохуа. Литература русской эмиграции в Харбине / Диао Шаохуа. – Текст : непосредственный // Цю Ши. – Харбин, 1992. – № 5. – С. 4.

72. Диао, Шаохуа. Харбинская «Чураевка» / Диао Шаохуа. – Текст : непосредственный / Вступительное слово А. В. Колесова // Рубеж : тихоокеанский альманах / Главный редактор А. В. Колесов. – Владивосток : Рубеж, 2003. – Вып. 4. – С. 219–228.

73. Диао, Шаохуа. Художественная литература русского зарубежья в городе Харбине за первые 20 лет (1905–1925 гг.) : по найденным материалам / Диао Шаохуа. – Текст : непосредственный // Россияне в Азии : литературно-исторический ежегодник / Под редакцией О. Бакич. – Toronto : Центр по изучению России и Восточной Европы в Торонтском ун-те, 1996. – № 3. – С. 56–109.

74. Добролюбов, Н. А. Первые годы царствования Петра Великого / Н. А. Добролюбов. – Текст : электронный // Литрес : [сайт]. – 2012. – 30 августа. – URL: <https://www.litres.ru/book/nikolay-dobrolubov/pervye-gody-carstvovaniya-petra-velikogo-3116185/chitat-onlayn/> (дата обращения: 18.03.2024).
75. Документы внешней политики СССР. Т. 1 (7 ноября 1917 г. – 31 декабря 1918 г.). – Москва : Госполитиздат, 1957. – 772 с. – Текст : непосредственный.
76. Документы внешней политики СССР. Т. 7 : 1924 г. – Москва : Гослитиздат, 1963. – 760 с. – Текст : непосредственный.
77. Дябкин, И. А. Неомифологизм как этнорелигиозный феномен культуры дальневосточного зарубежья : специальность 09.00.14 «Философия религии и религиоведение» : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Дябкин Игорь Анатольевич ; Амурский государственный университет. – Благовещенск, 2014. – 186 с. – Место защиты : Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Текст : непосредственный.
78. Ектения. – Текст : электронный // Православная энциклопедия : официальный сайт. – 2010. – 31 марта. – URL: <https://www.pravenc.ru/text/189661.html> (дата обращения: 20.03.2024).
79. Епишкин, Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка / Н. И. Епишкин. – Текст : электронный // Academic.ru : офиц. сайт. – 2010.– URL: <https://gallicismes.academic.ru/43451/%D1%8D%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%82> (дата обращения: 20.03.2024).
80. Ершов, В. Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. / В. Ф. Ершов. – Москва : Моск. гос. ун-т сервиса, 2000. – 294 с. – Текст : непосредственный.
81. Ещин, Л. Беженец / Л. Ещин // Рубеж. – 1930. – № 1. – Текст : непосредственный.
82. Ещин, Л. Е. Собрание стихотворений / Л. Е. Ещин. – Москва : Водолей Publishers, 2005. – 79 с. – Текст : непосредственный.
83. Ещин, Л. Е. Стихи таежного похода / Л. Е. Ещин. – Владивосток : Изд. Г. А. Белевского, 1921 (Эхо). – 30 с. – Текст : непосредственный.

84. Ещин, Л. Маята. Фрагмент поэмы / Л. Ещин // Рубеж. – 1929. – № 11. – Текст : непосредственный.
85. Ещин, Л. Маята. Эскиз поэмы // Рубеж. – 1929. – № 11. – Текст : непосредственный.
86. Жигунов, Е. К. Эмиграция революционная / Е. К. Жигунов, А. М. Черненко. – Текст : непосредственный // Советская историческая энциклопедия. – Москва : Изд-во «Советская энциклопедия», 1975. – Т. 16. – С. 500–512.
87. Жуковский, В. А. Певец во стане русских воинов / В. А. Жуковский // Собрание сочинений : в 4-х т. Т. 1 : Стихотворения / Редакция В. Базанова ; авторские примечания В. П. Петушков. – Москва : Художественная литература, 1959. – 480 с. – Текст : непосредственный.
88. Забияко, А. А. «Живая муга с узкими глазами» и русское «самотерзанье» (проблема этнокультурной самоидентификации эмигранта в харбинской литературе) / А. А. Забияко. – Текст : непосредственный // Мост через Амур. Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск, 2003. – Вып. 7. – С. 298–312.
89. Забияко, А. А. «Китеж, воскресающий без нас...»: образ Родины в лирике дальневосточной эмиграции / А. А. Забияко, Фэн Ишань. – Текст : непосредственный // Русская словесность. – 2023. – № 4. – С. 58–70.
90. Забияко, А. А. «Четверть века беженской судьбы...»: художественный мир лирики русского Харбина / А. А. Забияко, Г. В. Эфендиева. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2008. – 428 с. – Текст : непосредственный.
91. Забияко, А. А. Лирика «харбинской ноты» : культурное пространство, художественные концепты, версификационная поэтика : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Забияко Анна Анатольевна ; Амурский государственный университет. – Москва, 2007а. – 480 с. – Место защиты : Российский университет дружбы народов. – Текст : непосредственный.
92. Забияко, А. А. Дело о «Чураевском питомнике» : (новые штрихи к известной истории харбинского поэтического объединения) / А. А. Забияко. – Текст : непосредственный // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – № 6. – С. 170–186.

93. Забияко, А. А. Лаомаоцзы, ходя, фазан, тирьда: образы взаимовосприятия китайцев и русских / А. А. Забияко, А. П. Забияко, Чжан Жуян. – Текст : непосредственный // Проблемы Дальнего Востока. – 2020. – № 5. – С. 136–151.
94. Забияко, А. А. Меж двух миров : русские писатели в Маньчжурии / А. А. Забияко, Г. В. Эфендиева. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2009. – 361 с. – Текст : непосредственный.
95. Забияко, А. А. Ментальность дальневосточного фронтира : культура и литература русского Харбина / А. А. Забияко. – Новосибирск : Издательство Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. – 447 с. – Текст : непосредственный.
96. Забияко, А. А. Николай Щеголев : харбинский поэт-одиночка / А. А. Забияко. – Текст : непосредственный // Новый журнал. – Нью-Йорк, 2009. – Т. 256. – С. 310–324.
97. Забияко, А. А. Образ восприятия русских эмигрантов в китайской литературе 1920–1940 гг. / А. А. Забияко, Е. В. Сенина. – Текст : непосредственный // Emigrantologia Slowian. – Opole, 2016. – № 2. – С. 19–32.
98. Забияко, А. А. Образ Родины как константа русской этнической картины мира (историко-литературный контекст) / А. А. Забияко, Фэн Ишань. – Текст : непосредственный // Мир русскоговорящих стран. – 2023. – № 2. – С. 66–82.
99. Забияко, А. А. Тропа судьбы Алексея Ачаира. Научное издание / А. А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во Амурского государственного университета, 2007б. – 250 с. – Текст : непосредственный.
100. Забияко, А. А. Художественный образ восприятия как категория имагологической поэтики / А. А. Забияко, Е. В. Сенина. – Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2021. – Т. XX. – Вып. 1. – С. 166 –172.
101. Забияко, А. А. Юродство как форма литературного поведения / А. А. Забияко. – Текст : непосредственный // Русский Харбин, запечатленный в слове / под редакцией А. А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т,

2009. – Вып. 3. Сборник научных работ, посвященный 95-летию Л. Н. Андерсен. – С. 166–178.

102. Забияко, А. П. Категории «свой» – «чужой» в этническом сознании / А. П. Забияко. – Текст : непосредственный // Россия и Китай на дальневосточных рубежах : материалы 3 междунар. науч. конф. – Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2003. – Вып. 5. – С. 224–228.

103. Забияко, А. П. Начала древнерусской культуры / А. П. Забияко. – Москва : Институт учебника «Пайдея», 2002. – 478 с. – Текст : непосредственный.

104. Забияко, А. П. Порубежье как данность человеческого бытия / А. П. Забияко. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2016. – № 11. – С. 26–36.

105. Забияко, А. П. Русские и китайцы : этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / А. П. Забияко, Р. А. Кобызов, Л. А. Понкратова ; под редакцией А. П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2009. – 412 с. – Текст : непосредственный.

106. Забияко, А. П. На сопках Маньчжурии: русский опыт исхода и диаспоризации / А. П. Забияко. – Текст : непосредственный // Русский Харбин : опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронтира / Под редакцией А. П. Забияко. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2015. – С. 3–14.

107. Зализняк, А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – 544 с. – Текст : непосредственный.

108. Замятин, Е. И. Новая русская проза / Е. И. Замятин. – Текст : непосредственный // Сочинения. – Москва : «Книга», 1988. – С. 420–433.

109. Зверев, А. М. Повседневная жизнь русского литературного Парижа. 1920–1940 / А. М. Зверев. – 2-е изд. – Москва : Молодая гвардия, 2011. – 371 с. – Текст : непосредственный.

110. Зеленин, А. В. Белый в русской эмигрантской публицистике / А. В. Зеленин. – Текст : непосредственный // Русская речь. – 1999. – № 4. – С. 76–80.

111. Зеленин, А. В. Эмиграция глазами эмиграции / А. В. Зеленин. – Текст : непосредственный // Русская речь. – 2000. – № 3. – С. 79–84.

112. Зеленин, А. В. Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939) / А. В. Зеленин. – Москва : Златоуст, 2015. – 662 с. – Текст : непосредственный.
113. Зиненко, Я. В. «Мы жили в Харбине, как при царской России» : социокультурные и этнокультурные процессы 10–50 гг. XX в. в сознании дальневосточных эмигрантов / Я. В. Зиненко, Цзюй Куньи. – Текст : непосредственный // Россия и Китай на дальневосточных рубежах / Под редакцией А. П. Забияко, А. А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2015. – Вып. 11 : Исторический опыт взаимодействия культур. – С. 363–371.
114. Зиненко, Я. В. Как русский Харбин Крещение праздновал : заметки очевидцев / Я. В. Зиненко. – Текст : непосредственный // Любимый Харбин : город дружбы России и Китая / Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае. – Владивосток, 2019. – С. 296–305.
115. Извозчикова, Е. А. Проблема двойничества в произведениях А. Н. Толстого 1920-х гг. («Рукопись, найденная под кроватью» и «Похождения Невзорова, или Ибикус») / Е. А. Извозчикова. – Текст : непосредственный // Альманах современной науки и образования. – Тамбов : Грамота, 2016. – № 7. – С. 32–35.
116. Извозчикова, Е. А. Сюжет сделки человека с дьяволом в повести А. Н. Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус» / Е. А. Извозчикова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2014. – № 10 : в 3-х ч. – Ч. III. – С. 94–96.
117. Камалова, С. Д. Специфика понятийного аппарата имагологии / С. Д. Камалова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 10. – Ч. 1. – С. 26–29.
118. Капинос, Е. В. «Онегин» по-китайски : «Поэма без предмета» В. Перелешина / Е. В. Капинос. – Текст : непосредственный // Русский Китай и Дальний Восток. Поэзия, проза, свидетельства. Коллективная монография / Ответственные редакторы И. В. Силантьев, Е. В. Капинос, И. Е. Лошилов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2020. – С. 207–233.

128. Колосова, М. Письмо в Америку / М. Колосова. – Текст : непосредственный // Армия песен. – Харбин, 1928.
129. Кольцов, М. В норе у зверя / М. Кольцов. – Москва : Журн.-газ. Объединения, 1934. – 30 с. – Текст : непосредственный.
130. Конталева, Е. А. Религиозный синкретизм в ментальности восточной ветви русской эмиграции = Religious syncretism in the mentality of eastern branch of Russian emigration Religious syncretism in the mentality of eastern branch of Russian emigration : в 2-х т. : специальность 5.7.9 «Философия религии и религиоведение» : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Е. А. Конталева ; Амурский государственный университет. – Благовещенск, 2022. – Т. 1. – 202 с. (на рус. яз.); Т. 2. – 201 с. (на англ. яз.). – Место защиты : Санкт-Петербургский государственный университет. – Текст : непосредственный.
131. Корабль (символ). – Текст : электронный // Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия : [сайт]. – 2008–2024. – URL: [https://megabook.ru/article/Корабль%20\(символ\)?ysclid=m0kjdpair313891616](https://megabook.ru/article/Корабль%20(символ)?ysclid=m0kjdpair313891616) (дата обращения: 18.03.2024).
132. Корман, Б. О. Избранные труды по теории и истории литературы / Б. О. Корман. – Ижевск : Издательство Удмуртского университета, 1992. – 235 с. – Текст : непосредственный.
133. Корман, Б. О. Изучение текста художественного произведения / Б. О. Корман. – Москва : Просвещение, 1972. – 110 с. – Текст : непосредственный.
134. Костиков, В. В. Не будем проклинать изгнанье (Пути и судьбы русской эмиграции) / В. В. Костиков. – Москва : Междунар. отношения, 1990. – 462 с. – Текст : непосредственный.
135. Кравченко, Л. Харбин изначальный / Л. Кравченко. – Текст : непосредственный // Харбин. Ветка русского дерева. – Новосибирск : Новосибирское книжное изд-во, 1991. – С. 44–45.
136. Красильников, С. А. Инсценирующая диктатура. Судебный процесс «Промпартии» 1930 г. / С. А. Красильников. – Текст : непосредственный // ЭКО. – 2019. – № 7. – С. 173–192.

137. Красильников, С. А. Инсценирующая диктатура : 90 лет Шахтинскому процессу 1928 г. / С. А. Красильников. – Текст : непосредственный // ЭКО. – 2018. – № 6. – С. 153–174.
138. Кротова, М. В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии: 1920-е-1950-е гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Кротова Мария Владимировна ; Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук. – Санкт-Петербург, 2015. – 536 с. – Текст : непосредственный.
139. Круzenштерн-Петерец, Ю. В. Чураевский питомник (О дальневосточных поэтах) / Ю. В. Круzenштерн-Петерец. – Текст : непосредственный // Возрождение. – 1968. – № 204. – С. 45–70.
140. Крылов, И. А. Урок дочкам / И. А. Крылов. – Текст : непосредственный // Полное собрание сочинений : в 3-х т. Т. II : Драматургия / Редакция текста и примечания Н. Л. Бродского. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1946. – С. 357–600.
141. Кузнецова, О. Ф. «Я оказался в этом сером и неинтересном городе...»: Из шанхайских писем Валерия Перелешина матери, 1943–1946 / О. Ф. Кузнецова. – Текст : непосредственный // Литературный факт. – 2019. – № 4. – С. 145–179.
142. Куликова, Е. Ю. «Японские акварели» Виталия Рябинина : жанровые и строфические эксперименты / Е. Ю. Куликова. – Текст : непосредственный // Сибирский филологический журнал. – 2021. – № 3. – С. 100–112.
143. Куликова, Е. Ю. Гумилевский след в повести шанхайского мариниста Б. Я. Ильвова «Летучий голландец» / Е. Ю. Куликова. – Текст : непосредственный // Русский Китай и Дальний Восток. Поэзия, проза, свидетельства. Коллективная монография / Отв. ред. И. В. Силантьев, Е. В. Капинос, И. Е. Лошилов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2020. – С. 257–267.
144. Куликова, Е. Ю. Об ахматовской балладности в лирике А. Ачайра («Серебряная рыбка», «Призрак») / Е. Ю. Куликова. – Текст : непосредственный // Во власти культуры и текста : сборник научных трудов к юбилею доктора филологических наук, профессора Г. П. Козубовской. – Барнаул, 2021. – С. 345–355.

145. Левин, Ю. И. Заметки о «Машеньке» В. Набокова / Ю. И. Левин. – Текст : непосредственный // Russian Literature. – Amsterdam, 1985. – № XVIII (1). – С. 167–175.
146. Ленин, В. И. Статья № 437. Декрет Совета Народных Комиссаров. О принятии иностранцев в Российское гражданство / В. И. Ленин. – Текст : непосредственный // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР. – Москва : Б. и., 1944. – С. 743–744.
147. Ли, Иннань. Образ Китая в лирике / Ли Иннань. – Текст : непосредственный // Русская литература XX века: итоги и перспективы изучения. Сборник научных трудов, посвященный 60-летию профессора В.В. Агеносова. – Москва, 2002а. – С. 271–272.
148. Ли, Иннань. Образ Китая в русской поэзии Харбина / Ли Иннань. – Текст : непосредственный // Русская литература XX века : итоги и перспективы изучения / Вступительная статья от редколлегии. – Москва : Советский спорт, 2002б. – С. 271–285.
149. Линник, Ю. Сольвейг (Наброски к портрету Лариссы Андерсен) / Ю. Линник. – Текст : непосредственный // Границы. – 1995. – № 177. – С. 149–166.
150. Литература русского зарубежья. Восточная ветвь : Хрестоматия : в 4-х т. Т. 1 : Проза : в 3-х ч. Ч. 1 (А–К) / Составление, общая редакция А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой ; вступительная статья А. А. Забияко ; библиографическая статья Г. В. Эфендиевой ; подготовка текстов И. А. Дябкина, А. А. Забияко, К. А. Землянской, Р. В. Поливан, Г. В. Эфендиевой, А. А. Юрьевой. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2013. – 370 с. – Текст : непосредственный.
151. Литература русских эмигрантов в Китае : в 10-ти т. Т. 2 : Паровозы гудят у Цицикара / Собиратель оригиналов, главный составитель, шеф-редактор Ли Яньлин. – Пекин, 2005. – 706 с. – Текст : непосредственный.
152. Литературное зарубежье России : энциклопедический справочник / Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Комиссия по комплексным исследованиям российской эмиграции, Совет по изучению и охране культурного и природного наследия ; под общей редакцией Е. П. Челышева,

А. Я. Дегтярева; главный редактор Ю. В. Мухачев ; редколлегия В. П. Крейд [и др.]. – Москва : Парад, 2006. – 678 с. – Текст : непосредственный.

153. Лобычев, А. Китеж русской поэзии на Востоке / А. Лобычев. – Текст : непосредственный // Рубеж. – 2003. – № 4. – С. 367–374.

154. Лович, Я. Л. Враги / Я. Л. Лович. – Москва : Вече, 2007. – 348 с. – Текст : непосредственный.

155. Логический анализ языка : Язык и время / Ответственный редактор Н. Д. Арутюнова [и др.]. – Москва : Индрик, 1997. – 352 с. – Текст : непосредственный.

156. Логический анализ языка : Языки этики / Ответственный редактор Н. Д. Арутюнова [и др.]. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – 448 с. – Текст : непосредственный.

157. Логунова, Н. В. «Zoo, или Письма не о любви, или Третья Элоиза» В. Шкловского как филологический эпистолярный роман / Н. В. Логунова. – Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Филология. – 2009. – № 101. – С. 114–122.

158. Лосев, А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. – Москва : Искусство, 1995. – 320 с. – Текст : непосредственный.

159. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре : Быт и традиции русского дворянства (XVII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : «Искусство – СПб», 1994. – 481 с. – Текст : непосредственный.

160. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – Текст : непосредственный // Об искусстве. – Санкт-Петербург : «Искусство – СПб», 1998. – С. 14–285.

161. Луков, В. А. Имагология: тезаурусные расширения / В. А. Луков // Имагологические аспекты русской и зарубежных литературу: межвуз. сб. науч. трудов. – Киров, 2012. – С. 15–32.

162. Лю, Ши. Движение «Переход в Гуаньдун» в русской и китайской литературоведческой парадигме XX–XXI в. / Лю Ши, А. А. Забияко, Чжоу Синьюй [и др.]. – Текст : непосредственный // Россия и Китай на дальневосточных рубежах.

Сборник материалов международной научной конференции «Дальневосточный фронтир. Исторический форум». – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2022. – Вып. 14. – С. 288–297.

163. Лю, Ши. Культура и литература русской эмиграции в оценке китайских ученых / Лю Ши. – Текст : непосредственный // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (Харбин, 16–18 июня 2018 г.). – Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2019а. – С. 214–219.

164. Лю, Ши. Образ русского эмигранта в китайской литературе 20–40-х гг. XX в. / Лю Ши. – Текст : непосредственный // Молодежь XXI века : шаг в будущее: материалы XX региональной научно-практической конференции (г. Благовещенск, 23 мая 2019 г.) : в 3-х т. Т. 1.– Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2019б. – С. 171–172.

165. Лю, Ши. Образы западноевропейской эмиграции и эмигрантов в советской литературе 1920–1940-х гг.: этапы формирования, жанрово-стилевые способы воплощения / Лю Ши. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18. – Вып. 4. – С. 1542–1550.

166. Лю, Ши. Понятие «эмигрант» в китайском этническом сознании: этимология, история, политика / Лю Ши. – Текст : непосредственный // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Народы и культуры Северо-Восточного Китая. Сборник материалов международной научно-практической конференции / Под редакцией А. П. Забияко, А. А. Забияко. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2020а. – Вып. 13. – С. 230–236.

167. Лю, Ши. Культурные коннотации образа восприятия эмигрантов в китайском этническом сознании 20–40-х годов XX века на материале китайской литературы и публицистики / Лю Ши. – Текст : непосредственный // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия : Литературоведение. Журналистика. – 2020б. – Т. 25. – № 4. – С. 671–681.

168. Лю, Ши. Религиозная жизнь северо-маньчжурского города в китайской литературе первой половины XX в. («Сказание о реке Хулань» Сяо Хун) / Лю Ши,

А. А. Забияко, Фэн Ишань [и др.]. – Текст : непосредственный // Религиоведение. – 2023. – № 1. – С. 165–178.

169. Лю, Ши. Религиозная жизнь северо-маньчжурского города первой половины XX в. (Павел Шкуркин) / Лю Ши, А. А. Забияко, Чжоу Синьюй [и др.]. – Текст : непосредственный // Религиоведение. – 2022. – № 3. – С. 64–76.

170. Лю, Ши. Лирические образы самовосприятия русской эмиграции в Китае 20–40-х гг. XX в. / Лю Ши, А. А. Забияко. – Текст : непосредственный // Мир русскоговорящих стран. – 2024. – № 1. – С. 71–86.

171. Лю, Ши. Образы восприятия дальневосточной эмиграции в советской публицистике конца 20-х гг. XX в. / Лю Ши, А. А. Забияко. – Текст : непосредственный // Исторические записки. – 2024. – № 23 (141). – С. 174–192.

172. Макаров, И. И. Рейд черного жука : Повесть / И. И. Макаров. – Москва–Ленинград : Огиз ; Гос. изд-во худ. лит-ры, 1932. – 107 с. – Текст : непосредственный.

173. Мандельштам, О. Э. Девятнадцатый век (1922). – Текст : непосредственный / О. Э. Мандельштам // Сочинения : в 2-х т. Т. 2. – Москва : Художественная литература, 1990. – С. 195–201.

174. Мандельштам, О. Э. Конец романа / О.Э. Мандельштам. – Текст : непосредственный // Собрание сочинений : в 4-х т. Т. 2 : Стихотворения. Проза. 1921–1929 / Составление и комментарии П. Нерлера и А. Никитаева. – Москва : Арт-Бизнес Центр, 1993.– С. 271–275.

175. Март, В. Скитальцам России / В. Март. – Текст : непосредственный // Воскресная Заря. – 1921. – № 6. – 26 июня. – С. 2.

176. Матвеева, Ю. В. Образ белой русской эмиграции в советском литературном пространстве / Ю. В. Матвеева. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2011. – 2 (36). – С. 203–208.

177. Мелихов, Г. В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.) / Г. В. Мелихов. – Москва : Ин-т рос. истории РАН, 1997. – 248 с. – Текст : непосредственный.

178. Мелконян, Э. Л. Диаспора в системе этнических меньшинств / Э. Л. Мелконян. – Текст : непосредственный // Диаспоры. – 2000. – № 1. – С. 12–18.

179. Мещеряков, Н. Л. На переломе : (из настроений белогвардейской эмиграции) / Н. Л. Мещеряков. – Москва : Б. и., 1922. – 73, [1] с. – Текст : непосредственный.
180. Миленко, В. Д. Плутовской герой русской советской прозы 1920-х годов: проблемы типологии / В. Д. Миленко. – Текст : непосредственный // Вопросы русской литературы. Межвузовский научный сборник. – Симферополь : Крымский архив, 2010. – Вып. 18(75). – С. 65 – 73.
181. Миссия русской эмиграции // Руль. – Берлин, 1924. – 3 апр. – № 1013. – С. 5. – Текст : непосредственный.
182. Митрохин, В. А. Отечественная историография российской эмиграции «первой волны» (1920-е – середина 80-х. гг.) / В. А. Митрохин. – Текст : электронный // Известия Самарского научного центра РАН. – 2008. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otechestvennaya-istoriografiya-rossiyskoy-emigratsii-pervoy-volny-1920-e-seredina-80-h-gg> (дата обращения: 20.03.2024).
183. Михайлов, Е. А. Белогвардейцы, поджигатели войны / Е. А. Михайлов. – Москва : Партиздан, 1932. – 64 с. – Текст : непосредственный.
184. Михельсон, А. Д. 30000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. По словарям : Гейзе, Рейфа и др. / А. Д. Михельсон. – Москва : Собственное издание автора, 1866. – 771 с. – Текст : непосредственный.
185. Мочульский, К. Кризис воображения (Роман и биография) / К. Мочульский. – Текст : непосредственный // Критика русского зарубежья : в 2-х ч. Ч. 2. – Москва : Изд-во «Олимп» ; Изд-во «АСТ», 2002. – С. 21–28.
186. Мочульский, К. Новая проза / К. Мочульский. – Текст : непосредственный // Кризис воображения. Статьи. Эссе. Портреты. – Томск : Водолей, 1999. – С. 271–276.
187. Набоков, В. Мы и Они (История русской эмиграции) / В. Набоков. – Текст : электронный // Руль. – 1920. – 2 декабря. – URL: https://evartist.narod.ru/text/43.htm?ysclid=lrbp01u1pk409976658#_top (дата обращения: 16.03.2024).

188. На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией : сборник статей. – Москва : Красная новь, 1923. – 261 с. – Текст : непосредственный.
189. Недельская, Е. Белая роща : Вторая книга стихотворений / Е. Недельская. – Харбин, 1943. – 51 с. – Текст : непосредственный.
190. Несмелов, А. И. «Мы – белые...» / А. И. Несмелов. – Текст : непосредственный // Луч Азии. – 1937. – № 7.
191. Несмелов, А. И. Без России / А. И. Несмелов. – Харбин : Печатано в художественной типографии «Заря», 1931. – 61 с. – Текст : непосредственный.
192. Несмелов, А. И. Белая флотилия : Стихи / А.И. Несмелов. – Харбин, 1942. – 63 с. – Текст : непосредственный.
193. Несмелов, А. И. В закатный час / А.И. Несмелов. – Текст : непосредственный // Луч Азии. – 1939. – № 8/60.
194. Несмелов, А. И. В полночь / А. И. Несмелов // Рубеж. –1945. – № 4. – С. 6. – Текст : непосредственный.
195. Несмелов, А. Собрание сочинений : в 2-х т. Т. I : Стихотворения и поэмы / А. Несмелов. – Владивосток : Рубеж, 2006. – 107 с. – Текст : непосредственный.
196. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. Изд. 18 / С. И. Ожегов ; под редакцией Н. Ю. Шведовой. – Москва : Русский язык, 1984. – 797 с. – Текст : непосредственный.
197. Окунев, Я. По Китайской восточной дороге / Я. Окунев. – Москва : Работник просвещения, 1929. – 71 с. – Текст : непосредственный.
198. Осепян, А. К. Концепты и характеристики диаспоры в классическом и современном виде / А. К. Осепян. – Текст : непосредственный // Вестник ОГУ. – 2013. – № 7 (156). – С. 68–69.
199. Остров : сборник стихотворений / Предисловие Н. Щеголева. – Шанхай : Дракон, 1946. – 292 с. – Текст : непосредственный.
200. Ощепков, А. Р. Имагология / А. Р. Ощепков. – Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 1. – С. 251–253.

201. Паркау, А. Туда – к чужим Огонь неугасимый : Стихи / А. Паркау. – Шанхай, 1937. – 191 с. – Текст : непосредственный.
202. Первое послание Ивана Грозного Курбскому. – Текст : электронный // Древнерусская литература : [сайт]. – URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/pervoe-poslanie-groznogo-kurbskomu/pervoe-poslanie-groznogo-kurbskomu-original.htm?ysclid=luqmur652g239440074> (дата обращения: 17.03.2024).
203. Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике конца XVI – начала XVII века / Подготовил Б. Н. Морозов. – Текст : непосредственный // Археографический ежегодник за 1986 год / Ответственный редактор С. О. Шмидт. – Москва, 1987. – С. 46.
204. Перелешин, В. Ф. Добрый улей : Вторая книга стихотворений / В. Ф. Перелешин. – Харбин : Изд-во В. В. Плотникова, 1939. – 27 с. – Текст : непосредственный.
205. Перелешин, В. Ф. Жертва : Четвертая книга стихотворений / В. Ф. Перелешин. – Харбин : Заря, 1944. – 51 с. – Текст : непосредственный.
206. Перелешин, В. Ф. Русские дальневосточные поэты – друг другу / В. Ф. Перелешин. – Текст : непосредственный // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1988. – № 172/173. – С. 576–580.
207. Перелешин, В. Ф. Русские дальневосточные поэты / В. Ф. Перелешин. – Текст : непосредственный // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1972. – № 107. – С. 255–262.
208. Перелешин, В. Ф. Русские поэты Харбина / В. Ф. Перелешин. – Текст : непосредственный // Современник. – Торонто, 1979. – № 43/44. – С. 181–184.
209. Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным : в 15-ти т. Т. 11 : XVI век // Библиотека литературы Древней Руси / РАН ; Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) ; под редакцией Д. С. Лихачева [и др.]. – Санкт-Петербург : Наука, – 2001. – 681 с. – Текст : непосредственный.
210. Пескова, Г. Н. Дипломатические отношения между СССР и Китаем в 1924–1929 гг. / Г. Н. Пескова. – Текст : непосредственный // Новая и новейшая история. – 1998. – № 2. – С. 106–119.

211. Плавинская, Н. Ю. Великая французская революция (1789–1794) / Н. Ю. Плавинская. – Текст : непосредственный // Исторический лексикон. XVIII век. – Москва : Знание, Владос, 1996. – С. 120–126.
212. Полевой, Е. По ту сторону китайской границы. Белый Харбин / Е. Полевой. – Москва : Ленинград, 1930. – 88 с. – Текст : непосредственный.
213. Пронин, А. А. Российская эмиграция в отечественных докторских диссертационных исследованиях 1980–2005 гг. : специальность 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования»: докторская диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Пронин Александр Алексеевич ; Челябинский государственный педагогический университет. – Челябинск, 2016. – 872 с. – Место защиты: Московский государственный областной университет. – Текст : непосредственный.
214. Раев, М. И. Россия за рубежом : история культуры русской эмиграции: 1919–1939 / М. И. Раев / предисловие О. А. Казниной ; перевод А. Ратобильской ; под редакцией А. П. Фоменко. – Москва : Прогресс-Академия, 1994. – 295 с. – Текст : непосредственный.
215. Развернутое обвинение Курбского в измене : в 15-ти т. Т. 11 : XVI век // Библиотека литературы Древней Руси / РАН ; Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) ; под редакцией Д. С. Лихачева [и др.]. – Санкт-Петербург : Наука, 2001. – С. 298–301. – Текст : непосредственный.
216. Разин, В. В лабиринтах детектива. Очерки истории советской и российской детективной литературы XX века / В. Разин. – Текст : электронный // Электронная библиотека RoyalLib.com : [сайт]. – 2010–2023. – URL: https://royallib.com/read/razin_vladimir/v_labirintah_detektiva.html#0 (дата обращения: 18.03.2024).
217. Редакторская статья // Чураевка. – 1932. – 27 декабря // Личный архив В. А. Слободчикова. – Текст : непосредственный.
218. Роднянская, И. Б. Образ / И. Б. Роднянская. – Текст : непосредственный // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под редакцией А. Н. Николюкина. – Москва : НПК «Интелвак», 2001. – С. 669–674.

219. Русский Берлин : 1921–1923 : По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте / Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии Л. Флейшмана, Р. Хьюза, О. Раевской-Хьюз. – Париж ; Москва : YMCA-Press : Русский путь, 2003. – 392 с. – Текст : непосредственный.
220. Русские и китайцы. Русский Харбин. Социокультурные маркировки жизни : [видео]. – Изображение (движущееся ; двухмерное) : электронное // Центр изучения дальневосточной эмиграции : видео-хостинг YouTube. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-HTUdBSZLbc&list=PLUwfFIQkwFUlytdBI0zMvm39JFEMdmdS0&index=2> (дата обращения: 15.01.2024). – Видео записано 3 мая 2020 г.
221. Русский Париж / Составление, предисловие и комментарии Т. П. Буслаковой. – Москва : Изд-во МГУ, 1998. – 528 с. – Текст : непосредственный.
222. Русская поэзия Китая. Антология / Составители В. Крейд, О. Бакич ; научный редактор Е. Витковский. – Москва : Время, 2001. – 720 с. – Текст : непосредственный.
223. Русский Харбин / Составление Е. П. Таскиной ; предисловие Е. П. Таскиной; комментарии Е. П. Таскиной. – Москва : Изд-во МГУ, 1998. – 272 с. – Текст : непосредственный.
224. Русский Харбин : опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронтира / А. А. Забияко, А. П. Забияко, С. С. Левошко [и др.] / Под редакцией А. П. Забияко. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2015. – 462 с. – Текст : непосредственный.
225. Рыбаковский, Л. Л. Миграция населения : (Вопр. теории) / Л. Л. Рыбаковский ; Рос. акад. наук, Ин-т соц.-полит. исслед. – Москва : ИСПИ, 2003. – 239 с. – Текст : непосредственный.
226. Селунская, Н. Б. Мифологема «русский европеец» как субъективное измерение идентичности эмигрантов «первой волны» / Н. Б. Селунская. – Текст : непосредственный // Диалог со временем. – 2018. – Вып. 64. – С. 196–207.

227. Сенина, Е. В. Металитературная рефлексия китайской литературы в творчестве дальневосточных эмигрантов / Е. В. Сенина. – Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – Т. XV. – Вып. 1. – С. 145–153.
228. Сенина, Е. В. Образы взаимного восприятия русских и китайцев в русской и китайской литературе и публицистике первой половины XX в. : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Сенина Екатерина Владимировна ; Амурский государственный университет. – Благовещенск, 2018. – 246 с. – Место защиты : Российский университет дружбы народов. – Текст : непосредственный.
229. Сёмочкина, Е. И. Периодизация истории российской эмиграции / Е. И. Сёмочкина. – Текст : непосредственный // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2007. – № 24 (96). – С. 52–55.
230. Скороспелова, Е. Б. Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго») / Е. Б. Скороспелова. – Москва : ТЕИС, 2003. – 420 с. – Текст : непосредственный.
231. Слободчиков, В.А. О судьбе изгнаников печальной... Харбин. Шанхай / В.А. Слободчиков. – Москва : ЗАО Центрполиграф, 2005. – 431 с. – Текст : непосредственный.
232. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка : Материалы для лексической разработки заимствованных слов в рус. лит. речи / Сост. под ред. А. Н. Чудинова. – Санкт-Петербург : В. И. Губинский, 1894. – [4], IV, 989, III с. : 24. – Текст : непосредственный.
233. Словарь поэтов Русского Зарубежья / под общей редакцией В. П. Крейда. – Санкт-Петербург : Русский христианский гуманитар. ин-т, 1999. – 472 с. – Текст : непосредственный.
234. Смирнов, С. А. Образ «другого» в сознании русского эмигранта в Маньчжурии (1920 –1930-е гг.) / С. А. Смирнов. – Текст : непосредственный // Уральское востоковедение. – 2005. – № 1. – С. 67–74.

235. Советский энциклопедический словарь / Главный редактор А.М. Прохоров. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Советская энциклопедия, 1989. – 1633 с. – Текст : непосредственный.
236. Соколов, Б.В. Михаил Булгаков : загадки судьбы / Б.В. Соколов. – Москва : Изд-во «Вагриус», 2008а. – 544 с. – Текст : непосредственный.
237. Соколов, Б. В. Михаил Булгаков : загадки творчества / Б. В. Соколов. – Текст : электронный – Москва : Вагриус, 2008б. – 688 с. – URL: <https://m-bulgakov.ru/publikacii/mihail-bulgakov-zagadki-tvorchestva> (дата обращения: 23.03.2024).
238. Сорокина, М. Ю. Русская эмиграция, зарубежье или диаспора? Заметки о языке современной российской эмигрантики / М. Ю. Сорокина – Текст : непосредственный // Русское зарубежье и славянский мир. Сборник трудов. – Белград, 2013. – С. 33–39.
239. Соцреалистический канон / Сборник статей под общей редакцией Х. Гюнтера и Е. Добренко. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2000. – 1040 с. – Текст : непосредственный.
240. Спургот, М. Ц. «Сижу с китайцами в харчевнях...» / М. Ц. Спургот. – Текст : непосредственный // Желтая дама. – Шанхай : Заря, 1931.
241. Стайнер, П. Практика иронии: «Zoo, или письма не о любви» Виктора Шкловского / П. Стайнер. – Текст : электронный // Новое литературное обозрение. – 2015. – № 3. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2015/3/praktika-ironii-zoo-ili-pisma-ne-o-lyubvi-viktora-shklovskogo.html?ysclid=lsptfudfe702534841> (дата обращения: 17.03.2024).
242. Сталин, И. В. Ответ Билль-Белоцерковскому. 2 февраля 1929 г. / И. В. Сталин. – Текст : электронный // Собрание сочинений : в 16-ти т. Т. 11 // Хронос : [сайт]. – URL: <https://hrono.ru/libris/stalin/11-21.html?ysclid=m0lrxcd2nv722161602> (дата обращения: 18.03.2024).
243. Стефаненко, Т. Г. Социальная психология этнической идентичности : специальность 19.00.05 «Социальная психология» : диссертация на соискание учёной степени доктора психологических наук / Стефаненко Татьяна Гавриловна ;

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. – Москва, 1999. – 529 с. – Текст : непосредственный.

244. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология : Учебник для вузов / Т. Г. Стефаненко. – Москва : Аспект Пресс, 2004. – 368 с. – Текст : непосредственный.

245. Струве, Г. Русская литература в изгнании : опыт исторического обзора зарубежной литературы / Г. Струве. – Текст : непосредственный // Краткий биографический словарь русского Зарубежья / Р. И. Вильданова, В. Б. Кудрявцев, К. Ю. Лаппо-Данилевский ; вступительная статья К. Ю. Лаппо-Данилевского. – Париж ; Москва : YMCAPress ; Русский путь, 1996. – 448 с.

246. Судебный процесс «Промпартии» 1930 г. : подготовка, проведение, итоги : в 2-х кн. / Ответственный редактор С. А. Красильников. – Москва : РОССПЭН, 2016. – 2 кн. – Текст : непосредственный.

247. Супоницкая, И. М. Американизация советской России в 1920–1930-е гг. / И. М. Супоницкая. – Текст : непосредственный // Вопросы истории. – 2013. – № 9. – С. 46–59.

248. Тарле, Г. Я. История российского зарубежья: термины; принципы периодизации / Г. Я. Тарле. – Текст : непосредственный // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940 : в 2-х кн. Кн. 1. – Москва : Наследие, 1994. – С. 16–24.

249. Таскина, Е. П. Дорогами русского зарубежья / Е. П. Таскина / Предисловие, послесловие автора. – Москва : МБА, 2007. – 230 с. – Текст : непосредственный.

250. Таскина, Е. П. Неизвестный Харбин / Е. П. Таскина. – Москва : Прометей, 1994а. – 159 с. – Текст : непосредственный.

251. Таскина, Е.П. Поэтическая волна русского Харбина : 1920–1940 гг. / Е. П. Таскина. – Текст : непосредственный // Записки русской академической группы в США. – Нью-Йорк, 1994б. – Т. 26. – С. 105–112.

252. Термины по ОРЦ. Термины Геополитика. – Текст : электронный // Topuch.com : [сайт]. – 2022. – 13 октября. – URL: <https://topuch.com/termini-geopolitika/index.html> (дата обращения: 16.02.2024).

253. Тишков, В.А. Где и когда российская диаспора? / В.А. Тишков. – Текст : непосредственный // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. – Москва : Наука, 2001. – С. 27–32.
254. Тишков, В. А. Российский народ. История и смысл национального самосознания / В. А. Тишков. – Москва : Наука, 2013. – 649 с. – Текст : непосредственный.
255. Токарева, Г. А. О жанре элегии и элегическом модусе / Г. А. Токарева. – Текст : непосредственный // Вестник КРАУНЦ. – Серия «Гуманитарные науки». – № 1 (29). – 2017. – С. 7–11.
256. Толковый словарь русского языка : в 4-х т. Т. 2 : Л – Ояловеть. – Текст : электронный / Главные редакторы Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков ; составители В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин [и др.] ; под редакцией Д. Н. Ушакова. – Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1938. – URL: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 12.03.2024).
257. Толковый словарь русского языка : в 4-х т. Т. 4: С – Ящурный. – Текст : электронный / Главные редакторы Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков ; составители В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин [и др.] ; под редакцией Д. Н. Ушакова. – Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. – URL: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 12.03.2024).
258. Толстая, Е. Д. «Деготь или мед»: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917–1923) / Е. Д. Толстая. – Москва : РГГУ, 2006. – 698 с. – Текст : непосредственный.
259. Толстой, А. Н. На острове Халки / А. Н. Толстой. – Текст : непосредственный // Накануне. – 1922б. – № 34.
260. Толстой, А. Н. Н. Н. Буров и его настроение / А. Н. Толстой. – Текст : непосредственный // Современные записки. – Париж, 1922а. – № 9.
261. Толстой, А. Н. Повести и рассказы / А. Н. Толстой. – Москва : Художественная литература, 1977. – 541 с. – Текст : непосредственный.
262. Толстой, А. Н. Похождения Невзорова или Ибикус. Повесть / А. Н. Толстой. – Ленинград ; Москва : ГИЗ, 1925. – 167 с. – Текст : непосредственный.

263. Толстой, А. Н. Рукопись, найденная под кроватью / А. Н. Толстой. – Текст : непосредственный // Недра: Лит.-худож. сборники. – Москва, 1923. – Кн. 2.
264. Толстой, А. Н. Собрание сочинений : в 10-ти т. Т. 3 : Повести и рассказы (1917–1924) / А. Н. Толстой. – Москва : Гослитиздат, 1958. – 717 с. – Текст : непосредственный.
265. Толстой, А. Н. Черная пятница / А. Н. Толстой. – Петроград : Атеней, 1924. – 188 с. – Текст : непосредственный.
266. Толстой, А. Н. Четыре картины волшебного фонаря / А. Н. Толстой. – Текст : непосредственный // Сегодня. – Рига, 1922в. – №№ 30, 31, 32.
267. Толстой, А. Н. Эмигранты. Повести и рассказы / А. Н. Толстой. – Москва : Правда, 1982. – 482 с. – Текст : непосредственный.
268. Трахтенберг, Э. Письмо матери / Э. Трахтенберг. – Текст : непосредственный // Парус. – 1933. – № 12.
269. Троцкий, Л. Д. Литература и революция / Л. Д. Троцкий. – Москва : Красная новь, 1923. – 392 с. – Текст : непосредственный.
270. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – Москва : Наука, 1977. – 576 с. – Текст : непосредственный.
271. Тюпа, В. И. Модусы художественности / В. И. Тюпа. – Текст : непосредственный // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / Главный научный редактор Н. Д. Тамарченко. – Москва : Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 127–128.
272. Тюркан, О. Спасибо, Стамбул : русская эмиграция на турецком берегу / О. Тюркан. – Текст : электронный // Сборник выступлений международной онлайн-конференции «100-летие отплытия русского флота из Крыма и прибытия эмигрантов из России на Балканы – Русский исход (1920–2020)». – 2020. – URL: <https://www.trtrussian.com/mnenie/spasibo-stambul-russkaya-beleomigraciya-na-tureckom-beregu-1920-1930-gg-7331938> (дата обращения: 17.03.2024).
273. Устриялов, Н. В. Иркутск-Харбин / Н. В. Устриялов. – Текст : непосредственный // Новости жизни. – 1927. Юбилейный номер.

274. Фарыно, Е. Введение в литературоведение : учебное пособие / Е. Фарыно. – Санкт-Петербург : Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. – 639 с. – Текст : непосредственный.
275. Федотов, О. И. Основы русского стихосложения. Теория и история русского стиха : в 2 кн. / О. И. Федотов. – Москва : Флинта, 2002. – 2 кн. – Текст : непосредственный.
276. Фрейнкман-Хрусталева, Н. С. Эмиграция и эмигранты : История и психология / Н. С. Фрейнкман-Хрусталева, А. И. Новиков ; научный редактор Г. А. Тишкун ; С.-Петерб. гос. акад. культуры [и др.]. – Санкт-Петербург : СПбГАК, 1995. – 153 с. – Текст : непосредственный.
277. Хайндрова, Л. Ю. Сердце поэта / Л. Ю. Хайндрова. – Калуга : Полиграф-информ, 2003. – 412 с. – Текст : непосредственный.
278. Хайндрова, Л. Ю. Ступени : Стихи 1931–1938 / Л. Ю. Хайндрова. – Харбин : Изд. В.В. Плотникова, 1939. – 64 с. – Текст : непосредственный.
279. Харбин. Ветка русского дерева : Проза, стихи / составители Д. Г. Селькина, Е. П. Таскина. – Новосибирск : Новосибирское книжное изд-во, 1991. – 400 с. – Текст : непосредственный.
280. Хисамутдинов, А. А. Российская эмиграция в Китае : Опыт энциклопедии / А. А. Хисамутдинов. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 360 с. – Текст : непосредственный.
281. Хлебников, В. Творения / В. Хлебников ; общая редакция и вступительная статья М. Я. Полякова ; составление, подготовка текста и комментарии В. П. Григорьева и А. Е. Парниса. – Москва : Советский писатель, 1986. – 736 с. – Текст : непосредственный.
282. Хмельницкая, Т. Ю. Неопубликованная статья о В. Шкловском / Т. Ю. Хмельницкая. – Текст : электронный // Вопросы литературы. – 2005. – № 5. – URL: http://www.marie-olshansky.ru/smo/vsh_zoo.shtml (дата обращения: 18.03.2024).
283. Храпченко, М. Б. Горизонты художественного образа / М. Б. Храпченко. – Москва : Художественная литература, 1986. – 441 с. – Текст : непосредственный.

284. Хрусталева, Н. С. Психология эмиграции: социально-психологические и личностные проблемы : специальность 19.00.05 «Социальная психология» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук / Хрусталева Нелли Сергеевна ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 1996. – 36 с. – Текст : непосредственный.
285. Хюбнер, К. Нация : от забвения к возрождению / К. Хюбнер. – Москва : «Канон+»; ИО «Реабилитация», 2001. – 400 с. – Текст : непосредственный.
286. Цзюй, Куны. «Харбинский текст» первой половины XX века в устных рассказах харбинцев / Цзюй Куны. – Текст : непосредственный // Традиционная культура. – 2019. – Т. 20. – № 4. – С. 120–135.
287. Цмыкал, О. Е. Религиозный аспект поэтического этнографизма Лариссы Андерсен / О. Е. Цмыкал. – Текст : непосредственный // Религиоведение. – 2021. – № 1. – С. 124–135.
288. Чудакова, М. О. Литература советского прошлого / М. О. Чудакова. – Москва : Языки русской культуры, 2001. – 472 с. – Текст : непосредственный.
289. Чуйков, В. О конфликте на КВЖД / В. Чуйков. – Текст : непосредственный // Военно-исторический журнал. – 1976. – № 7. – С. 49–57.
290. Чуприна, М.В. Эмиграция гражданского населения из России в Китай и ее особенности: 1917–1945 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Чуприна Мария Владимировна ; Московский гуманитарный университет. – Москва, 2012. – 185 с. – Текст : непосредственный.
291. Шамшин, Л. Б. Все шедевры мировой литературы в кратком изложении. Сюжеты и характеры. Русская литература XX века / Л. Б. Шамшин ; редактор и составитель В. И. Новиков. – Москва : Олимп: АСТ, 1997. – 896 с. – Текст : непосредственный.
292. Шахтинский процесс 1928 г. : подготовка, проведение, итоги : в 2-х кн. / Ответственный редактор С. А. Красильников. – Москва : РОССПЭН, 2010–2011. – 2 кн. – Текст : непосредственный.

293. Шкаренков, Л. К. Эмиграция / Л. К. Шкаренков. – Текст : непосредственный // Советская историческая энциклопедия : в 16-ти т. Т. 16. – Москва : Изд-во «Советская энциклопедия», 1976. – С. 492–500.
294. Шкловский, В. Б. Zoo или Письма не о любви / В. Б. Шкловский. – Берлин : Геликон, 1923. – 110 с. – Текст : непосредственный.
295. Шкловский, В. Б. Zoo или Письма не о любви / В. Б. Шкловский. – Ленинград : Атеней, 1924. – 96 с. – Текст : непосредственный.
296. Шмелев, А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / А. Д. Шмелев, Т. В. Булыгина. – Москва : Языки славянской культуры, 1997. – 576 с. – Текст : непосредственный.
297. Щеголев, Н. Русский художник / Н. Щеголев. – Текст : непосредственный // Парус. – 1933. – № 11.
298. Эмиграция и репатриация в России / В. А. Ионцев, Н. М. Лебедева, М. В. Назаров [и др.] ; составитель и главный редактор Бондарев А. А. – Текст : электронный. – Москва : Попечительство о нуждах рос. репатриантов, 2001. – 490 с. – URL: https://gulevich.net/statiy.files/emigrated_glavy_iz_knigi.htm (дата обращения: 22.02.2024).
299. Эпштейн, М. Н. Образ художественный / М. Н. Эпштейн. – Текст : непосредственный // Литературный энциклопедический словарь / Под редакцией В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – Москва : Советская энциклопедия, 1987. – С. 252–257.
300. Этимологический словарь современного русского языка / Под редакцией М. Н. Свиридовской. – Москва : «Аделант», 2014. – 512 с. – Текст : непосредственный.
301. Эфендиева, Г. В. Проблема этнической идентификации поэтов-эмигрантов русского Харбина / Г. В. Эфендиева. – Текст : непосредственный // Русский язык за рубежом. – 2011. – № 1. – С. 72–78.
302. Якимова, С. И. Литература русского зарубежья Дальнего Востока : учебное пособие. – 2-е издание, переработанное и дополненное / С. И. Якимова. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2009. – 111 с. – Текст : непосредственный.

303. Яков Окунев. – Текст : электронный // Fantlab.ru : [сайт]. – 2005–2024. – URL: <https://fantlab.ru/autor6583?ysclid=m0umhspt38946056318> (дата обращения: 18.03.2024).
304. Якушева, Г. В. Отстранение / Г. В. Якушева. – Текст : непосредственный // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под редакцией А. Н. Николюкина. – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН : Интелвак, 2001. – С. 704.
305. Ястребов, А. Л. Свое и чужое: философско-социологическая реконструкция сценария культурной ассимиляции (к проблеме – русские в Китае и мире) / А. Л. Ястребов. – Текст : непосредственный // Россия и Китай на дальневосточных рубежах / Под редакцией А. П. Забияко. – Благовещенск, 2006. – Вып. 7. – С. 285–298.
306. Яцюк, Т. А. «Терминотворчество» тоталитарного правосудия / Т. А. Яцюк. – Текст : непосредственный // Русская речь. – 1991. – № 3. – С. 53–57.
307. Boym, S. The Future of Nostalgia. Simplified Chinese language edition arranged with Svetlana Boym / S. Boym. – Nanjing: Elaine Markson Literary Agency, through Jia-Xi books Co., Ltd, Taiwan Simplified Chinese edition copyright by Yilin Press, 2010. – 491 p. – Текст : непосредственный.
308. Great Soviet Encyclopedia. A translation of the third edition. – New York, 1976. – Vol. 30. Exlibris – Yaya. – 1978. – 632 p. – Текст : непосредственный.
309. Faryno, J. Wstęp do literaturoznawstwa. Wydanie II poszerzone i zmienione / J. Faryno. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1991. – 314 s. – Текст : непосредственный.
310. Liu, Shi. Correlation of Images of Motherland / Liu Shi, O.E. Tsmykal, Feng Yishan. – Текст : непосредственный // Emigration in Works of Younger Harbin Poets // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2021. – Vol. 107. – ISCKMC 2020. – P. 1628–1635.

311. Liu, Shi. Frontier as an artistic concept / Liu Shi, A. A. Zabiyako, Ya. V. Zinenko et al. – DOI: 10.15405/epsbs.2021.02.02.146. – Текст : непосредственный // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2021. – Vol. 102. – P. 1172–1179.
312. Pageaux, D.-H. Une perspective d'études en littérature comparée: l'imagerie Culturelle / D.-H. Pageaux. – Текст : непосредственный // Synthesis. – 1981. – Vol. 8. – P. 169–185.
313. Raeff, M. Russia abroad: a cultural history of the Russian emigration, 1919–1939 / M. Raeff. – New York: Oxford University Press, 1990. – 290 p. – Текст : непосредственный.
314. 弗拉基米尔·伊里奇·列宁. 列宁手稿 // 列宁全集. – 北京: 人民出版社, 2017. – 689 页 (Ленин, В. И. Рукописи Ленина / В. И. Ленин. – Текст : непосредственный // Собрание Ленина : в 17-ти т. Т. 10. – Пекин: Народное издательство, – 1979. – 689 с.). – Текст : непосредственный.
315. 卡尔·曼海姆. 意识形态与乌托邦. – 北京: 商务印书馆, 2014. – 411 页 (Мангейм, К. Идеология и утопия / К. Мангейм ; перевод Ли Булоу, Шан Вэй, Ци Ахун, Чжу Ян. – Пекин : Шан У Инь Шу Гуань, 2014. – 411 с.). – Текст : непосредственный.
316. 陈世雄, 周湘路. 逃亡: 布尔加科夫戏剧三种 / 陈世雄, 周湘路. – 厦门: 厦门大学出版社, 2004. – 294 页 (Чэнь, Шисюн. Бег – три пьесы Булгакова / Чэнь, Шисюн, Чжоу Сянлу. – Сямэнь : Изд-во Сямэньского университета, 2004. – 294 с.]. – Текст : непосредственный.
317. 刁绍华. 中国 (哈尔滨—上海) 俄侨作家文献存目 / 刁绍华. – 哈尔滨: 北方文艺出版社, 2001. – 221 页 (Диао, Шаохуа. Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае) : Библиография: (Список книг и публикаций в периодических изданиях) / Диао Шаохуа. – Харбин : Изд-во Литературы и искусства на севере, 2001. – 221 с.). – Текст : непосредственный.

318. 樊小玲. 自我认知, 世界图景与国家形象传播 / 樊小玲 // 现代传播. – 2018. – № 10. – 页. 160–164 (Фань, Сяолин. Самовосприятие, мировая картина мира и коммуникация национального образа / Фань Сяолин. – Текст : непосредственный // Современная коммуникация. – 2018. – № 10. – С. 161–164).
319. 谷玮洁. 评 20 世纪六七十年代苏联文学的国际题材创作 / 谷玮洁 // 外国语文论. – 2010. – № 4. – 页. 379–385 (Гу, Бэйцзе. Обзор международных тем в советской литературе 1960–70-х гг. / Гу Бэйцзе. – Текст : непосредственный // Серия иностранного языка. – 2010. – № 4. – С. 379–385).
320. 李萌. 缺失的一环：在华俄国侨民文学 / 李萌. – 北京：北京大学出版社, 2007. – 483 页 (Ли, Мэн. Литература русской эмиграции в Китае : забытая страница / Ли Мэн. – Пекин : Изд-во Пекинского университета, 2007. – 483 с.). – Текст : непосредственный.
321. 李兴耕. 风雨浮萍：俄国侨民在中国 (1917–1945) / 李兴耕. – 北京：中央编译出版社, 1997. – 434 页 (Ли, Синган. Плывущий лотос в буре: русские эмигранты в Китае (1917–1945) / Ли Синган. – Пекин : Бюро перевода и редактирования ЦК, 1997. – 434 с.). – Текст : непосредственный.
322. 李延龄. 哈尔滨，我的摇篮 / 李延龄. – 哈尔滨：北方文艺出版社, 黑龙江教育出版社, 2002. – 324 页 (Ли, Яньлин. Харбин – моя колыбель / Ли Яньлин. – Харбин : Северная литература и искусство, хэйлунцзянское образование, 2002а. – 324 с.). – Текст : непосредственный.
323. 李延龄. 松花江晨曲 / 李延龄. – 哈尔滨：北方文艺出版社, 黑龙江教育出版社, 2002. – 398 页 (Ли, Яньлин. Утренняя песня Сунгари / Ли Яньлин. – Харбин : Северная литература и искусство, хэйлунцзянское образование, 2002б. – 398 с.). – Текст : непосредственный.
324. 李延龄. 松花江畔紫丁香 / 李延龄. – 哈尔滨：北方文艺出版社, 黑龙江教育出版社, 2002. – 355 页 (Ли, Яньлин. Сирены у Сунгари / Ли Яньлин. – Харбин :

Северная литература и искусство, хэйлунцзянское образование, 2002в. – 355 с.). – Текст : непосредственный.

325. 荣洁. 俄侨与黑龙江文化：俄罗斯侨民对哈尔滨的影响 / 荣洁. – 哈尔滨：黑龙江大学出版, 2011. – 224 页 (Жун, Цзе. Русская эмиграция и хэйлунцзянская культура: русская эмиграция оказывает влияние на Харбин / Жун Цзе. – Харбин : Изд-во Хэйлунцзянского университета, 2011. – 224 с.). – Текст : непосредственный.

326. 石方, 刘爽, 高凌. 哈尔滨俄侨史 / 石方, 刘爽, 高凌. – 哈尔滨：黑龙江人民出版社, 2003. – 630 页 (Ши, Фан. История русских эмигрантов Харбина / Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин. – Харбин : Народное издательство пров. Хэйлунцзян, 2003. – 630 с.). – Текст : непосредственный.

327. 汪之成. 上海的俄国文化地图 / 汪之成. – 上海：上海光启书局, 2010. – 151 页 (Ван, Чжичэн. Карта русской культуры в Шанхае / Ван Чжичэн. – Шанхай : Шанхайское издательство «Бриллиант», 2010. – 151 с.). – Текст : непосредственный.

328. 汪之成. 上海俄侨史 / 汪之成. – 上海：上海三联书店, 1993. – 832 页 (Ван, Чжичэн. История русских эмигрантов Шанхая / Ван Чжичэн. – Шанхай : Изд-во Санълянь в Шанхае, 1993. – 832 с.). – Текст : непосредственный.

329. 姚月萍. 评布尔加科夫的戏剧创作 / 姚月萍 // 南大戏剧论丛. – 2015. – № 11. – 页. 197–205 (Яо, Юэпин. Обзор драматического творчества Булгакова / Яо Юэпин. – Текст : непосредственный // Драматическая серия Нанкинского университета. – 2015. – № 11. – С. 197–205).

330. 周湘鲁. 与时代对话: 米·布尔加科夫戏剧研究 / 周湘鲁. – 厦门：厦门大学出版社, 2011. – 194 页 (Чжоу, Сяну. Диалог с эпохой : Эссе по мотивам пьес М. А. Булгакова / Чжоу Сяну. – Сямэнь : Изд-во Сямэньского университета, 2011. – 194 с.). – Текст : непосредственный.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Образ самовосприятия эмиграции и эмигрантов в лирике
дальневосточных эмигрантов (1920–1945)**

**Таблица. Опись стихотворений дальневосточных поэтов, отразивших образ
самовосприятия эмиграции и эмигрантов**

ФИО автора, годы жизни	Название стихотворения	Выходные данные (место первой публикации // страницы в Антологии «Лирика русского Китая»)
Старшее поколение		
Алл Николай Николаевич, 189(?)– 1996.	«Я выпил стакан эмигрантской отравы...»	Ектенья. Стихи о России. Харбин.1923. 30 с. // С. 42.
	«Что я могу еще сказать...»	Стихи о России. Харбин.1923. 30 с. // С. 42–43.
Ачаир Алексей Алексеевич, 1896– 1960.	По странам рассеяния. Эмигранты	Ачаир А. Первая книга стихов. Харбин: Содружество поэтов «Медитат», 1925. 70 с. // С. 67–68.
	Эмигрантка	Ачаир А. Полынь и солнце. Харбин: Стремя, 1938. 45 с. // С. 78–79.
	Как и прежде	Ачаир А. Тропы. Харбин, 1939. 62 с. // С. 80–81.
Баженова Таисия Анатольевна, (?)– 1978.	Русская старушка	Феникс. 1935. № 5 // С. 86.
Ещин Леонид Евсеевич, 1897–1930.	Про Москву	По автографам из архива Е.Д. Войековой, хранившимся у ее дочери, советской писательницы Н. Ильиной в 70-е годы // С. 180–182.
	«И опять в беспредельную синь...»	По автографам из архива Е. Д. Войековой, хранившимся у ее дочери, советской писательницы Н. Ильиной в 70-е годы // С. 182.
	Маята. Фрагмент Поэмы	Рубеж. 1929. № 11 // С. 184–185
	Маята. Эскиз поэмы	Рубеж. 1929. № 11 // С. 185–186.
	Беженец	Рубеж. 1930. № 1 // С. 188.
Колосова Марианна (Виноградова Римма Ивановна), 1903– 1964.	«Наши матери влюблялись при луне...»	Рубеж. 1930. № 10 // С. 231–232.
	«Встретились на вокзале...»	Рубеж. 1930. № 10 // С. 232–233.
	«Завесу былого откроем...»	Рубеж. 1930. № 10 // С. 233.
	Медный грош	На звон мечей. Харбин, 1934 // С. 233–234.
	В мире мемуаров	«Не покорюсь!». Харбин. 1932. // С. 235.
	Нечего терять	Русское слово. 1932. 21 февр. // С. 235–236.

	Рождество на чужбине	Медный гул. Шанхай, 1937; ранее печаталось: Рубеж. 1934. 7 янв. № 2 // С. 236–237.
Несмелов Арсений (наст. фам. Митропольский Арсений Иванович), 1889–1945.	Бессмертник	Рубеж. 1933. 14 окт. № 42 // С. 239–240.
	Елка на чужбине	«Господи, спаси Россию!». Харбин. 1930 // С. 242–243.
	Письмо в Америку	Армия песен. Харбин, 1928 // С. 237–238.
	Неужели?	Вспомнить, нельзя забыть. Стихи Марианны Колосовой. С. 158.
Паркау Александра Петровна, 1889–1954.	Переходя границу	Несмелов А. Без России. Харбин: Печатано в художественной типографии «Заря», 1931. 61 с. // С. 319–320.
	Ночью	Несмелов А. Без России. Харбин: Печатано в художественной типографии «Заря», 1931. 61 с. // С. 320–321.
	Прикосновения	Несмелов А. Без России. Харбин: Печатано в художественной типографии «Заря», 1931. 61 с. // С. 321–322.
	Пять рукопожатий	Несмелов А. Без России. Харбин: Печатано в художественной типографии «Заря», 1931. 61 с. // С. 323.
	Потомку	Несмелов А. Белая флотилия: Стихи. Харбин, 1942. 63 с. // С. 335–337.
	Изнеможение	Литература русских эмигрантов в Китае. Пекин, 2005. Т. 2. Паровозы гудят у Цицикара. С. 79.
	Эпитафия	Несмелов А. Белая флотилия: Стихи. Харбин, 1942. 63 с. // С. 337.
	В закатный час	Луч Азии. 1939. № 8/60 // С. 340.
	В полночь	Рубеж. 1945. № 4 // С. 342–343.
	На водоразделе	Литература русских эмигрантов в Китае. Пекин, 2005. Т. 2. Паровозы гудят у Цицикара. С. 56.
	Тень	По автографу из архива П. П. Балакшина // С. 345.
	Харбинская весна	Паркау А. Огонь неугасимый: Стихи. Шанхай, 1937. 191 с. // С. 364–365.
	Воспоминание	По автографу из архива составителя. 1937 // С. 365–366.
	Под сиренью	По автографу из архива составителя. 1937 // С. 366–367.
	Весна в Харбине	Рубеж. 1930. № 16 // С. 367.

	Туда – к чужим	Паркау А. Огонь неугасимый: Стихи. Шанхай, 1937. 191 с. // С. 369–370.
Яшнов Евгений Евгеньевич, 1881–1943.	«Смотрю ли в небо голубое...»	Яшнов Е. Стихи. Место издания не указано [Шанхай], 1947. 103 с. // С. 626.
	«Бегут сумасшедшие годы...»	Яшнов Е. Стихи. Место издания не указано [Шанхай], 1947. 103 с. // С. 631.
Молодое поколение		
Волин Михаил (Володченко Михаил Николаевич), 1914–1997.	«В переулок пустынный, где серо и душно от пыли...»	Рубеж. 1936. № 39 // С. 118.
Даль Елена Ф. Даль Елена Ф. (наст. фам. Плаксеева), годы жизни не указаны.	Второй родине	У родных рубежей 1942. № 2 // С. 166-167.
Иевлева Варвара Николаевна, 1900–1960.	Город Харбин	Рубеж. 1928. № 40 // С. 214.
Ильнек Нина, годы жизни не указаны.	В поезде	Рубеж. 1930. № 46 // С. 218-220.
Круzenштерн-Петерец Юстина, 1903–1983.	Поражение	По автографу. Шанхай // С. 264.
	Встреча	Круzenштерн-Петерец Ю. Стихи. Шанхай, 1946 // С. 264.
	«Покамест не надо... Пожалуйста, позже...»	Стихи. Шанхай. 1946 // С. 264–265.
Недельская Елена Николаевна, 1912–1980.	Далекое	Недельская Е. Белая роща: Вторая книга стихотворений. Харбин, 1943 // С. 310.
	Было	Недельская Е. Белая роща: Вторая книга стихотворений. Харбин, 1943 // С. 310–311.
Перелешин Валерий Францевич, 1913–1992.	В лабиринте	По авторизованной машинописи. // С. 382–383.
	Мы	Герман. Добрый улей: Вторая книга стихотворений. Харбин, 1939. 27 с. 200 экз. (Герман – монашеское имя Перелешина) // С. 386–387.
	Ностальгия	Перелешин В. Жертва: Четвертая книга стихотворений. Харбин: Заря, 1944. 51 с. // С. 394–395.
	Россия	Впервые в коллективном сборнике «Остров» (1946) // С. 401.
	Заблудившийся аргонавт	Перелешин В. Качель: Шестая книга стихотворений. Франкфурт-на-Майне: Издание автора, 1971. 84 с. // С. 402–403.
	Изгой	По кн.: «С горы Нево» // С. 411.

	Три Родины	Новое русское слово. 1973. 30 дек. (Нью-Йорк), вошло в кн.: «С горы Нево» // С. 412.
Петерец Николай Владимирович, (?)–1944.	Россия	Остров: Сборник стихотворений. Шанхай: Изд. Шанхайской студии поэтов, 1946. 252 с. // С. 425.
Рачинская Елизавета Николаевна, 1904–1993.	Баллада сентиментальных вздохов	Из собрания составителя // С. 440–441.
Сатовский (Сатовский-младший) Григорий Григорьевич, 1909–1955.	Письмо	Золотые кораблики: Стихи. Харбин, 1942. 62 с. // С. 457–458.
	Аньда	Впервые: Рубеж. 1940. № 38 // С. 461–462.
	На полустанке	Впервые: Рубеж. № 32 // С. 463–464.
	Коллекционер	Золотые кораблики: Стихи. Харбин, 1942. 62 с. // С. 465–466.
Светлов Николай (наст. фам. Свињин), 1908–начало 1970-х.	Новый год Китая	Рубеж. 1929. № 7 // С. 469–470.
	Открытка с родины	Семеро. Харбин, 1931 // С. 471
	На улице	Семеро. Харбин, 1931 // С. 474–475.
	За рубежом	Рубеж. 1931. № 3 // С. 476
	Твой голос	Понедельник. 1931. № 2 // С. 477–478.
Сергин Сергей (Петров Сергей Федорович), 1910–1934.	Странник	Рубеж. 1934. № 27 // С. 487.
Спургот Михаил Цезаревич, 1901–1993.	«Сижу с китайцами в харчевнях...»	Спургот М. Желтая дама. Шанхай: Заря, 1931. 63 с. // С. 517.
Трахтенберг Эмма, (?)–1937.	Письмо матери	Парус. 1933. № 12 // С. 533–534.
Хаиндрова Лидия Иулиановна (также Юлиановна; наст. фам. Хаиндрава), 1910–1986.	«Далеко покинутая родина...»	Багульник: Литературно-художественный сборник. Харбин, 1931. // С. 538.
	«Всю жизнь Ты создавал меня, мой ум...»	Излучины. Харбин, 1935 // С. 539.
	Под чужим небом	Хаиндрова Л. Ступени: Стихи 1931–1938. Харбин, 1939. 61 с. // С. 539–540.
	Не закричу	Хаиндрова Л. Ступени: Стихи 1931–1938. Харбин, 1939. 61 с. // С. 540.
	«Стремительно бежим – куда, не зная...»	Хаиндрова Л. Ступени: Стихи 1931–1938. Харбин, 1939. 61 с. // С. 540–541.
	«Не плакать, нет... и не просить щедрот...»	Хаиндрова Л. Крылья. Харбин: Заря, 1941 // С. 541.
	Беженцы	Хаиндрова Л. Крылья. Харбин: Заря, 1941 // С. 547.

Шмейссер Михаил Петрович, 1909–1986.	Мы – землепроходцы	У родных рубежей. Харбин, 1942. // С. 560–561.
Щеголев Николай Александрович, 1910–1975.	Опыт	По авторизованной машинописи. // С. 563.
	Диссонанс	Понедельник. 1931. № 2 // С. 563–564.
	В раздумья	Русская поэзия Китая: Антология. С. 568.
	Русский художник	Парус. 1933. № 11 // С. 569.